

ISSN 1995-0861

ВЕСТНИК

Красноярского
государственного
педагогического
университета
им. В.П. Астафьева

2023
№ 3 [65]

Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)

Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin KSPU)

Научное периодическое издание
Scientific serial

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева»

Publisher:

Federal State Budgetary Educational Institution
«Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-29950 от 19.10.2007

«Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ)» включен:

в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 05.03.2010; электронно-библиотечную систему издательства «Лань»; систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); международную базу данных периодических изданий ULRICHS WEB

Журнал размещен на платформе публикаций Readera

Периодичность 4 раза в год

Главный редактор: Ильина Нина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе и внешнему взаимодействию, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Editor-in-Chief: Ilyina, Nina F., DSc (Pedagogy), Professor, Provost for Research and External Interface, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по языкознанию: Васильева Светлана Петровна, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Linguistics: Vasilyeva, Svetlana P., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Саволайнен Галина Савельевна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Savolainen, Galina S., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Шашкина Мария Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Shashkina, Mariya B., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по педагогике: Янова Марина Геннадьевна, доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Education: Yanova, Marina G., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Научный редактор по психологии: Сафонова Марина Вадимовна, кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Science Editor in Psychology: Safonova, Marina V., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Ответственный секретарь: Шкерина Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Executive Editor: Shkerina, Tatiana A., PhD (Pedagogy), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Редакционная коллегия Editorial board

Адольф В.А., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Adolf V.A., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Vasiliev A.D., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Гафурова Н.В., доктор педагогических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск
Gafurova N.V., DSc (Pedagogy), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Григорьева Т.М., доктор филологических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск
Grigoryeva T.M., DSc (Philology), Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Завьялов А.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Zavyalov A.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Казыдуб Н.Н., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Kazydub N.N., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Кошкарёва Н.Б., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск

Koshkareva N.B., DSc (Philology), Professor, the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Логина И.О., доктор психологических наук, профессор, Красноярский государственный медицинский университет им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого

Loginova I.O., DSc (Psychology), Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasensky

Майер В.Р., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Mayer V.R., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Миллер О.М., кандидат психологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Miller O.M., PhD (Psychology), Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Osetrova E.V., DSc (Philology), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Н.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Pak N.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Расчётина С.А., доктор педагогических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

Raschetina S.A., DSc (Pedagogy), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Серый А.В., доктор психологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет

Sery A.V., DSc (Psychology), Professor, Kemerovo State University

Соловьёва С.Л., доктор психологических наук, профессор, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова, Санкт-Петербург

Solovyeva S.L., DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov, St. Petersburg

Фурьева Т.В., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Furyaeva T.V., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Чижакова Г.И., доктор педагогических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Chizhakova G.I., DSc (Pedagogy), Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Шкерина Л.В., доктор педагогических наук, профессор (по согласованию)

Shkerina L.V., DSc (Pedagogy), Professor (by agreement)

Шмелёв А.Д., доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет

Shmelev A.D., DSc (Philology), Professor, Moscow Pedagogical State University

**Международное представительство
в редакционной коллегии журнала «Вестник КГПУ»
обеспечивают:**

**International representatives
of the Bulletin editorial board:**

Бидайбеков Есен Ыкласович, доктор педагогических наук, профессор, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алма-Ата

Bidaybekov, Esen Yklasovich, DSc (Pedagogy), Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty

Бровка Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск

Brovka, Natalya Vladimirovna, DSc (Pedagogy), Professor, Belarusian State University, Minsk

Самбалхундэв Хаш-Эрдэнэ, доктор педагогических наук, профессор, Университет Маргад, Эрдэнэт, Монголия

Sambalkhunde, Hash-Erdene, DSc (Pedagogy), Professor, Margad University, Erdenet, Mongolia

Стоилкович Снежана, доктор психологических наук, профессор, Нишский университет, Сербия

Stoilkovich, Snezhana, DSc (Psychology), Professor of the School of Philosophy, Nishsky University, Serbia

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ THEORY AND METHODOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Н.А. Богульская, М.М. Кучеров, В.Б. Туговиков
КИБЕРУЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ
В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
N.A. Bogul'skaya, M.M. Kucherov, V.B. Tugovikov
CYBER EXERCISES AND THEIR ROLE
IN TRAINING INFORMATION SECURITY SPECIALISTS

[5]

И.Г. Каблукова, Т.А. Шкерина, М.А. Кухар
НАСТАВНИЧЕСТВО КАК УСЛОВИЕ СОПРОВОЖДЕНИЯ
МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ
В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
I.G. Kablukova, T.A. Shkerina, M.A. Kukhar
MENTORING AS A CONDITION FOR SUPPORTING
YOUNG TEACHERS
IN PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

[14]

И.А. Майер, И.П. Селезнева
РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ
КОНСТРУКТИВНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ
БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
I.A. Mayer, I.P. Selezneva
DEVELOPMENT OF CONSTRUCTIVE
INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS
AMONG FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

[27]

Л.В. Синдеева, О.В. Енуленко, Е.В. Романова
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА
В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ
L.V. Sindeeva, O.V. Enulenko, E.V. Romanova
DEVELOPMENT OF COGNITIVE INTEREST
AMONG FOREIGN MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS
IN THE CONDITIONS OF BILINGUAL EDUCATION

[38]

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

THEORY AND METHODOLOGY OF PHYSICAL EDUCATION

Д.В. Логинов
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ
ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ВУЗЕ

D.V. Loginov
FEATURES OF ORGANIZATION AND CONTENT
OF PHYSICAL EDUCATION AND HEALTH RECREATION
ACTIVITIES OF A UNIVERSITY TEACHER

[47]

И.А. Фатеев
МЕТОДЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
ИГРОКОВ В ТЕННИС
I.A. Fateev
PHYSICAL TRAINING METHODS FOR TENNIS PLAYERS

[55]

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PSYCHOLOGY

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

О.Ф. Лысенко
СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕРИНСКОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ
ДЕВОЧЕК ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЕЕ ФОРМИРОВАНИЮ

O.F. Lysenko
FORMATION OF MATERNAL SPHERE
OF PERSONALITY AMONG GIRLS OF PRESCHOOL AGE
AND MEASURES FOR ITS FORMATION

[64]

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ PERSONALITY PSYCHOLOGY

М.А. Аликин, Л.С. Захарова, Н.В. Лукьянченко
СВЯЗЬ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОВЕДЕНИИ
В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ СИТУАЦИЯХ
С ВЫРАЖЕННОСТЬЮ МЕХАНИЗМОВ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПОДРОСТКОВ
M.A. Alikin, L.S. Zakharova, N.V. Lukyanchenko
THE RELATIONSHIP OF EVALUATIVE PERCEPTIONS
ABOUT BEHAVIOR IN SOCIALLY SIGNIFICANT SITUATIONS
AND THE EXPRESSIVENESS OF PSYCHOLOGICAL
DEFENSE MECHANISMS IN ADOLESCENTS

[73]

Л.В. Арамачева, Е.Ю. Дубовик
 ПОПУЛЯРНЫЕ ДЕТСКИЕ МУЛЬТФИЛЬМЫ
 В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ
 ДОШКОЛЬНИКОВ 6–7 ЛЕТ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ
L.V. Aramacheva, E.Yu. Dubovik
 POPULAR CHILDREN'S CARTOONS
 IN THE MINDS OF MODERN 6–7-YEAR-OLD PRESCHOOLERS
 AND THEIR PARENTS

[82]

И.О. Логинова, И.О. Кононенко, Е.Д. Смагина
 ПРЕДПОСЫЛКИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ
 РАБОТНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ
 С РАЗНЫМ УРОВНЕМ
 ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
I.O. Loginova, I.O. Kononenko, E.D. Smagina
 PREREQUISITES TO DEVIANT BEHAVIOR
 IN PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEES
 WITH DIFFERENT LEVELS
 OF DEVIANTOLOGICAL COMPETENCE

[91]

Т.В. Шестакова, М.В. Сафонова
 ИССЛЕДОВАНИЯ
 ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ
 СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАСНИКОВ
 (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ)
T.V. Shestakova, M.V. Safonova
 STUDIES ON PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
 OF MODERN HIGH SCHOOL STUDENTS
 (REVIEW ARTICLE)

[104]

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

М.Н. Дубинина
 ЭМОДЗИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
 ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА
 (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)
M.N. Dubinina
 EMOJI AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON
 OF THE VIRTUAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
 (ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE LANGUAGE)

[119]

Н.Н. Казыдуб, Го Сяотун
 ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
 РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
N.N. Kazydub, Go Syaotun
 LINGUO-AXIOLOGICAL MODELLING
 OF ADVERTISING COMMUNICATION:
 CONCEPTUAL AND STRATEGIC ASPECTS

[134]

Е.В. Осетрова, И.В. Ревенко, С.П. Васильева
 МОТИВАЦИЯ ИНДОНЕЗИЙЦЕВ
 К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА:
 ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
 И ЕЕ МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
E.V. Osetrova, I.V. Revenko, S.P. Vasilyeva
 MOTIVATION OF INDONESIANS
 TO LEARN RUSSIAN LANGUAGE:
 DYNAMIC MODEL AND ITS METHODOLOGICAL POTENTIAL

[144]

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

SCIENTIFIC DEBUT

В.В. Геращенко
 МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ
 ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 РАБОТНИКОВ АВИАЦИОННОГО СЕКТОРА
 ПРОМЫШЛЕННОСТИ
V.V. Gerashchenko
 MODEL OF ORGANIZATION OF PHYSICAL CULTURE
 AND RECREATION ACTIVITIES FOR EMPLOYEES
 OF THE AVIATION INDUSTRY SECTOR

[155]

А.Ю. Константинов
 ЙОГА КАК ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯ ПЕДАГОГИКА:
 ОТ МОТИВАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ
 К ФИЛОСОФСКОМУ КОНТЕКСТУ
A.Yu. Konstantinov
 YOGA AS TRANSFORMATIVE PEDAGOGY:
 FROM MOTIVATIONAL ASPECTS OF TEACHING
 TO PHILOSOPHICAL CONTEXT

[163]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ
 INFORMATION FOR AUTHORS

[172]

УДК 74.48

КИБЕРУЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.А. Богульская (Красноярск, Россия)

М.М. Кучеров (Красноярск, Россия)

В.Б. Туговиков (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Практикоориентированность при подготовке специалистов по информационной безопасности нацелена на то, чтобы с первого дня работы на предприятии выпускники эффективно применяли полученные в вузе знания с учетом специфики той или иной отрасли. Это один из важных показателей качества образования. Необходимость повышения качества образования требует привлечения новых методов. *Целью* исследования является обоснование эффективности киберучений и киберполигонов для подготовки специалистов по информационной безопасности.

Методология исследования основана на сравнении новых подходов к обучению.

Результаты исследования. Выполнен анализ эффективности методов, применяемых для подготовки специалистов по информационной безопасности в Сибирском федеральном университете.

Заключение. Обоснована необходимость применения иммерсивных практико-ориентированных методов для подготовки специалистов по информационной безопасности.

Ключевые слова: качество образования, информационная безопасность, киберучения, киберполигоны, профессиональные навыки, практикоориентированность, иммерсивность.

Богульская Нина Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационной безопасности, Сибирский федеральный университет (Красноярск); ORCID ID: 0000-0003-3144-0730; Scopus Author ID: 57194182313; e-mail: NBogulskaaya@sfu-kras.ru

Кучеров Михаил Михайлович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационной безопасности, Сибирский федеральный университет (Красноярск); ORCID ID: 0000-0002-8432-5878; Scopus Author ID: 57193425132; e-mail: MKuchеров@sfu-kras.ru

Туговиков Виктор Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационной безопасности, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: VTugovikov@sfu-kras.ru

Постановка проблемы. Кибербезопасность сегодня является необходимым условием успешной цифровой трансформации всех отраслей экономики [Доктрина ИБ, 2016; РФ. ФЗ № 149, 2006]. Практикоориентированность при подготовке специалистов по информационной безопасности (ИБ) нацелена на то, чтобы с первого дня работы на предприятии выпускники эффективно применяли полученные в вузе знания с учетом специфики той или иной отрасли. Знания передаются не только через лекции и учебники, но и путем проведения киберучений, через погружение студента в реальные кейсы и сценарии для отработки навыков противодействия киберугрозам.

Иммерсивные технологии обучения – это совокупность технических и педагогических методов и приемов, способствующих погружению и максимальному вовлечению обучающегося в искусственно созданную среду, в условия, приближенные к реальным. Иммерсивные технологии позволяют повысить эффективность образовательного процесса за счет передачи знаний студентам не только традиционным аудиовизуальным способом, но и в форме реального опыта и впечатлений, полученных в имитационной среде, построенной преподавателями исходя из реальных кейсов, связанных с выявлением и обработкой инцидентов ИБ в компаниях и организациях.

Киберучения – отработка практических навыков реагирования на инциденты информационной безопасности специалистов по информационной безопасности, специалистов IT и пользователей информационных систем, подлежащих защите. Киберучения, не связанные с использованием средств вычислительной техники и сетевым оборудованием, ограниченные устным обсуждением и выработкой решений, называются **штабными киберучениями**.

Киберполигон – это комплекс программно-аппаратных решений, собранных в единую сеть для эмуляции действий реальной информационной инфраструктуры, по возможности полностью копирующий все протекающие в ней процессы, но не обрабатывающий какую-либо критичную информацию. Основное его назначение – отработка имитации кибератак, методов защиты и изучения инцидентов в условиях, максимально приближенных к реальным. Учебный киберполигон позволяет решить основную проблему – отсутствие реальной комплексной инфраструктуры для отработки навыков использования определенных средств и методов защиты данных и информационных ресурсов. Киберполигон позволяет проводить киберучения, которые делают аудиторные занятия более интересными и актуальными. Это дает реальный опыт защиты информационных систем, позволяет комплексно закрепить все полученные знания.

Проблема получения профессиональных навыков выпускниками Российских вузов обозначена уже как минимум с 2016 г.¹ Согласно исследованию Министерства науки и высшего образования, проведенному в 2020 г., 91 % работодателей признают недостаток практических навыков у выпускников вузов и более 40 % студентов считают, что обучение оторвано от требований рынка труда. Данная проблема касается и подготовки специалистов по направлению информационной безопасности.

Две основные причины отказа работодателями в трудоустройстве выпускников вузов – отсутствие опыта работы и плохая самопрезентация [Гурьянов, 2022]. Студентам направлений, связанных с информационной безопасностью, довольно сложно обеспечить качественные практические занятия, которые дадут навыки и знания для реальной работы по специальности, так как даже в ходе прохождения производственной и преддипломной практики организации, где уже выстроена система управления информационной безопасностью, не допускают обучающихся к реальным информационным процессам. Там, где требуется проведение исследований на предмет надежности системы ИБ, студентам не доверяют тестирование IT-инфраструктуры предприятия на наличие уязвимостей и даже не знакомят с системой управления ИБ. Эти ограничения оправданы, ведь даже раскрытие информации о применяемых методах и средствах защиты информации порой может нести угрозы информационной безопасности предприятия [Kucherov, Bogulskaaya, 2017; 2018]. С другой стороны, на предприятия выпускники должны приходиться с определенными практическими навыками. Данную коллизию можно разрешить при помощи проведения киберучений с использованием учебного киберполигона вуза.

Обзор научной литературы. Педагоги высшего образования отмечают необходимость повышения качества образования, подготовки специалистов с высоким уровнем готовности к профессиональной деятельности. Для технических вузов это вызвано динамизмом научно-технического прогресса.

Одним из ведущих направлений повышения качества образования называют формирование конкурентоспособности выпускников вузов [Ершова, Муллина, 2015]. При этом отмечается, что выпускники вузов часто проигрывают более опытным работникам из-за отсутствия профессиональных навыков [Гурьянов, 2023].

Необходимость повышения качества образования требует обновления форм, методов и средств обучения в вузах [Селеменова, 2016; Гринберг, 2011; Гринберг и др., 2017; Дрозд, 2023].

¹ Аналитический обзор ВЦИОМ. Контроль не ослаблять, качество повышать. 2016 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-kontrol-ne-oslablyat-kachestvo-povyshat>

Киберучения – это один из новых форматов, учитывающий специфику подготовки специалистов по информационной безопасности [Анисимова, 2022]. Киберполигоны нужны не только для студентов, но и для уже действующих специалистов. При наличии учебного киберполигона сотрудники органов власти и предприятий могут повысить здесь свой уровень готовности к цифровым атакам, не нарушая реальные производственные процессы.

Результаты исследования. В статье выполнен анализ эффективности методов, применяемых для подготовки специалистов по информационной безопасности в Сибирском федеральном университете. Обоснован выбор формата киберучений.

В пользу киберучений говорят исследования, касающиеся эффективности учебного процесса. Эффективность подтверждается не только результирующим уровнем знаний и навыков студента, но и другими параметрами [Щеглова², 2021], а именно:

- успеваемость обучающегося, выраженная оценками в баллах;
- качество знаний, умений и навыков;
- уровень обучаемости, отражающий способность к усвоению знаний, и количество необходимой помощи для этого;
- степень адаптации выпускника вуза к жизни и профессиональной деятельности;
- темпы процесса самообразования;
- уровень общей образованности и приобретаемого профессионального мастерства;
- готовность к дальнейшему продолжению образования.

Эти показатели являются ключевыми для выбора студентом будущей деятельности, будь то поиск работы или продолжение образования.

В свете приобретения практических навыков у студентов специальностей, связанных с информационной безопасностью, рассматривают три метода ведения образовательной деятельности – пассивный, активный, интерактивный

[Вербицкий, 1991; Захарова, 2008; Пак, Хегай, 2012; Роберт, 2010; Стебеньева, Ларина, 2016]. При этом интерактивный основан на продолжении и развитии идеи активного метода и становится еще более актуальным с применением иммерсивных технологий.

При пассивном методе, например на лекции, студенты получают знания от преподавателя в том виде, в котором его подготовил преподаватель, и не могут активно с ним взаимодействовать. Активный метод, применяемый, например, на семинаре, позволяет студентам влиять на ход проведения занятия, задавать вопросы, ставить проблемы или обсуждать материал с преподавателем во время занятия. Интерактивный метод является развитием активного и подразумевает взаимодействие студентов как с преподавателем, так и друг с другом, например в формате штабных киберучений. В ходе таких обсуждений обучающиеся либо действуют как одна команда экспертов, либо разделяются на несколько команд, и тогда занятие носит соревновательный характер [Хириев, 2007; Худякова, Давыдов, Васильев, 2011; Селезнева, Белая, Грузинцев, 2021].

Эффективное проведение киберучений требует от преподавателя умелого сочетания всех трех методов подачи материала [Осипов, 2022; Новиков, 2023; Olsson, Mozelius, Collin, 2015; Смирнов, 2010]. В ходе лекций или предварительной части семинарского занятия требуется наряду с теоретической частью, касающейся вопросов обеспечения информационной безопасности на предприятиях и в организациях, дать информацию о кейсах по реальным инцидентам информационной безопасности. Если в ходе киберучений предполагается использовать оборудование и программные средства учебного киберполигона, то предварительно необходимо дать описание возможностей данных конкретных технических решений. Это может быть описание DLP или SIEM-систем, межсетевых экранов, XDR-решений и т.д., которые будут применяться в киберучениях, проводимых с использованием учебного киберполигона. Желательно также дать описание

² Щеглова И.А. Взаимосвязь студенческой вовлеченности и образовательных результатов студентов российских университетов: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2021. 112 с.

встроенных средств контроля операционных систем, таких, например, как ведение и анализ электронных журналов событий, как одного из способов расследования инцидента ИБ.

Применение активного метода возможно на предварительной части подготовки к киберучениям в ходе семинарских занятий или в части лекционного занятия, где следует в ходе описания случаев из судебной практики, или из практики расследования инцидентов ИБ с применением средств защиты информации на предприятиях и в учреждениях вовлекать студентов в дискуссию о возможном ходе инцидента и его расследовании. Такое построение занятия позволит преподавателю при разработке сценария киберучений заранее распределить роли среди студентов.

Интерактивный метод применяется в ходе киберучений. Их проведение требует тщательного планирования занятия и следования определенному сценарию. Желательно при подготовке к занятию сформировать таблицы, где в первой колонке будет содержаться вопрос или описание этапа киберучений, количество остальных колонок определяется количеством команд, в них преподаватель проставляет оценки за каждый пройденный этап. Такие занятия позволяют обсуждать проблемы, максимально идентичные реальным кейсам из практики обеспечения информационной безопасности, а также призваны развивать у студентов навыки общения, работы в команде, формулирования итогов обсуждений и их грамотного описания. Независимо от того, выступают ли студенты как единая команда или две команды экспертов (это касается проведения штабных киберучений), делятся ли на «атакующих» и «защищающих» информационную систему, в командах необходимо назначить «капитана» и «технического писателя». При этом капитан команды должен координировать действия команды, отвечать за ведение дискуссии и принятие решений. Технический писатель при этом выполняет функцию регистрации хода киберучений, готовит письменный отчет о работе команды. Остальные члены команды помогают техническому писателю в формировании отчета.

Так как спецификой подготовки специалистов по информационной безопасности является отсутствие доступа к реальным средствам защиты на объектах информатизации, для формирования практических навыков работы необходимо использовать иммерсивные технологии. Навыки разборов ситуаций с нарушениями информационной безопасности, расследования инцидентов, отражения кибератак студенты приобретают в ходе киберучений и на учебных киберполигонах.

Киберучения безусловно являются самым эффективным подходом, повышающим качество образования по специальностям, связанным с информационной безопасностью. Как показала практика проведения практических занятий в виде киберучений, которые проводились преподавателями кафедры информационной безопасности института космических и информационных технологий Сибирского федерального университета для групп из 10 и более студентов, это помогает участникам в отработке навыков командной работы, коммуникативности, планирования и самоорганизации. Сама структура групповых киберучений подразумевает интенсивный обмен полученной информацией в процессе работы, развитие умения формулировать отчеты о ходе работ и мерах по расследованию инцидента.

Наличие учебного киберполигона крайне желательно для проведения практических занятий как со студентами, так и со слушателями курсов повышения квалификации и переподготовки. Есть мнение, что создание учебного кибер-полигона требует больших финансовых затрат и времени, а также обязательного привлечения внешних специалистов. Безусловно, на российском рынке есть компании, которые создают масштабные киберполигоны «под ключ», но стоимость таких решений оказывается неподъемной для бюджетов вузов. Вместе с тем для создания небольшой инфраструктуры, достаточной для обустройства учебного киберполигона, потребуются лишь одна или несколько компьютерных аудиторий и учебные лицензии программных средств обеспечения

информационной безопасности, которые могут быть предоставлены вендорами бесплатно или с большой скидкой, например в рамках договоров о сотрудничестве с вузом. При данном подходе может потребоваться лишь выделение средств на модернизацию серверов и компьютеров учебных аудиторий.

Ниже приведены примеры сценариев киберучений для студентов специальностей, связанных с информационной безопасностью.

Сценарий 1. Анализ подозрительного письма электронной почты.

Описание инцидента. Пользователь получил письмо, которое попало в папку SPAM, но так как в поле адреса отправителя была обозначена организация, с которой он ведет регулярную переписку, он открыл это письмо. Содержимое письма показалось ему странным, и он передал его специалистам по информационной безопасности.

Методические материалы. Архив, содержащий исходное письмо в формате HTML, скриншот экрана пользователя «New Fax Massage.pdf», RFC – заголовок письма в текстовом файле.

Задание. Требуется определить, является ли письмо СПАМом или фишингом, несет ли оно какую-либо угрозу информационной безопасности, провести анализ и предложить меры, сделать общие выводы, сформулировать ответ пользователю и сообщение руководству организации.

Цели. Отработка навыков в распознавании фишинговой атаки, проведении анализа инцидента и его обработки.

Сценарий 2. Атака через фишинговое письмо.

Описание инцидента. Пользователь организации получил письмо со следующим содержанием: «Вам положены дополнительные выплаты, срок подачи документов истекает через сутки после отправки данного письма. Просим заполнить и направить нам по электронной почте заполненные и отсканированные бланки из прилагаемого архива». Письмо содержит вложение в виде самораспаковывающегося архива «Бланки документов». Пользователь запустил архив на самораспаковку, но не получил

папку с документами, после повторного запуска на экране появился пляшущий человечек, после чего пользователь обратился в службу информационной безопасности.

Методические материалы. Виртуальная машина с ОС Winows, самораспаковывающийся архив WinRAR, выполняющий при автоматической распаковке следующий сценарий:

- установка пакета r-admin;
- внесение изменений в реестр OCWindows;
- запуск анимации «Пляшущий человечек»;
- удаление следов установки.

Задание. Требуется исследовать содержимое архива, переместив его на виртуальную машину, описать последовательность действий, которые выполняются на компьютере при запуске архива на автоматическую распаковку. Необходимо ответить на вопросы:

- какие цели мог преследовать создатель данного архива?
- какая угроза возникает после запуска архива на автоматическую распаковку?
- какие действия нужно выполнить для устранения угрозы, если пользователь запустил архив на разархивирование?

Необходимо сделать общие выводы по теме противодействия фишингу.

Цели. Отработка навыков анализа фишинговой атаки, применения виртуальной замкнутой среды для безопасного проведения анализа инцидента, его расследования.

Сценарий 3. Внутренняя угроза (нарушение целостности). Выполнение служебного расследования по факту подделки печати в договоре.

Описание инцидента. В ходе подготовки платежных документов в финансовом отделе организации выявлен договор, который не числится в основном реестре договоров организации. Оригинал документа не обнаружен, в ходе визуального анализа скан-копии договора установлено, что при помощи редактора изображений (вероятно, Photoshop) кем-то из пользователей в скан-копию не согласованного договора самовольно вставлена печать организации. Информация для расследования инцидента передана специалистам по информационной безопасности.

Методические материалы. Виртуальная машина с предустановленными компонентами DLPSearchInform «Контур информационной безопасности», методические материалы.

Задание. Требуется определить, кто из инсайдеров внес несанкционированные изменения в договор, сделать общие выводы.

Цели. Отработка навыков проведения исследований при помощи компонентов DLP.

Заключение. Киберучения, в особенности проводимые с использованием учебного киберполигона, позволяют частично или полностью разрешить коллизию, связанную с отсутствием доступа обучающихся к реальным системам информационной безопасности, повысить их практические навыки. Применение иммерсивных практико-ориентированных методов для подготовки специалистов по информационной безопасности, к которым относятся

киберучения, являются, по сути, единственным верным подходом в вопросах отработки практических навыков анализа ситуаций, связанных с инцидентами кибербезопасности. При этом необходимо учитывать все нюансы и аспекты, связанные как с внутренними, так и с внешними угрозами информационной безопасности. Обработка инцидентов, их анализ и выработка мер реагирования невозможны без применения специальных программно-аппаратных, других технических средств обеспечения информационной безопасности. В связи с этим необходимо сотрудничество вузов с производителями таких средств. Вендорам такое сотрудничество дает дополнительные возможности в продвижении своих продуктов, вузам – повышение качества подготовки специалистов через применение иммерсивных технологий обучения.

Библиографический список

1. Анисимова А. Защита от цифровых атак. Как в России работают киберполигоны // АНО «Национальные приоритеты». 2022. 21 июня. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/zashchita-ot-tsifrovyykh-atak-kak-v-rossii-rabotayut-kiberpoligony>
2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991. 207 с.
3. Гринберг Г.М. Инновационная модель выполнения выпускных квалификационных работ студентов на основе межвузовской кооперации // Инновации в непрерывном образовании. 2011. № 3. С. 14–19.
4. Гринберг Г.М., Дорошенко Е. Г., Лукьяненко М.В., Пак Н.И., Савельева М.В. Профессиональная подготовка магистрантов в условиях инженерного образовательного кластера // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 3 (41). С. 38–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-04>
5. Гурьянов С. А вуз и ныне там: как выпускнику найти работу // Известия. 31 января – 13 апреля 2023 г. URL: <https://iz.ru/1283700/sergei-gurianov/vuz-i-nyne-tam-kak-vypuskniku-naiti-rabotu>
6. Доктрина информационной безопасности. Утверждена указом Президента РФ № 464 от 05.12.2016. URL: <https://base.garant.ru/71556224>
7. Дрозд А.В., Формы и форматы при обучении пользователей основам ИБ на примере темы паролей // SearchInform – Разработчик ПО для защиты информации / Статьи / Хабр/ 20 Июля 2023 г. URL: <https://habr.com/ru/companies/searchinform/articles/749242>
8. Ершова О.В., Муллина Э.Р. Формирование профессиональных компетенций студентов, обеспечивающих конкурентоспособность на рынке труда // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 9. С. 133–136. URL: <https://top-technologies.ru/ru/page/index>
9. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 192 с.
10. Новиков И. Обучение ИБ: как часто проводить и в каких формах. 2023. 10 марта. URL: <https://www.anti-malware.ru/analytics/TechnologyAnalysis/Information-security-training>

11. Осипов П. Есть такая профессия // Профсоюзная газета «Солидарность» Статьи. 2022. 30 ноября. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/est-takaya-professiya.html>
12. Пак Н.И., Хегай Л.Б. Разработка трехмерных учебных материалов на основе гипертекстовой технологии // Инновации в непрерывном образовании. 2012. № 4. С. 78–84.
13. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. М.: ИИО РАО, 2010. 140 с.
14. Российская Федерация. Законы: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ: редакция от 30 декабря 2021 года: с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 1 января 2022 // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
15. Селезнева Н.Т., Белая А.А., Грузинцев А.В. Психологические факторы использования личностью сетевых коммуникаций // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 4 (58). С. 44–53.
16. Селеменова Т.А. Исследование эффективности образовательного процесса в условиях современного вуза // Проблемы и перспективы развития образования в России. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2016. Вып. 43, т. 1. С. 98–102.
17. Стебеньева Т.В., Ларина Т.С. Об одном подходе к проектированию современных электронных образовательных ресурсов. Наука 21 века: вопросы, гипотезы, ответы. М.: Перо, 2016. № 1. С. 48–53.
18. Смирнов А.В. Образовательные кластеры и инновационное обучение в вузе: монография. Казань: РИЦ «Школа», 2010. 102 с.
19. Хириев А.Т. Теоретико-методологические основы информационной безопасности личности. 2007 (на правах рукописи). URL: <https://www.daaudit.ru/news-pubs/pub-2-1.html>
20. Худякова М.В., Давыдов С., Васильев В.Г. Классификация отзывов пользователей с использованием фрагментных правил. РОМИП, 2011.
21. Kucherov M.M., Bogulskaya N.A. Logical language of certificate-based access control in security models // ACM International Conference Proceeding Series. 2017. P. 131–135. DOI: 10.1145/3058060.3058067
22. Kucherov M.M., Bogulskaya N.A. Trilattice-based access control models // MatecWEB of Conferences. 2018. Vol. 210. 22nd International Conference on Circuits, Systems, Communications and Computers (CSCC 2018). DOI: 10.1051/matecconf/201821004053
23. Olsson M., Mozelius P., Collin J. Visualisation and gamification of e-Learning and programming education // Electronic Journal of E Learning. 2015. Vol. 13 (6). P. 441–454.

CYBER EXERCISES AND THEIR ROLE IN TRAINING INFORMATION SECURITY SPECIALISTS

N.A. Bogulskaya (Krasnoyarsk, Russia)

M.M. Kucherov (Krasnoyarsk, Russia)

V.B. Tugovikov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The practice-oriented approach to training information security specialists is aimed at ensuring that from the first day of work at an enterprise, graduates effectively apply the knowledge acquired at the university, taking into account the specifics of a particular industry. This is one of the important indicators of the quality of education. The need to improve the quality of education requires the use of new methods.

The purpose of the study is to substantiate the effectiveness of cyber exercises and cyber training grounds for training information security specialists.

The research methodology is based on the comparison of new approaches to teaching.

Research results. The article analyzes the effectiveness of methods used to train information security specialists at the Siberian Federal University.

Conclusion. The article substantiates the need to use immersive practice-oriented methods for training information security specialists.

Keywords: *quality of education, information security, cyber exercises, cyber training grounds, professional skills, practice-oriented, immersiveness.*

Bogulskaya, Nina A. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Information Security, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID: 0000-0003-3144-0730; Scopus Author ID: 57194182313; e-mail: NBogulskaya@sfu-kras.ru

Kucherov, Mikhail M. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Information Security, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID: 0000-0002-8432-5878; Scopus Author ID: 57193425132; e-mail: MKucherov@sfu-kras.ru

Tugovikov, Viktor B. – PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Information Security, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: VTugovikov@sfu-kras.ru

---

References

1. Anisimova A. Protection against digital attacks. How cyber ranges work in Russia // ANO “Natsionalnye priority” (ANO National Priorities), June 21, 2022. URL: <https://nationalprojects.rf/news/zashchita-ot-tsifrovyykh-atak-kak-v-rossii-rabotayut-kiberpoligony>
2. Verbitsky A.A. Active learning in higher education: a contextual approach. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 207 p.
3. Grinberg G.M. Innovative model for completing final qualifying works of students based on interuniversity cooperation // Innovatsii v nepreryvnom obrazovanii (Innovations in Continuous Education). 2011. No. 3. P. 14–19.
4. Grinberg G.M., Doroshenko E.G., Lukyanenko M.V., Pak N.I., Savelyeva M.V. Professional training of undergraduates in the conditions of an engineering educational cluster // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev). 2017. No. 3 (41). P. 38–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.25146/1995-0861-2017-41-3-04>
5. Guryanov S. And the university is still there: how a graduate can find a job // Izvestia. January 31, 2022 – April 13, 2023. URL: <https://iz.ru/1283700/sergei-gurianov/vuz-i-nyne-tam-kak-vypusknikunaiti-rabotu>
6. Information security doctrine, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 464 of December 5, 2016. URL: <https://base.garant.ru/71556224>

7. Drozd A.V. Forms and formats when teaching users the basics of information security using the example of passwords // SearchInform – Information security software developer / Articles / Habr / July 20, 2023. URL: <https://habr.com/ru/companies/searchinform/articles/749242>
8. Ershova O.V., Mullina E.R. Formation of professional competencies of students that ensure competitiveness in the labor market // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii (Modern Science-Intensive Technologies)*. 2015. No. 9. P. 133–136. URL: <https://top-technologies.ru/ru/page/index>
9. Zakharova I.G. Information technologies in education: manual for students of higher institutions. Moscow: Akademia, 2008. 192 p.
10. Novikov I. Information security training: how often to conduct and in what forms. March 10, 2023. URL: [https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology Analysis/Information-security-training](https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology%20Analysis/Information-security-training)
11. Osipov P. There is such a profession // *Profsoyuznaya gazeta "Solidarnost" (Trade union newspaper "Solidarity")*. November 30, 2022. URL: <https://www.solidarnost.org/articles/est-takaya-professiya.html>
12. Pak N.I., Khagai L.B. Development of three-dimensional educational materials based on hypertext technology // *Innovatsii v nepreryvnom obrazovanii (Innovations in Continuous Education)*. 2012. No. 4. P. 78–84.
13. Robert I.V. Modern information technologies in education: didactic problems; prospects for use. Moscow: IIO RAO, 2010. 140 p.
14. Russian Federation. Laws: Federal Law No. 149-FZ dated July 27, 2006: as amended on December 30, 2021: with amendments and additions that came into effect on January 1, 2022 // Consultant Plus: reference legal system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
15. Selezneva N.T., Belaya A.A., Gruzintsev A.V. Psychological factors of a person's use of network communications // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev)*. 2021. No. 4 (58). P. 44–53.
16. Selemenova T.A. Study of the effectiveness of the educational process in the conditions of a modern university. In: *Problems and Prospects for the Development of Education in Russia*. Novosibirsk: OOO Tsentrazvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2016. Is. 43, vol. 1. P. 98–102.
17. Stebenyaeva T.V., Larina T.S. About one approach to the design of modern electronic educational resources // *Nauka 21 veka: voprosy, gipotezy, otvety (Science of the 21st Century: Questions, Hypotheses, Answers)*. 2016. No. 1. P. 48–53.
18. Smirnov A.V. Educational clusters and innovative education in university: Monograph. Kazan: RITS "School", 2010. 102 p.
19. Khiriev A.T. Theoretical and methodological foundations of personal information security. 2007 (manuscript). URL: <https://www.daaudit.ru/news-pubs/pub-2-1.html>
20. Shcheglova I.A. The relationship between student engagement and educational results of Russian university students: PhD Thesis Summary (Education). St. Petersburg, 2021. 112 p.
21. Kucherov M.M., Bogulskaya N.A. Trilattice-based access control models // *MatecWEB of Conferences*. 2018. Vol. 210. 22nd International Conference on Circuits, Systems, Communications and Computers (CSCC 2018). DOI: 10.1051/matecconf/201821004053
22. Kucherov M.M., Bogulskaya N.A. Logical language of certificate-based access control in security models // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2017. P. 131–135. DOI: 10.1145/3058060.3058067
23. Olsson M., Mozelius P., Collin J. Visualisation and gamification of e-Learning and programming education // *Electronic Journal of E Learning*. 2015. Vol. 13 (6). P. 441–454.

УДК 371.142, 371.146

НАСТАВНИЧЕСТВО КАК УСЛОВИЕ СОПРОВОЖДЕНИЯ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ В ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

И.Г. Каблукова (Красноярск, Россия)

Т.А. Шкерина (Красноярск, Россия)

М.А. Кухар (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Потребность образовательной практики в специалисте, способном функционировать в режиме полизадачности, поликонтекстности и инновационного развития, обуславливает необходимость обновления системы профессиональной подготовки, повышения квалификации и переподготовки специалистов с опорой на идеи непрерывного образования: ценность человеческого капитала; взаимосвязь формального, неформального и информального образования; формирование и развитие новых образовательных результатов обучающихся на всех уровнях образования; разработку и реализацию новых моделей профессионального взаимодействия: различные виды наставничества, сетевого взаимодействия. *Проблема*, на решение которой ориентирована статья, заключается в поиске средств психолого-педагогического сопровождения наставничества молодых педагогических кадров дошкольных образовательных организаций (ДОО) как трансфера их профессионального становления. *Цель* статьи заключается в раскрытии и обосновании особенностей организации наставничества в части выделения этапов сопровождения наставников и наставляемых и их психолого-педагогического обеспечения.

Методология (материалы и методы) исследования базируется на основных положениях компетентностного подхода в подготовке специалистов, способных к оперативному решению типовых и нетиповых профессиональных ситуаций и задач; принципе индивидуализации в профессиональном развитии и становлении педагогов в условиях наставнической деятельности; анализе инновационного опыта, отраженного в научно-исследовательских работах ученых по научно-методическому сопровождению воспитателей в дошкольных образовательных организациях; анализе результатов анкетного опроса, фокус-группы, экспертной оценки и самооценки педагогов-воспитателей ДОО города Красноярска.

Результаты исследования. С опорой на анализ результатов анкетирования и фокус-группы выявлены особенности профессионально-личностной готовности педагогов-стажистов и молодых педагогов ДОО к участию в наставнической деятельности; затруднения, которые испытывают педагоги при выполнении профессиональных задач. Выделены организационно-методические механизмы и особенности реализации наставничества в ДОО.

Заключение. Предложенный подход к реализации наставничества как условия сопровождения молодых специалистов в ДОО требует дальнейшей разработки критериев категоризации наставников, поиска эффективных способов формирования пар наставник – наставляемый, разработки моделей наставничества в условиях практической подготовки студентов – будущих педагогов дошкольного образования; разработки подхода к структурированию профессиональных дефицитов наставников и наставляемых в ДОО.

Ключевые слова: профессиональные дефициты педагогов-воспитателей, особенности сопровождения молодых педагогов-воспитателей, персонифицированные маршруты наставников и наставляемых.

Каблукова Инна Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: kablukova@kspu.ru

Шкерина Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства, доцент кафедры коррекционной педагогики, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4768-318X>; e-mail: Shkerinat@mail.ru

Кухар Марина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики детства, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: kuhar@kspu.ru

Постановка проблемы. Одним из приоритетных направлений в современной педагогической науке и практике по вопросам становления и развития профессиональных компетенций педагогических работников является наставничество. Современная система образования нуждается в педагогах, ориентированных на длительную профессиональную деятельность в системе образования, готовых строить карьеру в этой сфере, способных к личностному и профессиональному развитию в педагогической профессии. К сожалению, статистика последних лет свидетельствует, что только половина выпускников педагогических вузов и колледжей приходят в систему образования, в течение первого года работы около трети из них уходят из профессии [Каблукова, Леонова, 2022]. В связи с этим перед учреждениями профессионального образования, готовящими педагогов, и образовательными организациями, принимающими на работу выпускников, стоят задачи сохранения молодых педагогов в профессии, оказания им различных видов помощи как в профессиональной деятельности, так и в социальной адаптации в новом коллективе. Одним из эффективных способов оказания такой помощи является наставничество [Блинов, Есенина, Сергеев, 2019]. Следовательно, поиск и реализация эффективных моделей, форматов и стратегий наставничества с целью приведения и сохранения молодых педагогов в профессии становятся одной из важнейших задач теории и практики профессионального образования [Югфельд, 2022].

Цель статьи заключается в раскрытии и обосновании особенностей организации наставничества в части выделения этапов сопровождения наставников и наставляемых и их психолого-педагогического обеспечения.

Методология (материалы и методы) исследования базируются на основных положениях компетентностного подхода в подготовке специалистов, способных к оперативному решению типовых и нетиповых профессиональных ситуаций и задач (В.А. Адольф, И.В. Гришина, Н.В. Кузьмина, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицина и др.); принципе индивидуализации в профессиональном развитии и становлении педагогов в условиях

наставнической деятельности (А.А. Багдасарян, С.Я. Батышев, А.С. Батышев, Г.В. Гасилов, Н.Р. Ерошина, Т.М. Ковалева, А.С. Лобанов, И.И. Малкин, В.В. Пермьяков, И.Г. Столяр и др.); теоретических положениях об особенностях развития профессиональной компетентности педагогов-воспитателей, изложенных в трудах отечественных (С.П. Акутина, И.Н. Асаева, И.Г. Каблукова, В.С. Третьякова, Т.А. Шкерина и др.) и зарубежных (А. Lillvist, А. Sandberg, S. Sheridan, P. Williams; M. Higgins, E. Aitken-Rose, J. Dixon; T. Vuorinen, A. Sandberg, S. Sheridan. P. Williams и др.) исследователей; анализе инновационного опыта, отраженного в научно-исследовательских работах ученых по научно-методическому сопровождению воспитателей в дошкольных образовательных организациях; анализе результатов анкетного опроса, фокус-группы, экспертной оценки и самооценки педагогов-воспитателей ДОО города Красноярска.

Обзор научной литературы позволил выявить отсутствие единого понимания сущности феномена наставничества. В самом общем виде наставничество в современных исследованиях представляет собой социально-педагогический феномен, предполагающий личностно-профессиональное взаимодействие наставника и наставляемого, с одной стороны, по овладению последним профессиональным опытом и мотивацией, инновационными технологиями и методами без отрыва от основной профессиональной деятельности, что обеспечивает профессиональное развитие молодого специалиста, с другой – по освоению правил, норм и ценностей корпоративной культуры организации, что способствует его социальной адаптации в коллективе [Шульпин, 2021].

Современные исследования и практика наставничества связаны с оказанием помощи не только молодым специалистам, но и всем без исключения сотрудникам организации. Все чаще в исследованиях наставничество рассматривается и разворачивается как способ профессионального развития и становления сотрудников организации [Эсаулова, 2017]. Такой подход позволяет охватить наставничеством не только действующих сотрудников организации,

но и ее будущих специалистов – сегодняшних студентов и школьников.

Таким образом, в современных исследованиях наставничество применяется в отношении подавляющего большинства сотрудников организации с различными целями: профориентационные цели – в отношении старшеклассников; профессионально-мотивационные цели – в отношении студентов; адаптация на рабочем месте – в отношении новых сотрудников; профессиональная специализация – в отношении молодых специалистов; построение траектории дальнейшего профессионального развития – в отношении опытных сотрудников; развитие управленческой карьеры и переход на более высокие уровни управления – в отношении администрации организаций.

Такое увеличение объектов наставничества привело к становлению, развитию и воплощению в практику различных научно обоснованных моделей и форматов наставничества: наставничество как условие адаптации новых сотрудников организации [Шобонов, 2023]; как условие обновления и восполнение кадрового состава организации¹; условие для обеспечения преемственности поколений, привлечения и удержания молодежи²; инструмент кадровой работы³; инструмент формирования корпоративного духа⁴; система стандартизированной

работы⁵; стиль работы руководителя [Эсаулова, 2017]; возможность реализации молодежного потенциала [Винокурова, Макеева, 2018]; наставничество, основанное на внутренней мотивации наставника⁶; взаимное наставничество⁷ и другие.

Форматы наставничества представляют собой способы реализации моделей наставничества через организацию личностно-профессионального взаимодействия наставника и наставляемого. Наибольшее распространение имеют индивидуально ориентированные форматы наставничества, представленные индивидуальными встречами, состоящими из бесед, рассказов и обсуждений с элементами коучинга, постановкой и проверкой рабочих заданий. Популярен формат групповых встреч, предполагающий дискуссию и тренинги для отработки умений, актуальных для всех наставляемых. В исследованиях, обобщающих опыт наставничества в различных организациях, описаны вариативные форматы наставничества: наставник-напарник; теневое наставничество; обратное наставничество; «развивающая командировка» и другие [Кларин, 2016, с. 104–107; Каблукова, Шкерина, 2019; Шкерина, Осокина, 2020].

Представленный обзор форматов и моделей наставничества не претендует на завершенность, а демонстрирует многообразие имеющихся в современной науке и практике вариантов организации и реализации наставничества.

¹ Газизова А.И. Стратегии развития высшей профессиональной школы Турции: в контексте исследования проблем модернизации образования: дис. ... д-ра пед. наук. Ижевск, 2010. 382 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/strategii-razvitiya-vysshei-professionalnoi-shkoly-turtsii> (дата обращения: 30.05.2023).

² Лаврентьева З.И. Педагогическая реабилитация в процессе социального развития подростков: дис. ... д-ра пед. наук. Новосибирск, 2009. 423 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/pedagogicheskaya-reabilitatsiya-v-protseste-sotsialnogo-razvitiya-podrostkov> (дата обращения: 30.05.2023).

³ Чарина Е.В. Отношения в системе «наставник – молодой специалист» в процессе профессионализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 28 с. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?Tm=1690334057&tld=ru&lang=ru&name=01002634345.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴ Фаляхов И.И. Научно-методическое обеспечение подготовки наставников для дуального обучения студентов колледжей: дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2018. 180 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/nauchno-metodicheskoe-obespechenie-podgotovki-nastavnikov-dlya-dualnogo-obucheniya-studentov> (дата обращения: 30.05.2023).

⁵ Масалимова А.Р. Корпоративная подготовка специалистов технического профиля к осуществлению наставнической деятельности в условиях современного производства: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Уфа, 2014. 460 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/korporativnaya-podgotovka-spetsialistov-tehnicheskogo-profilya-k-osushchestvleniyu-nastavni> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Елкина Я.А. Креативность как фактор профессионально-личностного развития учителя средней школы: дис. ... канд. пед. наук. Тверь, 2017. 218 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/kreativnost-kak-faktor-professionalno-lichnostnogo-razvitiya-uchitelya-srednei-shkoly> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ Круглова И.В. Наставничество как условие профессионального становления молодого учителя: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2007. 27 с. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?Tm=1690334057&tld=ru&lang=ru&name=Kruglova_I_V_2007.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

Наставничество как форма профессионального взаимодействия рассматривается в качестве эффективного инструмента в подготовке педагога к решению широкого спектра профессиональных задач как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [Вахитова 2019; Задворная, Милонова, 2018; Shkerina, Savolainen, Zakhartsova, 2020 и др.; Hattie, 2008; Colognesi, Van Nieuwenhoven, Beausaert, 2020; и др.]. Эти исследователи доказывают положение о том, что осуществление неформальной поддержки (беседы на профессионально и лично значимые темы, спонтанная помощь от коллег, спонтанное включение в профессиональную деятельность инновационного характера) в рамках наставничества между начинающим педагогом и стажистом является наиболее эффективным в достижении личностных и профессиональных целей.

Профессиональная подготовка будущих педагогов также требует разработки и реализации модели наставничества, нацеленной на «возвращение» специалистов, способных решать не только типовые профессиональные задачи. Одним из таких примеров в российских педагогических вузах, в частности в Красноярском государственном педагогическом университете им. В.П. Астафьева [Vocharova, 2018], является реализация модели педагогической интернатуры, позволяющей обучающимся – будущим педагогам не только более глубоко осваивать предметное поле профессии, но и включаться в решение поликонтекстных профессиональных задач в образовательных организациях. Данная модель и соответствующая ей практика наставничества являются одним из механизмов реализации сетевого взаимодействия, позволяющего преодолеть «разрыв» между потребностями образовательной практики в специалистах новой квалификации и особенностями профессиональной подготовки будущих специалистов [Шкерина, Шкерина, 2017; Мышковская, Шкерина, 2022].

Результаты исследования. С целью закрепления молодых педагогов-воспитателей в профессии, актуализации дальнейшего развития у них профессиональных компетенций и профес-

сиональной специализации в условиях ДОО разработаны и реализованы этапы сопровождения наставнической деятельности в подшефных институте психолого-педагогического образования Красноярского государственного педагогического университета им В.П. Астафьева ДОО Красноярска и Красноярского края.

С учетом важности внутренней мотивации деятельности наставников: интерес опытных педагогов к молодым специалистам, их желание делиться опытом профессиональной деятельности, потребность быть наставником – проведено анкетирование с целью выявления особенностей отношения, мотивации и готовности педагогов выступить в роли наставников по отношению к «новичкам», впервые пришедшим на работу в ДОО. Также использован метод фокус-групп с целью выявления особенностей профессионально-личностной готовности педагогов к участию в наставнической деятельности.

Сопоставление результатов анкетирования и фокус-групп позволило выделить три группы педагогов, позитивно относящихся к наставничеству, но отличающихся разной степенью мотивации и готовности. Самой малочисленной оказалась группа («реальные наставники»), состоящая из педагогов, проявляющих интерес к участию в наставничестве, имеющих опыт такой деятельности, способных к анализу собственного профессионального опыта, обобщению и презентации его результатов, высказывающих желание взаимодействия с малоопытными коллегами, понимающих, чем и каким образом они способны поделиться с ними. Вторая группа оказалась наиболее многочисленной («сомневающиеся наставники»), в нее вошли педагоги, проявляющие интерес к участию в наставничестве, но не имеющие такого опыта, затрудняющиеся в анализе собственного профессионального опыта, его обобщении и презентации, высказывающие желание взаимодействия с малоопытными коллегами, но не понимающие, чем они могут быть им полезны. Третью группу («потенциальные наставники») составили педагоги, позитивно относящиеся к идеи наставничества, но не заявляющие

о своем желании участвовать, не имеющие соответствующего опыта и сомневающиеся в своих способностях в качестве наставника, способные к анализу собственного профессионального опыта, его обобщению и презентации, проявляющие интерес к взаимодействию с молодыми коллегами, однако сомневающиеся в своей пользе для них.

Анализ полученных результатов позволил прийти к выводам о целесообразности организации подготовки наставников, их дальнейшего сопровождения и разработки административных мер внешней мотивации наставников, предполагающих материальное и нематериальное стимулирование, ориентированных на поощрение и компенсацию затраченных усилий и времени.

Подготовка наставников предполагала организацию деятельности с тремя выделенными группами педагогов-наставников, состоящей из трех тематических блоков: личностно-мотивационного, теоретико-аналитического и деятельностно-практического. Содержание первого тематического блока ориентировано на развитие потребности анализировать собственный опыт профессиональной деятельности; формирование умений фиксировать и интерпретировать свои ресурсы, дефициты и достижения; распознавать и описывать свои чувства и состояния по вопросам профессиональной деятельности, понимать и обсуждать чувства и состояния коллег; потребности и умения управлять собственными эмоциональными состояниями, адекватно их выражать так, чтобы другие их понимали, принимали и откликнулись, а также оказывать помощь коллегам в развитии способности адекватного проявления и управления эмоциональными состояниями. Содержание второго тематического блока ориентировано на формирование знаний теоретического и прикладного типов о молодых специалистах; формирование умений анализировать конкретные ситуации профессиональных и личностных трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе трудоустройства и адаптации на рабочем месте; соотносить информацию о проявлениях

профессиональных трудностей молодых педагогов в реальности. Содержание третьего тематического блока ориентировано на формирование умений устанавливать доверительные отношения с наставляемыми; осуществлять поддержку и помощь самостоятельно вербализировать профессиональные трудности; совместно с молодыми педагогами вести поиск возможных вариантов преодоления и устранения трудностей; включать наставляемого в различные виды профессиональной инновационной деятельности и обогащать его позитивный опыт взаимодействия со всеми участниками образовательных отношений; создавать наставляемому ситуации успеха в процессе преодоления профессиональных трудностей и реализации различных видов профессиональной деятельности.

Параллельно с подготовкой наставников осуществлялась разработка администрацией ДОО мер их материального и нематериального стимулирования. В этом направлении реализованы следующие шаги: внесение изменений в Положение о системе стимулирующих выплат для педагогических работников (внесены позиции, связанные с организацией и реализацией наставничества в ДОО), оптимизация материальной базы (приоритет в оснащении рабочих мест новым оборудованием и материалами педагогов, внедряющих/разрабатывающих современные образовательные практики), развитие профессиональных компетенций и мастерства наставников, расширение форм и способов нематериального стимулирования наставников.

В качестве основных организационно-методических механизмов реализации наставничества определены: разработка и реализация персонализированных маршрутов наставников и наставляемых с использованием ресурсов социального партнерства и сетевого взаимодействия, нацеленных на формирование и развитие универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций; создание открытого сообщества – интерактивная площадка «Profi» в качестве канала эффективного обмена профессиональным опытом для каждого субъекта наставнической деятельности; включение

наставляемых в профессионально ориентированные виды деятельности и формы активности; разработка показателей эффективности системы наставничества; проведение мониторинга достижения количественных и качественных показателей эффективности реализации наставничества [Шкерина, Петрова, 2023].

Следующим шагом в реализации наставничества стало распределение и закрепление молодых педагогов за наставниками. С целью преодоления внутригруппового конфликта в наставнических парах целесообразно учитывать интерес молодых педагогов к приоритетной тематике, разрабатываемой наставниками, предпочтения молодых педагогов в отношении детских возрастных групп и первые взаимные симпатии, возникшие между наставниками и наставляемыми.

Дальнейшая работа связана с реализацией сопровождения наставничества, которое осуществлялось в трех основных направлениях. Первое направление сопровождения наставников возникло из-за невозможностей реализации в полном объеме задуманного содержания по первому тематическому блоку подготовки наставников – личностно-мотивационному. Педагогам-наставникам потребовалось значительно больше времени и личных ресурсов на освоение и присвоение предлагаемого содержания посредством персонифицированных заданий, индивидуальных рефлексивных встреч и групповых тренингов. Второе направление сопровождения связано с оказанием помощи парам в разрешении и преодолении конфликтных ситуаций и межличностных противоречий. Достижению этой цели способствовало проведение индивидуальных встреч с элементами коучинга, а также тренинга эффективного конфликтования. Третье направление сопровождения связано с оказанием методической помощи молодым педагогам и наставникам в развитии профессиональных компетенций и совершенствовании профессионального мастерства. Для его реализации использовались ежемесячные рефлексивные встречи, на которые приглашались пары для обсуждения достижений, ресурсов

и затруднений. После проведения встреч со всеми парами выделялись такие трудности и дефициты, которые характерны для большинства: при наличии базовых теоретических знаний затрудняются использовать их при решении профессиональных задач; неумение использовать стихийно возникающие образовательные ситуации в целенаправленной воспитательной деятельности; трудности в формировании развивающей образовательной среды для достижения всего спектра целевых ориентиров развития детей; затрудняются в организации совместной со сверстниками деятельности детей; затрудняются в организации взаимодействия ребенка с особыми образовательными потребностями. Для их устранения привлекались дополнительные внутренние и внешние ресурсы, помогающие педагогам приобрести позитивный опыт деятельности.

В рамках третьего направления педагоги-наставники самостоятельно осуществляли индивидуальную деятельность с закрепленными за ними молодыми педагогами, определяя ее основное содержание, темп, способы и формы взаимодействия. С целью упорядочивания и систематизации деятельности наставников заданы основные этапы разворачивания наставничества. Так, работу с наставляемым рекомендовалось начать с выявления и анализа профессиональных затруднений молодых педагогов посредством разработанных анкет и экспертных листов оценки, позволяющих выявить основные осознаваемые ими профессиональные затруднения. Содержательное наполнение диагностического инструментария позволяло оценить уровень развития профессиональной деятельности молодых педагогов в целом.

Педагогам-наставникам оказывалась помощь в сопоставлении результатов анкетирования и экспертных оценок, выделенные трудности профессиональной адаптации и профессиональной деятельности молодых педагогов имели высокую степень персонификации; их обобщение и систематизация позволили выделить следующие основные группы трудностей: выстраивание конструктивных взаимоотношений с коллегами и администрацией ДОО; организация

взаимодействия с родителями воспитанников; владение эффективными способами разрешения конфликтов и проблемных ситуаций; организация различных видов деятельности детей в течение дня в соответствии с их возрастными особенностями; организация деятельности детей в режимных моментах. Анализ результатов анкетирования молодых педагогов позволил прийти к выводу о том, что молодые педагоги отмечают у себя более высокие показатели развития профессиональных и рефлексивных умений, чем эксперты. При этом молодые педагоги склонны занижать уровень развития профессиональных знаний; ценность и значимость универсальных компетенций в профессиональной деятельности. Анализ результатов экспертного оценивания молодых педагогов, выполненного наставниками, позволил выявить более высокие показатели развития профессиональных знаний молодых педагогов в области возрастных особенностей детей, современных технологий работы с детьми, способов и приемов планирования образовательной деятельности, а также умений работать с информацией (находить, систематизировать, обобщать, организовать хранение), с текстами, презентовать результаты своей деятельности.

На втором этапе наставникам предлагалось обсудить выявленные проблемы и трудности с молодыми педагогами и определиться с возможными вариантами их преодоления. С учетом вариативности профессиональных затруднений молодых педагогов маршруты их преодоления имели высокую степень персонификации. В связи с этим предлагалась исключительно рамочная структура персонифицированного маршрута, наполнение которой позволит паре наставник – наставляемый держаться в поле решения профессиональных проблем и трудностей молодого педагога. В составе рамочной структуры такого маршрута нашли отражение такие элементы, как: формулировка профессиональных затруднений молодого педагога; постановка задач, решение которых позволит преодолеть имеющиеся затруднения; формулировка возможных вариантов решения имеющихся

затруднений; алгоритм действий по реализации выбранного варианта решения; перечень возможных текущих, ежегодных событий, мероприятий, видов деятельности, позволяющий реализовать выбранный вариант; перечень событий, мероприятий, видов деятельности, которые требуется организовать для реализации выбранного варианта; ожидаемый результат.

На третьем этапе осуществлялась реализация персонифицированных маршрутов с постоянной рефлексией вклада каждого действия, события, мероприятий в разрешение профессиональных затруднений молодых педагогов, на основе таких рефлексивных обсуждений планировался следующий шаг в совместном их преодолении.

Второй этап реализации наставничества в ДОО совпал с прохождением производственных практик студентов педагогического вуза на базе подшефных ДОО. С целью преодоления «разрывов» между профессиональной подготовкой педагогов и запросом образовательной практики на специалиста определенного качества было принято решение не организовывать со студентами отдельную работу, а вовлекать их в ту деятельность, которую ведут наставники со своими молодыми педагогами по формату триады: наставник – молодой педагог – студент. Появление студентов стимулировало рост новых форматов наставничества. На рефлексивных встречах тройки стали говорить о появлении в их деятельности таких форматов, как взаимное наставничество, которое осуществлялось между молодым педагогом и студентом, и обратное наставничество, когда молодые педагоги и студенты делились опытом со своим наставником по отдельным направлениям профессиональной деятельности. Среди содержательных направлений наставничества молодежи следует отметить: работу с информацией, работу с текстами, использование современных информационных технологий, программ и систем. Результатом вовлечения студентов в деятельность наставников стало их желание продолжить профессиональную деятельность в детском саду, совмещая ее с получением соответствующего профессионального образования.

Заключительным этапом в реализации наставничества стала организация декадника открытых мероприятий молодых педагогов (в том числе студентов), в ходе которого молодые педагоги проводили мероприятия с детьми, где демонстрировали опыт профессиональной деятельности в том направлении, которое на первом этапе наставничества было определено как трудное.

Анализ результатов реализации наставничества в ДОО за один учебный год позволил выделить три группы критериев его результативности. В первую группу вошли организационные критерии результативности наставничества, к ним относятся: наличие позитивного отношения к наставничеству в ДОО, понимание его значимости и эффектов; логичность деятельности наставника, понимание профессиональных затруднений молодых педагогов и адекватность выбора основного направления взаимодействия; поступление запросов на продолжение совместной работы наставников и наставляемых; на участие в наставничестве (в качестве наставника или наставляемого). Вторую группу составили критерии удовлетворенности наставничеством членов педагогического коллектива: степень удовлетворенности наставнической деятельности администрацией ДОО; степень удовлетворенности наставнической деятельностью наставниками; степень удовлетворенности наставнической деятельностью молодыми педагогами; заинтересованность и включенность в наставничество педагогических работников, не являющихся наставниками и молодыми педагогами. В третью группу вошли критерии динамики развития молодых педагогов, к ним относятся: позитивная динамика в развитии профессиональной мотивации молодых педагогов, желание оставаться и развиваться в профессии; нормализация уровня

профессиональной адаптации в педагогическом коллективе; оптимизация межличностного общения со всеми членами коллектива (администрацией, коллегами), снижение уровня тревожности, агрессивности, страхов; повышение уровня профессиональной самооценки молодого педагога; активность и заинтересованность молодых педагогов в наставнической деятельности; степень применения молодыми педагогами полученных от наставника знаний и опыта профессиональной деятельности.

Заключение. Таким образом, реализация наставничества в детском саду позволила добиться основного результата – сохранения молодых педагогических кадров в ДОО, а также привлечь дополнительные молодые педагогические кадры из числа студентов, осваивающих основную профессиональную образовательную программу «Дошкольное образование». Реализация разработанного психолого-педагогического обеспечения наставничества в ДОО показала свою результативность в развитии профессиональных компетенций не только молодых педагогов, но их наставников. Именно наставники отметили наиболее значимые изменения в развитии профессиональных умений и опыта конструктивного взаимодействия с коллегами, активизирующего собственное педагогическое творчество. Предложенный подход в реализации наставничества как условия сопровождения молодых специалистов в ДОО требует дальнейшей разработки критериев категоризации наставников, поиска эффективных способов формирования пар наставник – наставляемый; разработки моделей наставничества в условиях практической подготовки студентов – будущих педагогов дошкольного образования; разработки подхода к структурированию профессиональных дефицитов наставников и наставляемых в ДОО.

Библиографический список

1. Блинов В.И., Есенина Е.Ю., Сергеев И.С. Наставничество в образовании: нужен хорошо заточенный инструмент // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 3. С. 4–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-v-obrazovanii-nuzhen-horoshho-zatochennyi-instrument> (дата обращения: 03.07.2023).

2. Вахитова Г.Х. Особенности организации наставничества как сопровождения профессионального развития студентов в предметных олимпиадах // Ped.Rev. 2019. № 6 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsiinastavnichestva-kak-soprovozhdeniya-professionalno-go-razvitiya-studentov-v-predmetnyh-olimpiadah> (дата обращения: 03.07.2023).
3. Винокурова И.В., Макеева А.В. Worldskills как средство повышения качества подготовки педагогических кадров профессионального образования // Мир науки: интернет-журнал. 2018. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PDMN418.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).
4. Задворная М.С., Милонова С.Р. Сопровождение наставниками молодых педагогов дошкольной образовательной организации на этапе вхождения в профессию // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 6 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-nastavnikami-molodyh-pedagogov-doshkolnoy-obrazovately-organizatsii-na-etape-vhozhdeniya-v-professiyu> (дата обращения: 03.07.2023).
5. Каблукова И.Г., Леонова И.Е. Реализация наставничества в процессе профессиональной адаптации молодых педагогов // Современное психолого-педагогическое образование: матер. VIII Всерос. (с междунар. участием) психолого-педагогических чтений памяти Л.В. Яблоковой (Яблоковские чтения) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. С. 149–152.
6. Каблукова И.Г., Шкерина Т.А. Стажировка педагогов в условиях дошкольной образовательной организации как форма развития профессиональной компетентности // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 3 (49). С. 54–61. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-49-3-142
7. Кларин М.В. Современное наставничество: новые черты традиционной практики в организациях XXI века // ЭТАП. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (дата обращения: 03.07.2023).
8. Мышковская А.И., Шкерина Т.А. Тьюториалы как средство индивидуального личностного и профессионального развития будущих педагогов // Психология и педагогика детства: о воспитании, воспитанности, воспитателях: сб. ст. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. С. 105–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48508343> (дата обращения: 03.07.2023).
9. Шкерина Л.В., Шкерина Т.А. Новые дидактические принципы теоретической подготовки студентов // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2017. № 3 (41). С. 95–104. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-41-3-09
10. Шкерина Т.А., Петрова Т.И. Наставничество в профессиональной подготовке будущих педагогов и педагогов-психологов // Психология и педагогика детства: о ценностях современного образования: сб. ст.: в 2 ч. Красноярск, 23–24 марта 2023 г. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2023. С. 148–156.
11. Шкерина Т.А., Осокина А.В. Педагогическая студия как форма развития методической компетентности воспитателей в условиях инклюзивной образовательной практики // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 2 (52). С. 96–105. DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-203
12. Шобонов Н.А. Организация наставничества как условие адаптации персонала в образовательной организации. 2023. № 2. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1690334057&tld=ru&lang=ru&name=32485.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).
13. Шульпин А.Н. Наставничество как социально-педагогический феномен и инструмент совершенствования работы объединения дополнительного образования // Инновационное развитие профессионального образования. 2021. № 2 (30). С. 141–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-sotsialno-pedagogicheskii-fenomen-i-instrument-sovershenstvovaniya-raboty-obedineniya-dopolnitelnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 03.07.2023).

14. Эсаулова И.А. Новые модели наставничества в практике обучения и развития персонала // Стратегии бизнеса. 2017. № 6. С. 98–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nastavnichestva-v-praktike-obucheniya-i-razvitiya-personala-zarubezhnyh-kompaniy> (дата обращения: 03.07.2023).
15. Югфельд Е.А. К вопросу о феномене наставничества: исторический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf> (дата обращения: 03.07.2023).
16. Bocharova Ju.Yu. Expected outcomes of teacher internship, or a pedagogical university graduate trapped in standards // Humanities & Social Sciences. 2018. No. 11 (2). P. 174–184. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/68381>
17. Colognesi S., Van Nieuwenhoven C., Beusaert S. Supporting newly-qualified teachers' professional development and perseverance in secondary education: On the role of informal learning // European Journal of Teacher Education. 2020. Is. 43 (2). P. 258–276. DOI: 10.1080/02619768.2019.1681963.
18. Hattie J. Visible learning: A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement (1st ed.). Routledge, 2008. DOI: 10.4324/9780203887332
19. Shkerina T.A., Savolainen G.S., Zakhartsova G.V. Teacher's professional competence: New challenges, realities and prospects. In: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Krasnoyarsk, May 20–22, 2020. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. Vol. 90. P. 1016–1027. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.03.118

MENTORING AS A CONDITION FOR SUPPORTING YOUNG TEACHERS IN PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

I.G. Kablukova (Krasnoyarsk, Russia)

T.A. Shkerina (Krasnoyarsk, Russia)

M.A. Kukhar (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The need of educational practice in a specialist who can operate in a multitasking, multi-contextual and innovative development mode necessitates updating the system of professional training, advanced training and retraining of specialists based on the ideas of continuing education: the value of human capital; the relationship of formal, non-formal and informal education; the formation and development of new learning outcomes of students at all levels of education; development and implementation of new models of professional interaction: various types of mentoring, network interaction. *The problem*, on which the article is focused, is to find means of psychological and pedagogical support for the mentoring of young teachers in preschool educational organizations (PEO) as a transfer of their professional development.

The purpose of the article is to reveal and justify the features of the organization of mentoring in terms of highlighting the stages of accompanying mentors and mentees, and their psychological and pedagogical support.

The methodology (materials and methods) of the research is based on the main provisions of the competency-based approach in training specialists capable of quickly solving typical and non-typical professional situations and tasks; the principle of individualization in the professional development and formation of teachers in the conditions of mentoring; analysis of innovative experience reflected in the research work of scientists on the scientific and methodological support of educators in preschool educational organizations (PEO); analysis of the results of a questionnaire survey, focus group, expert assessment, and self-assessment of teachers-educators of PEO in Krasnoyarsk.

Research results. Based on the analysis of the results of the survey and the focus group, the features of the professional and personal readiness of trainee teachers and young teachers of the preschool educational institution to participate in mentoring activities were identified; the difficulties experienced by teachers in the performance of professional tasks are revealed. The organizational and methodological mechanisms and features of the implementation of mentoring in PEO are highlighted.

Conclusion. The proposed approach to the implementation of mentoring as a condition for accompanying young professionals in preschool education requires further development of criteria for categorizing mentors, finding effective ways to form mentor-mentee pairs, developing mentoring models in the context of practical training of students – future teachers of preschool education; developing an approach to structuring the professional deficits of mentors and mentees in the PEO.

Keywords: *professional deficits of teachers, features of accompanying young educators, personalized routes of mentors and mentees.*

Kablukova, Inna G. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology and Child Pedagogy, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kablukova@kspu.ru

Shkerina, Tatyana A. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Psychology and Child Pedagogy, Department of Correctional Pedagogy, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4768-318X>; e-mail: shkerinat@mail.ru

Kukhar, Marina A. – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Psychology and Child Pedagogy, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: kuhar@kspu.ru

---

References

1. Blinov V.I., Esenina E.Yu., Sergeev I.S. Mentoring in education: a well-sharpened tool is needed // *Professionalnoe obrazovanie i rynek truda (Vocational Education and Labor Market)*. 2019. No. 3. P. 4–18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-v-obrazovanii-nuzhen-horosho-zatochennyi-instrument> (access date: 03.07.2023).

2. Vakhitova G.Kh. Features of organization of mentoring as an accompaniment of professional development of students in subject Olympiads // *Ped.Rev.* 2019. No. 6 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-organizatsiinastavnichestva-kak-soprovozhdeniya-professionalnogo-razvitiya-studentov-v-predmetnyh-olimpiadah> (access date: 03.07.2023).
3. Vinokurova I.V., Makeeva A.V. Worldskills as a means of improving the quality of training of teachers in vocational education // *Internet-zhurnal "Mir nauki" (World of Science Internet Journal)*. 2018. No. 4. URL <https://mir-nauki.com/PDF/17PDMN418.pdf> (access date: 03.07.2023).
4. Zadvornaya M.S., Milonova S.R. Support by mentors of young teachers of a preschool educational organization at the stage of entering the profession // *Sankt-Peterburgskiy obrazovatelnyy vestnik (St. Petersburg Educational Bulletin)*. 2018. No. 6 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soprovozhdenie-nastavnikami-molodyh-pedagogov-doshkolnoy-obrazovately-organizatsii-na-etape-vhozhdeniya-v-professiyu> (access date: 03.07.2023).
5. Kablukova I.G., Leonova I.E. Implementation of mentoring in the process of professional adaptation of young teachers. In: *Proceedings of the 8th All-Russian (with international participation) psychological and pedagogical readings in memory of L.V. Yablokova (Yablokova readings) "Modern Psychological and Pedagogical Education"*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2022. P. 149–152.
6. Kablukova I.G., Shkerina T.A. Internship of teachers in the conditions of a preschool educational organization as a form of development of professional competence // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyeva)*. 2019. No. 3 (49). P. 54–61. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-49-3-142
7. Klarin M.V. Modern mentoring: new features of traditional practice in organizations of the 21st century // *ETAP (STAGE)*. 2016. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-nastavnichestvo-novye-cherty-traditsionnoy-praktiki-v-organizatsiyah-xxi-veka> (access date: 03.07.2023).
8. Myshkovskaya A.I., Shkerina T.A. Tutorials as a means of individual personal and professional development of future teachers. In: *Psychology and pedagogy of childhood: about upbringing, good manners, educators: a collection of articles*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyev, 2022. P. 105–119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48508343> (access date: 03.07.2023).
9. Shkerina L.V., Shkerina T.A. New didactic principles of theoretical training of students // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyeva)*. 2017. No. 3 (41). P. 95–104. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-41-3-09
10. Shkerina T.A., Petrova T.I. Mentoring in the professional training of future teachers and psychologists. In: *Psychology and pedagogy of childhood: about the values of modern education: a collection of articles: in 2 Parts*, Krasnoyarsk, March 23–24, 2023. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2023. P. 148–156.
11. Shkerina T.A., Osokina A.V. Pedagogical studio as a form of development of methodological competence of educators in the conditions of inclusive educational practice // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafyeva)*. 2020. No. 2 (52). P. 96–105. DOI: 10.25146/1995-0861-2020-52-2-203
12. Shobonov N.A. Organization of mentoring as a condition for the adaptation of personnel in an educational organization // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (Modern Problems of Science and Education)*. 2023. No. 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32485> (access date: 03.07.2023).
13. Shulpin A.N. Mentoring as a socio-pedagogical phenomenon and a tool for improving the work of the association of additional education // *Innovatsionnoe razvitie professionalnogo obrazovaniya (Innovative Development of Vocational Education)*. 2021. No. 2 (30). P. 141–146. URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/nastavnichestvo-kak-sotsialno-pedagogicheskiy-phenomen-i-instrument-sovershenstvovaniya-raboty-obedineniya-dopolnitelnogo (access date: 03.07.2023).

14. Esaulova I.A. New models of mentoring in the practice of personnel training and development // *Strategii biznesa (Business Strategies)*. 2017. No. 6. P. 98–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-modeli-nastavnichestva-v-praktike-obucheniya-i-razvitiya-personala-zarubezhnyh-kompaniy> (access date: 03.07.2023).
15. Yugfeld E.A. On the issue of a mentoring phenomenon: Historical aspect // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and Psychology)*. 2022. Vol. 10, No. 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf> (access date: 03.07.2023).
16. Bocharova Ju.Yu. Expected outcomes of teacher internship, or a pedagogical university graduate trapped in standards // *Humanities & Social Sciences*. 2018. No. 11 (2). P. 174–184. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/68381>
17. Colognesi S., Van Nieuwenhoven C., Beusaert S. Supporting newly-qualified teachers' professional development and perseverance in secondary education: On the role of informal learning // *European Journal of Teacher Education*. 2020. Is. 43 (2). P. 258–276. DOI: 10.1080/02619768.2019.1681963
18. Hattie J. *Visible learning: A synthesis of over 800 meta-analyses relating to achievement (1st ed.)*. Routledge, 2008. DOI: 10.4324/9780203887332
19. Shkerina T.A., Savolainen G.S., Zakhartsova G.V. Teacher's professional competence: New challenges, realities and prospects. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Krasnoyarsk, May 20–22, 2020*. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. Vol. 90. P. 1016–1027. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.03.118

УДК 378:811

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КОНСТРУКТИВНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

И.А. Майер (Красноярск, Россия)

И.П. Селезнева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Интеракционная модель межкультурной коммуникации подразумевает осуществление коммуникантами контактов в сфере межкультурного общения, проблема формирования и развития которых остается малоизученной как в отечественной, так и в зарубежной методической теории и практике. Авторы статьи предлагают свою дефиницию научного понятия «языковые и культурные контакты»: интеракционное коммуникативное взаимодействие субъектов с учетом социально-культурных условий ситуации, обеспечивающее взаимопонимание и, как следствие, согласованность действий контактирующих лиц на языковом (речевом) и этнокультурном уровнях. В статье рассматриваются структурообразующие компоненты и дескрипторы данного понятия.

Цель статьи – раскрыть выведенное авторами понятие «языковые и культурные контакты» через определение его структурообразующих компонентов в процессе компаративного междисциплинарного анализа и представить описание тренинга по развитию навыков конструктивного межкультурного общения будущего учителя иностранного языка.

Методологию исследования составляют концепция обучения применению контакта как средства преодоления коммуникативных деструкций при построении конструктивного межкультурного общения (Г.Н. Тигунцева, О.А. Билан, Н.П. Копцева, М.Г. Смолина, К.В. Резникова, В.А. Разумовская, S. Winkler); теоретико-методологические основы организации обучения иностранному языку с преимущественным использованием прагматических аспектов (А.А. Беляева, И.В. Беляева, А.Ф. Долгополова, В.А. Жукова, Е.Н. Гавриленко, А. Сооке); практико-ориентированные технологии реализации коммуникативных стратегий и практик, в том числе реализующие процесс конструктивного межкультурного общения (Е.А. Бароненко, Т.Л. Горностай, Е.Ю. Кислякова, J. Hoffmann, C. Földes).

Результаты. Междисциплинарный сравнительно-сопоставительный анализ понятийного поля «контакт» позволил вывести авторское определение понятия «языковые и культурные контакты» применительно к контексту подготовки будущего учителя иностранного языка. Тренинг по развитию навыков конструктивного межкультурного общения будущего учителя иностранного языка, разработанный авторами исследования, включает подготовительно-речевой, проблемно-практический, подготовительно-аналитический и творческий этапы; апробация тренинга демонстрирует его эффективность.

Заключение. Применение межкультурного тренинга по развитию навыков конструктивного общения позволяет формировать способности обучающегося к языковым и культурным контактам, что доказано в ходе работы с текстами лингвокультурного дискурса при поэтапной реализации тренинга на практических занятиях по немецкому языку в вузе.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, конструктивное общение, языковые и культурные навыки, лингвокультурный дискурс, иноязычное образование.

Майер Инна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования, декан факультета иностранных языков, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9440-1897>; ResearcherID: Q-6637-2018; SPIN-код: 8135-2546; AuthorID: 373848; e-mail: inna.maier@mail.ru

Селезнева Ирина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9482>; ResearcherID: O-9894-2018; SPIN-код: 4956-8310; AuthorID: 432114; e-mail: mixculture@mail.ru

Постановка проблемы. В рамках данной статьи процесс развития навыков конструктивного межкультурного общения будущего учителя иностранного языка рассматривается на примере тренинга по обучению основам языковых и культурных контактов.

Практическая подготовка будущего учителя иностранного языка – это прежде всего его подготовка к осуществлению культурно-коммуникативных контактов в сфере профессиональной деятельности – межкультурной коммуникации: осознание понятия «национально-культурная идентичность» [Копцева, Смолина, Резникова, Разумовская, 2019]; овладение теорией и практикой кросс-культурного взаимодействия [Арпентьева, 2017]; формирование готовности к профессиональной деятельности в предметной сфере [Янова, Вершкова, 2019; Горноста́й, 2021; Nazarkiewicz, 2016].

Однако само понятие «языковые и культурные контакты», его структура и дескрипторы, позволяющие определить готовность к контактам в профессиональной сфере, остаются проблемными вопросами.

Языковые и культурные контакты позволяют организовать конструктивное общение, при котором достигаются цели коммуникации, информация носит объективный характер и участники процесса учитывают особенности общения партнеров. Конструктивное общение в образовательном процессе рассматривается с разных сторон: в общетеоретическом аспекте как педагогическое взаимодействие [Билан, Зайцева, Гурьянова, 2023]; как проблемная задача – поиск препятствий на пути конструктивного общения и способов их преодоления [Михеева, 2022]; как одно из явлений психолингвистики [Winkler, 2019].

Несмотря на то что и в отечественной, и в зарубежной методике отмечается наличие значительного количества исследований, посвященных указанным проблемам, они все еще остаются не полностью решенными.

Рекомендации по применению тренинга, способствующего развитию навыков конструктивного межкультурного общения будущего

учителя иностранного языка разработаны и апробированы авторами статьи на практике на базе факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева.

Методология исследования: теоретические обоснования необходимости развития языковых и культурных навыков конструктивного межкультурного общения обучающихся; описание практического опыта применения тренинга по развитию данных навыков при подготовке будущего учителя иностранного языка.

Обзор научной литературы. «Контакт» является распространенным научным термином в физике, химии, геологии, географии, спорте, этот термин используется также и в социально-гуманитарных научных исследованиях. Очевидна роль термина «контакт» в качестве базовой категории в интенсивно развивающихся коммуникативных сферах (мобильной связи, интернет- и телекоммуникациях, различных видах СМИ). Термин «контакт» применяется в психологическом консультировании (общение в системе «психолог – клиент»), в юридической психологии, в условиях переговорных процессов, специфического общения в системах «следователь – преступник», «руководитель – подчиненный».

Отечественные словарно-справочные издания трактуют понятие «контакт» прежде всего как «связь» и «взаимодействие», подчеркивая особую роль при контакте «непосредственного общения» и «коммуникации», «согласованности действий» и «взаимопонимания». Зарубежные издания при интерпретации понятия выделяют его повторяемость, «регулярный характер» [Тигунцева, 2014].

В философии социально-коммуникационное взаимодействие в целом и социальный контакт в частности рассматриваются в теории диалога Платона, теории общественного договора Ж.Ж. Руссо, теории социальной коммуникации К. Ясперса и Э. Гуссерля, теории семиотического пространства Б. Рассела и теории коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса.

Анализ философских концепций, рассматривающих понятие «контакт», позволяет прийти к выводу об эволюции данного понятия,

связанной с развитием сферы социальной коммуникации и смещением фокуса философских исследований с интерперсональной – межличностной – коммуникации (античная философия, феноменология, теория диалога культур) – на коммуникацию групповую (теория общественного договора, теория социальной коммуникации) и коммуникацию массовую (теория семиотического пространства, теория коммуникативной рациональности).

М.О. Гузикова и П.Ю. Фофанова подчеркивают особую роль взаимосвязи «внутреннего сознания» и коммуникации в становлении и развитии контактов [Гузикова, Фофанова, 2015].

Исследования контактного взаимодействия с точки зрения педагогики, как правило, выполнены в русле трех научных направлений: развитие у педагога коммуникативных умений, необходимых для осуществления контакта (В.А. Кан-Калик, А.А. Леонтьев); поиски условий и приемов, позволяющих достичь взаимопонимания между педагогом и обучающимися (А.А. Бодалев, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, М.Г. Янова); профессионально-этическая подготовка педагога к контактному взаимодействию (Э.А. Гришин, И.Я. Писаренко).

Основная характеристика контакта как терминологического понятия с точки зрения психологов – «наличие обратной связи, т.е. взаимообусловленный и взаимопонятный обмен действиями. Важнейшим атрибутом контакта является психологический момент (интенция, мотив, установка)» [Психология общения, 2011, с. 67–68].

Таким образом, анализ интерпретаций понятия «контакт» в отечественной и зарубежной словарно-справочной литературе, философии, педагогике и психологии позволяет прийти к выводу о том, что контакт является междисциплинарным научным понятием и определяется прежде всего как вид социальной связи в контексте социального взаимодействия.

Конструктивное общение играет особую роль при осуществлении процесса межкультурной коммуникации. Теория межкультурной коммуникации изучает прагматические

и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению [Куликова, 2011; Гузикова, Фофанова, 2015]; коммуникативные стратегии и тактики, позволяющие реализовать беспрепятственное общение коммуникантов из разных культур [Кислякова, 2018]; интеркультурные компетенции, необходимые для реализации общения [Erl, Gymnich, 2015]; опыт организации межкультурного общения в образовательном пространстве [Sursock, 2021]; многоязычные и интеркультурные контексты [Hoffmann, 2023].

Проблемы организации конструктивного межкультурного общения решаются при соблюдении следующих условий: практико-ориентированный подход в современной дидактике вуза [Долгополова, Жукова, Гавриленко, 2019]; задействование прагматических аспектов языка при обучении иностранному языку [Беляев, Беляева, 2021]; изучение особенностей подготовки учителей иностранного языка к межкультурному общению [Cooke, 2019]; принцип соизучения языка и культуры страны изучаемого языка [Földes, 2021].

Межкультурный коммуникативный тренинг рассматривается как один из способов моделирования процесса конструктивного общения [Бароненко, Райхсвик, Скоробренко, 2019; Чам, Минакова, 2022; Nuissl, Przybylska, 2017].

Результаты исследования. В рамках данного исследования предлагается авторская дефиниция понятия «языковые и культурные контакты», которое мы определяем как интеракционное коммуникативное взаимодействие субъектов с учетом социально-культурных условий ситуации, обеспечивающее взаимопонимание и, как следствие, согласованность действий контактирующих лиц на языковом (речевом) и этнокультурном уровнях.

Анализ научно-методологической литературы показывает, что проблема культурно-профессионального контакта не достаточно изучена: большинство исследователей описывают профессиональное общение и коммуникативное профессиональное поведение (В.Г. Зазыкин, Н.В. Курилович, Е.А. Ракитина); профессиональное общение как вид деятельности

(А.А. Леонтьев, В.В. Рыжов, Г.П. Щедровицкий); профессиональное общение как взаимодействие (Б.Ф. Ломов, И.А. Зимняя, Е.В. Харченко, Дж. Мид, М. Бубер, Ж. Годфруа). Работ, изучающих феномен культурно-профессионального контакта, практически нет.

Понятие «культурный контакт» в социологии, культурологии и этнологии связано прежде всего с «культурным соприкосновением» или «культурным взаимодействием», которое приводит к «диффузии культур» и установлению коммуникационных связей.

Коммуникативные контакты могут существовать в двух плоскостях: монокультурного и межкультурного взаимодействия.

В отличие от ситуации монокультурной коммуникации, в ситуации межкультурного контакта любое межкультурное взаимодействие, даже повторяющееся ежедневно, требует дополнительных усилий по перекодировке сигналов, информации, по соблюдению принципов

терпимости – это вызывается существованием межкультурных различий.

Подготовка бакалавра – будущего учителя иностранного языка включает овладение теорией и практикой межкультурной коммуникации, формирование умений и навыков выстраивания языковых и культурных контактов в сфере межкультурного общения. Культурно-профессиональные контакты будущего учителя иностранного языка требуют от него наличия таких акмеологических инвариантов профессионализма, как коммуникабельность; способность к эмпатии и взаимодействию; сформированность лингвокультурной компетентности; соблюдение норм этики.

Основываясь на компетентностном подходе, выделим комплекс структурообразующих компонентов и дескрипторов, необходимых для планирования и осуществления языковых и культурных контактов будущего учителя иностранного языка (табл.).

Структурообразующие компоненты и дескрипторы языковых и культурных контактов будущего учителя иностранного языка

Structural components and descriptors of language and cultural contacts of the future foreign language teacher

Структурообразующий компонент	Дескрипторы – признаки освоения будущим учителем иностранного языка основ языковых и культурных контактов
Макроконтэкстные компоненты (общепрофессиональные и междисциплинарные)	Знает общие принципы и подходы к профессионально ориентированной коммуникации; умеет искать, принимать, обрабатывать, передавать профессионально ориентированную информацию; владеет навыками коммуникативного взаимодействия
Микроконтэкстные компоненты (коммуникативно-ситуативные)	Знает коммуникативные стратегии и коммуникативные технологии межкультурной коммуникации; умеет проектировать, моделировать и прогнозировать коммуникативную деятельность; владеет стремлением к коммуникативному самосовершенствованию
Социально и институционально маркированные компоненты	Знает особенности национальных коммуникативных стилей в пределах определенного институционального дискурса; умеет применять современные коммуникативные технологии, методы и приемы; владеет профессиональной этикой; эмоциональной устойчивостью

Макроконтэкстные структурообразующие компоненты должны быть учтены как фактор и средство повышения мотивации к профессиональной деятельности. Микроконтэкстные компоненты включают готовность к деятельности в зависимости от коммуникативной ситуации [Erl, Gymnich, 2015; Nazarkiewicz, 2016]. Социально

и институционально маркированные компоненты предполагают овладение коммуникативной и профессиональной этикой, способность к эмпатии [Sursoc, 2021].

Дескрипторы свидетельствуют о готовности будущего учителя иностранного языка к языковым и культурным контактам и могут быть

сформированы только при комплексном подходе к его подготовке и реализации на практике межпредметных и междисциплинарных связей.

Мы полагаем, что формирование у будущего учителя иностранного языка перечисленных выше знаний, умений и навыков будет способствовать оптимальному планированию и осуществлению языковых и культурных контактов. Достичь поставленной цели можно в ходе проведения межязыкового и межкультурного тренинга, который позволяет отработать модель речевого поведения обучающихся в ситуациях, носящих культурологический характер.

Наряду с работой над семантикой, фразеологией, речевыми штампами и языковыми клише, такие тренинги формируют культуросообразное поведение обучающихся в поликультурной среде. М.Ф. Чам и Л.Ю. Минакова выделяют следующие этапы тренинга: подготовительно-речевой, проблемно-практический, подготовительно-аналитический, творческий [Чам, Минакова, 2022].

Апробация тренинга проводилась в рамках темы «Kaffeehauskultur in Österreich», с опорой на аутентичные интернет-источники, представляющие тексты лингвокультурного рекламного дискурса.

Подготовительно-речевой этап: коммуникативное взаимодействие в ситуативно-тематических диалогах предполагает отработку выделенных в ходе чтения и анализа текстов фонетических, лексических и грамматических явлений. На этом этапе обучающиеся знакомились с текстами, содержащими ключевую лексику, штампы и речевые образцы: *Erleben Sie die berühmte Wiener Kaffeehauskultur auf Sacher Art und Weise. Das Café Sacher bietet den perfekten Rahmen, um die typische und einzigartige Wiener Kaffeehausatmosphäre zu genießen – natürlich mit einem Stück Original Sacher-Torte. Nehmen Sie sich etwas Zeit für einen Moment des Genusses. Das Café Sacher bietet Ihnen zu jeder Tageszeit einen geschmackvollen Rückzugsort, der Ihre kulinarischen Sinne begeistert. Traditionelle Wiener Gerichte und Kaffeespezialitäten werden mit einem Lächeln serviert und warten auf Sie [Cafe Sacher Wien].*

При анализе текстов выявлялись проблемные зоны будущего общения: например, отсутствие в русском языке полных эквивалентов тех или иных реалий или сложность их передачи на русском языке, связанная с особенностями австрийского варианта немецкого языка. Так, при переводе меню затруднения вызвали следующие реалии: *Räucherlachs mit Oberskren, saisonale Aufstriche, Sacher Schokerlkuchen, Original Sacher-Trüffelschinken, Gartenkresse, Marillenpalatschinken, Josephbrot.*

Эти затруднения были решены на подготовительно-аналитическом этапе в ходе выполнения заданий поискового характера. Две реалии (*Marillenpalatschinken* и *Josephbrot*) тем не менее не поддавались интерпретации, поэтому для их расшифровки были задействованы дополнительные источники информации, в том числе интернет-контакт с носителями языка и культуры, что вызвало рост интереса и мотивации к дальнейшей работе, об этом свидетельствуют отзывы обучающихся: *только после привлечения австрийских источников мы поняли значение реалии Josephbrot, оказывается, это замороженный органический био хлеб, изготовленный ручным способом и выдержанный на полке 48 часов, его назвали в честь создателя, Иосифа Беконта [Josephbrot], а Marillenpalatschinken – это омлет с абрикосовым джемом [Marillenpalatschinken].*

Проблемно-практический этап предполагает тренировку отработанного материала через имитацию ситуаций, включающих знание культурологических особенностей изучаемого языка и культуры.

При имитации ситуаций следует учесть, что в меню австрийских кофеен многие привычные нам сорта кофе называются иначе, существуют особые традиции их подачи (сервировки) и заказа. Незнание этих особенностей может привести к разрушению конструктивного общения. *Pharisäer* (фарисей) – кофе с добавлением рома и сливок обычно не пьют в одиночку; можно наблюдать, как компания, заказавшая этот сорт кофе, ждет, кто первым его размешает, – именно он и должен будет оплатить заказ всей компании.

Fiaker подают со стаканчиком рома или сливового шнапса: и кофе, и шнапс держат одной рукой, как это делали венские извозчики, в честь которых назван этот сорт кофе. Maria Theresia Kaffee – самый дорогой сорт кофе, двойной эспрессо с апельсиновым ликером и сливками, названный в честь австрийской императрицы, обязательно подают со стаканом воды, так как он слишком крепкий и сладкий [Wiener Kaffeespezialitäten].

Творческий этап – осуществление языковых и культурных контактов в театрализованных ролевых ситуациях с соблюдением правил вербальной и невербальной коммуникации, обеспечивающих конструктивное межкультурное общение. На этом этапе тренинга обучающиеся самостоятельно работали над тематическим блоком, раскрывающим лингвокультурные особенности австро-венгерской гастрономии. В качестве примера был выбран вклад в историю Австрии семейства Эстерхази, династии венгерских магнатов и дипломатов, в честь которых названы многие блюда и напитки австрийской кухни. Обучающиеся были поделены на группы, задачей которых являлся поиск информации о династии Эстерхази и ее вкладе в лингвокультуру Австрии. Исходная информация была минимальной и носила справочный характер, например: Esterházy-Torte: Sie gehört zu den charakteristischen Erzeugnissen der Wiener Konditoreien. Die Tortenblätter aus Mandel- oder Haselnussmasse werden nach den ältesten Rezepten mit einer Creme aus Schlagobers, Weinchaudeau, aromatisiert mit Rum und Maraschino, gefüllt. Heute ist eine Kirschwasser-Buttercreme üblich. Das Charakteristikum ist eine weiße Fondantglasur mit dünnen, fischgrätähnlichen Schokoladelinien und halben kandierten Kirschen als Verzierung [Esterhazy. Kulinarik]. Группы должны были дополнить исходную информацию таким образом,

чтобы в ней были учтены вербальные и невербальные аспекты, необходимые для дальнейшего конструктивного общения. Каждая группа представляла результаты поиска в виде ролевой игры; предусматривались задания проблемного характера, которые должны были вывести «соперников» на интерпретацию реалий поисковой группы. Были представлены названные в честь династии миндально-шоколадный торт, мороженое, гуляш, жаркое.

Результаты апробации тренинга на 3-м курсе немецко-английского отделения факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева демонстрируют признаки освоения будущими учителями иностранного языка основ языковых и культурных контактов во всех структурообразующих компонентах: макроконтекстные компоненты (повышение мотивации к профессиональной деятельности); микроконтекстные компоненты (готовность к деятельности в зависимости от коммуникативной ситуации); социально и институционально маркированные компоненты (овладение коммуникативной этикой, способность к эмпатии).

Заключение. Применение разработанного авторами статьи тренинга позволяет развивать навыки конструктивного общения будущего учителя иностранного языка в сфере межкультурной коммуникации через организацию коммуникативного взаимодействия в ситуативно-тематических диалогах (подготовительно-речевой этап); выявление проблемных зон будущего общения и выполнение заданий поискового характера (подготовительно-аналитический этап); имитацию ситуаций, включающих знание культурологических особенностей изучаемого языка и культуры (проблемно-практический этап); инсценизацию языковых и культурных контактов в ролевых ситуациях (творческий этап).

Библиографический список

1. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание в кросс-культурном консультировании: теория и практика // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 39–47.
2. Бароненко Е.А., Райхсвик Ю.А., Скоробренко И.А. Опыт организации межкультурного тренинга в образовательном пространстве вуза // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 3. С. 20–39. DOI: 10.25588/CSPU.2019.94.94.002

3. Беляев А.А., Беляева И.В. Прагматические аспекты языка в обучении иностранному языку // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. № 1–2. С. 17–22. DOI: 10.37882 /2233-2982.2021.01-2.04
4. Билан О.А., Зайцева Е.В., Гурьянова Т.Ю. К вопросу о конструктивном общении в образовательном процессе // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79 (1). С. 55–57.
5. Горностай Т.Л. Введение в педагогическую профессию: учеб.-метод. пособие / Мин-во образования Республики Беларусь, Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина. Брест: БрГУ, 2021. 170 с.
6. Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
7. Долгополова А.Ф., Жукова В.А., Гавриленко Е.Н. Роль практико-ориентированного подхода в современной дидактике вуза // Современное образование. 2018. № 4. С. 150–159. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.4.27480
8. Кислякова Е.Ю. Реализация категории инакости в коммуникативных стратегиях и тактиках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. № 1. С. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17
9. Копцева Н.П., Смолина М.Г., Резникова К.В., Разумовская В.А. Анализ современных образовательных технологий формирования национально-культурных идентичностей студентов через представление о множественности эстетических картин мира // Science for Education Today. 2019. Т. 9, № 4. С. 247–259. DOI: 10.15293/2658-6762.1904.15
10. Куликова Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 268 с.
11. Михеева С.В. Препятствия на пути конструктивного общения и способы их преодоления // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 35–37.
12. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.
13. Тигунцева Г.Н. Генезис психологического знания о феномене установления контакта и его использования в преодолении коммуникативных деструкций // Вестник ИрГТУ. 2014. № 12 (95). С. 362–369.
14. Чам М.Ф., Минакова Л.Ю. Межкультурный коммуникативный тренинг и его роль в формировании межкультурной компетенции обучающихся иностранному языку // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 208–219. DOI: 10.17223/15617793/476/23
15. Янова М.Г., Вершкова Н.Д. Модель формирования готовности будущего бакалавра – лингвиста-переводчика к профессиональной деятельности в предметной сфере // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2019. № 4 (50). С. 107–114. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-50-4-167
16. Cafe Sacher Wien. URL: <https://www.sacher.com/de/restaurants/cafe-sacher-wien> (дата обращения: 01.09.2023).
17. Cooke A. Belief and knowledge construction among modern foreign language teacher trainees // The Language Learning Journal. 2019. No. 49 (6). P. 725–739. DOI: 10.1080/09571736.2019.1666909
18. Erl A., Gymnich M. Interkulturelle Kompetenzen. Stuttgart: Klett Learntrainig Verlag, 2015. 180 p.
19. Esterhazy. Kulinarik. URL: [https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/Esterházy_\(Kulinarik\)](https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/Esterházy_(Kulinarik)) (дата обращения: 01.09.2023).
20. Földes C. Das Beziehungsgeflecht zwischen Sprache und Kultur. Forschungsrückblick, Zugänge und Beschreibungstendenzen // Glottology. International Journal of Theoretical Linguistics. 2021. No. 12 (1). S. 9–46.

21. Hoffmann J., Mastellotto L. Erzählen in mehrsprachigen und interkulturellen Kontexten. Eine Einführung // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2023. No. 28 (1). S. 1–17.
22. Josephbrot. URL: <https://gf-d.ru/partners/josephbrot.html> (дата обращения: 01.09.2023).
23. Marillenpalatschinken. URL: <https://www.genussfreak.de/marillenpalatschinken> (дата обращения: 01.09.2023).
24. Nazarkiewicz K. Kulturreflexivität statt Interkulturalität? // Intercultural Journal. 2016. Vol. 15, No. 26. P. 23–31.
25. Nuisl E., Przybylska E. Kultur aneignen. Vom Erlernen kultureller Identität. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2017. 244 p.
26. Sursock A. European higher education: Looking back, looking forward // International Higher Education. 2021. Vol. 107. P. 24–25. DOI: <https://doi.org/10.36197/IHE.2021.107.11>
27. Wiener Kaffeespezialitäten. URL: <https://www.timetravel-vienna.at/die-wiener-kaffeespezialitaeten/> (дата обращения: 01.09.2023).
28. Winkler S. Sprache fängt im Kopf an. Eine psycholinguistische Perspektive des Faches Deutsch // Y. Danilovich & G. Putjata (Hgg.): Sprachliche Vielfalt im Unterricht. Fachdidaktische Perspektiven auf Lehre und Forschung im DaZ-Modul. Wiesbaden: Springer, 2019. S. 33–46.

DEVELOPMENT OF CONSTRUCTIVE INTERCULTURAL COMMUNICATION SKILLS AMONG FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS

I.A. Mayer (Krasnoyarsk, Russia)

I.P. Selezneva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The interactional model of intercultural communication implies the implementation by communicants of contacts in the field of intercultural communication, the problem of the formation and development of which remains poorly understood both in Russian and foreign methodological theory and practice. The authors of the article offer their own definition of the scientific concept of 'language and cultural contacts': interactional communicative interaction of subjects, taking into account the socio-cultural conditions of the situation, ensuring mutual understanding and, as a result, consistency in the actions of contacting persons at the linguistic (speech) and ethno-cultural levels. The article deals with the structure-forming components and descriptors of this concept.

The purpose of the article is to reveal the concept of 'language and cultural contacts' derived by the authors through the definition of its structure-forming components in the process of comparative interdisciplinary analysis and to present a description of the training to develop the skills of constructive intercultural communication of a future foreign language teacher.

The research methodology is based on the concept of teaching the use of contact as a means of overcoming communicative destruction in building constructive intercultural communication (G.N. Tiguntseva, O.A. Bilan, N.P. Koptseva, M.G. Smolina, K.V. Reznikova, V. A. Razumovskaya, S. Winkler); theoretical and methodological foundations of the organization of teaching a foreign language with the predominant use of pragmatic aspects (A.A. Belyaeva, I.V. Belyaeva, A.F. Dolgopolova, V.A. Zhukova, E.N. Gavrilenko, A. Cooke); practice-oriented technologies for the implementation of communication strategies and practices, including those that implement the process of constructive intercultural communication (E.A. Baronenko, T.L. Gornostai, E.Yu. Kislyakova, J. Hoffmann, C. Földes).

Research results. An interdisciplinary comparative analysis of the concept field 'contact' made it possible to derive the authors' definition of the concept of 'language and cultural contacts' in relation to the context of training a future teacher of a foreign language. Training for the development of constructive intercultural communication skills of a future foreign language teacher, developed by the authors of the study, includes preparatory-speech, problem-practical, preparatory-analytical and creative stages; testing of the training demonstrates its effectiveness.

Conclusion. The use of intercultural training for the development of constructive communication skills contributes to the formation of the student's ability for linguistic and cultural contacts, which has been proven in the course of working with texts of linguo-cultural discourse during the phased implementation of the training in practical classes in the German language at the university.

Keywords: *intercultural communication, constructive communication, language and cultural skills, linguistic and cultural discourse, foreign language education.*

Mayer, Inna A. – PhD (Education), Associate Professor, Department of Germano-Romanic Philology and Foreign Languages Teaching, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9440-1897>; ResearcherID: Q-6637-2018; SPIN-код: 8135-2546; Author ID: 373848; e-mail: inna.maier@mail.ru

Selezneva, Irina P. – PhD (Education), Associate Professor, Department of Germano-Romanic Philology and Foreign Languages Teaching, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1590-9482>; Researcher ID: O-9894-2018; SPIN-код: 4956-8310; Author ID: 432114; e-mail: mixculture@mail.ru

---

References

1. Arpenteva M.R. Mutual understanding in cross-cultural counseling: Theory and practice // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost (Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity). 2017. No. 4. P. 39–47.
2. Baronenko E.A., Reikhsvik A., Skorobrenko I.A. Experience of the intercultural training organization in the university educational space // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (South-Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin). 2019. No. 3. P. 20–39. DOI: 10.25588/CSPU.2019.94.94.002

3. Belyaev A.A., Belyaeva I.V. Pragmatic aspects of language in foreign language teaching // *Sovremennaya nauka: Aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki (Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities)*. 2021. No. 1–2. P. 17–22. DOI: 10.37882 /2233-2982.2021.01-2.04
4. Bilan O.A., Zajzeva E.V., Gurjanova T.Ju. To the issue of constructive communication in the educational process // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education)*. 2023. No. 79 (1). P. 55–57.
5. Gornostay T.L. Introduction to the teaching profession: an educational and methodical manual. Ministry of Education of the Republic of Belarus, Brest State University named after A. S. Pushkin. Brest: BrSU, 2021. 170 p.
6. Guzikova M.O., Fofanova P.Ju. Foundations of the theory of intercultural communication: textbook. Ekaterinburg: Ural University, 2015. 124 p.
7. Dolgopolova A.F., Zhukova V.A., Gavrilenko E.N. The role of practice-oriented approach in contemporary didactics of higher educational institution // *Sovremennoe obrazovanie (Modern Education)*. 2018. No. 4. P. 150–159. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.4.27480
8. Kislyakova E.Ju. The category of alterity via communicative strategies and tactics // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Linguistika (Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics)*. 2018. No. 1. P. 8–17. DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-8-17
9. Koptseva N.P., Smolina M.G., Reznikova K.V., Razumovskaya V.A. Analysis of modern educational technologies for developing students' national and cultural identities through studying diverse aesthetic pictures of the world // *Science for Education Today*. 2019. Vol. 9, No. 4. P. 247–259. DOI: 10.15293/2658-6762.1904.15
10. Kulikova L.V. Communication. Style. Interculture: Pragmalinguistic and cultural-anthropological approaches to intercultural communication: A study guide. Krasnoyarsk: SFU, 2011. 268 p.
11. Mikheeva S.V. Obstacles on the way to constructive communication and ways to overcome them // *Mir nauki, kultury, obrazovaniya (The World of Science, Culture and Education)*. 2022. No. 5 (96). P. 35–37.
12. Psychology of communication: encyclopedic dictionary / Ed. by A.A. Bodalev. Moscow: Kogito-Tsentr, 2011. 600 p.
13. Tiguntseva G.N. The genesis of psychological knowledge about the phenomenon of establishing contact and its use in overcoming communicative destructions // *Vestnik IrGTU (Bulletin of Irkutsk State Technical University)*. 2014. No. 12 (95). P. 362–369.
14. Cham M.F., Minakova L.Ju. Intercultural communications training and its role in the formation of cross-cultural competence of foreign language learners // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)*. 2022. No. 476. P. 208–219. DOI: 10.17223/15617793/476/23
15. Yanova M.G., Vershkova N.D. Formation of a future linguist-translator's willingness for professional activity in a subject area // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev)*. 2019. No. 4 (50). P. 107–114. DOI: 10.25146/1995-0861-2019-50-4-167
16. Cafe Sacher Wien. URL: <https://www.sacher.com/de/restaurants/cafe-sacher-wien> (access date: 01.09.2023).
17. Cooke A. Belief and knowledge construction among modern foreign language teacher trainees // *The Language Learning Journal*. 2019. No. 49 (6). P. 725–739. DOI: 10.1080/09571736.2019.1666909
18. Erl A., Gymnich M. Interkulturelle Kompetenzen. Stuttgart: Klett Lerntraining Verlag, 2015. 180 p.
19. Esterhazy. Kulinarik. URL: [https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/Esterházy_\(Kulinarik\)](https://www.geschichtewiki.wien.gv.at/Esterházy_(Kulinarik)) (access date: 01.09.2023).

20. Földes C. Das Beziehungsgeflecht zwischen Sprache und Kultur. Forschungsrückblick, Zugänge und Beschreibungstendenzen // Glottotheory. International Journal of Theoretical Linguistics. 2021. No. 12 (1). S. 9–46.
21. Hoffmann J., Mastellotto L. Erzählen in mehrsprachigen und interkulturellen Kontexten. Eine Einführung // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2023. 28 (1). S. 1–17.
22. Josephbrot. URL: <https://gf-d.ru/partners/josephbrot.html> (access date: 01.09.2023).
23. Marillenpalatschinken. URL: <https://www.genussfreak.de/marillenpalatschinken> (access date: 01.09.2023).
24. Nazarkiewicz K. Kulturreflexivität statt Interkulturalität? // Intercultural Journal. 2016. Vol. 15, No. 26. P. 23–31.
25. Nuisl E., Przybylska E. Kultur aneignen. Vom Erlernen kultureller Identität. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2017. 244 p.
26. Sursock A. European higher education: Looking back, looking forward // International Higher Education. 2021. Vol. 107. P. 24–25. DOI: <https://doi.org/10.36197/IHE.2021.107.11>
27. Wiener Kaffeespezialitäten. URL: <https://www.timetravel-vienna.at/die-wiener-kaffeespezialitaeten/> (access date: 01.09.2023).
28. Winkler S. Sprache fängt im Kopf an. Eine psycholinguistische Perspektive des Faches Deutsch // Y. Danilovich & G. Putjata (Hgg.): Sprachliche Vielfalt im Unterricht. Fachdidaktische Perspektiven auf Lehre und Forschung im DaZ-Modul. Wiesbaden: Springer, 2019. S. 33–46.

УДК 372.013.77

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ИНТЕРЕСА ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Л.В. Синдеева (Красноярск, Россия)

О.В. Енуленко (Красноярск, Россия)

Е.В. Романова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Анализируя опыт работы со студентами, не владеющими или слабо владеющими русским языком, мы выявили ряд трудностей, с которыми сталкиваются все участники образовательного процесса. Трудности связаны с особенностями произношения, разницей в уровнях владения английским языком, культурологическими особенностями билингвальных обучающихся и т.п. *Цель* статьи заключается в том, чтобы на основе изучения и анализа психолого-педагогической, медицинской, методической литературы, опыта собственной работы выявить особенности обучения и развития познавательного интереса к дисциплинам, преподаваемым на кафедре гистологии, цитологии, эмбриологии Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого (КрасГМУ) иностранным студентам на английском языке; рассмотреть билингвальное обучение как путь преподавательской деятельности в медицинском университете в современных условиях резкого увеличения в образовательных организациях высшего образования России иностранных граждан.

Методология (материалы и методы) исследования основывается на базовых положениях теории и практики развития познавательного интереса:

– идеях С.Л. Рубинштейна, Л.А. Гордона, М.Ф. Беляева, которые определили интерес как направленность («эмоциональную», «эмоционально-волевою»);

– теориях, делающих упор на отношениях между личностью и действительностью (В.Г. Иванов, В.Б. Бондаревский);

– трудах исследователей, которые рассматривают интерес как мотив учения (Н.Г. Морозова, Г.И. Щукина, Л.И. Божович, Н.М. Верзилин, Д.И. Трайтак).

В качестве рабочего взято определение понятия «познавательный интерес», данное Д.И. Трайтаком: «познавательный интерес – это эмоционально-волевая направленность сознания учащегося на постоянное стремление к активному овладению учебным предметом» [Трайтак, 2002].

Результаты исследования показали, что использование множества путей в развитии познавательного интереса обеспечивает эффективность процесса формирования умений и навыков у иностранных студентов в процессе обучения в медицинском университете. Преподаватели кафедры гистологии, цитологии, эмбриологии КрасГМУ применяют особый подход к обучению билингвальных обучающихся с использованием языка-посредника (английский язык).

Заключение. Анализ преподавательской деятельности и изученной литературы показывает, что эффективность билингвального обучения, формирования знаний, умений, навыков и компетенций у англоязычных студентов в процессе изучения дисциплин на кафедре гистологии, цитологии, эмбриологии в медицинском вузе обеспечивается развитием и ростом познавательного интереса, творческим подходом к обучению. Работу в данном направлении необходимо продолжать.

Ключевые слова: иностранные студенты, билингвальные студенты, медицинский университет, трудности преподавания на языке-посреднике в медицинском вузе, язык-посредник (английский язык), познавательный интерес, творческий подход в обучении.

Синдеева Людмила Викторовна – доктор медицинских наук, заведующая кафедрой гистологии, цитологии и эмбриологии, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: lsind@mail.ru

Енуленко Ольга Вениаминовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры гистологии, цитологии и эмбриологии, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail enolga@mail.ru

Романова Елена Валерьевна – ассистент кафедры гистологии, цитологии и эмбриологии, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: rom69@internet.ru

Постановка проблемы. В КрасГМУ в течение ряда лет выявляется тенденция к увеличению числа иностранных студентов и, следовательно, увеличению доли образовательного процесса, реализуемого на иностранном языке. «Ииноязычное образование» реализуется согласно ФГОС ВО, приказ Минобрнауки России № 988, № 984, п. 1.8. На кафедре гистологии, цитологии, эмбриологии обучение иностранных студентов, не владеющих или слабо владеющих русским языком, осуществляется с 2020 г. При обучении таких студентов преподавателями используется язык-посредник – английский язык, который является инструментом для преодоления коммуникативных трудностей, возникающих у иностранных студентов, и развития у них познавательного интереса к преподаваемым дисциплинам.

Цель статьи – на основе изучения и анализа психолого-педагогической, медицинской, методической литературы, опыта собственной работы выявить особенности обучения иностранных студентов медицинского вуза и развития у них познавательного интереса к дисциплинам, преподаваемым на кафедре гистологии, цитологии, эмбриологии КрасГМУ. Рассмотреть билингвальное обучение как путь преподавательской деятельности в медицинском университете в современных условиях резкого увеличения в образовательных организациях высшего образования России иностранных граждан.

Методология. На основе анализа психолого-педагогической, медицинской, методической литературы и обобщения своего практического опыта преподавания дисциплин «Гистология, эмбриология, цитология», «Гистология, эмбриология, цитология – гистология полости рта» иностранным студентам на английском языке были определены, обоснованы и реализованы методы и приемы преподавательской деятельности, направленные на формирование познавательного интереса у билингвальных студентов.

В работе мы опирались на теорию познавательного интереса, авторы которой (С.Л. Рубинштейн, Л.А. Гордон, М.Ф. Беляев) рассматривают интерес как «эмоциональную», «эмоционально-волевую» направленность. Ряд авторов

(В.Г. Иванов, В.Б. Бондаревский) делают упор на отношениях между личностью и действительностью. Такие исследователи, как Н.Г. Морозова, Г.И. Щукина, Л.И. Божович, Н.М. Верзилин, Д.И. Трайтак, рассматривают интерес как мотив учения. В качестве рабочего мы взяли определение понятия «познавательный интерес», данное Д.И. Трайтаком: «познавательный интерес – это эмоционально-волевая направленность сознания учащегося на постоянное стремление к активному овладению учебным предметом» [Трайтак, 2002].

Обзор научной литературы позволяет констатировать многообразие путей формирования и развития познавательного интереса у обучающихся. Большое значение имеют организация разнообразных форм и видов учебного, информативного и занимательного материала по преподаваемой дисциплине, применение разнообразных методов обучения. Проведение групповой внеучебной работы развивает познавательный интерес, повышает уровень знаний и умений студентов в процессе получения высшего образования. Все вышеизложенное справедливо для иностранных студентов, обучающихся в медицинских вузах [Ременцов, Кожевникова, 2013; Плотникова и др., 2017].

Для билингвальных студентов, не владеющих русским языком, эту задачу нужно решать на английском языке – языке-посреднике [Алексеева и др., 2012; Лященко и др., 2015; Gavrilyuk et al., 2019]. Такие студенты, обучающиеся в КрасГМУ на английском языке, являются, как правило, выходцами из арабских и африканских стран, Индии.

В процессе обучения и внеучебного общения с англоязычными студентами преподавателями университета были отмечены следующие трудности:

– студенты, представители разных национальностей, говорят на английском языке с разными акцентами, связанными с особенностями их родного языка, в то время как российские преподаватели говорят на английском языке в британском и американском вариантах;

– разный уровень знания английского языка у студентов и у преподавателей затрудняет процесс обучения.

Необходимость понять и приспособиться к особенностям речи как преподавателям, так и студентам приводит к некоторой потере времени на занятиях. Задержки и трудности перевода приводят к снижению темпа, скорости, ритма преподавания, а также порой к рассеянности внимания и потере интереса студентами. Наблюдается утомление студентов от обилия новых научных терминов. Наши наблюдения подтвердили данные ряда исследователей о том, что некоторые студенты прибегают к двойному переводу – просят произнести новое понятие на русском языке, переводят его на родной язык с помощью онлайн-переводчика и затем переводят на английский язык [Марковина, Ширинян, 2012; Логинов и др., 2017; Loewen, Sato, 2018; Аниськина, 2020].

Результативность и эффективность обучения зависят от разных факторов: от уровня владения студентами информационными умениями, навыками и компетенциями, сформированными у них еще в школьные годы; а также от их умения применять разработанные комплексы учебных заданий для занятий по гистологии на языке-посреднике уже в вузе.

Для самостоятельной подготовки к практическим занятиям билингвальные студенты получают в библиотеке КрасГМУ печатный учебник «Гистология в кратком изложении» на английском языке (авторы В.И. Ноздрин, Т.А. Белоусова, Г.А. Пьявченко, Ю.Т. Волков). Кроме этого, преподавателями кафедры создана методическая база, в которую входят видеолекции, прочитанные преподавателями по изучаемым дисциплинам на английском языке; контрольные тесты с вариантами ответов; методические пособия для аудиторных и внеаудиторных занятий; другие электронные издания, указанные в рабочих программах дисциплин. Студенты имеют к ним свободный доступ через личные кабинеты на сайте КрасГМУ или при необходимости могут прослушивать и просматривать лекции в библиотеке вуза [Михайловская и др., 2019].

При подготовке к практическим занятиям и лекциям преподаватели пользуются библиотечными ресурсами, учебными изданиями, в том числе и на языке-посреднике, как печатными, так

и электронными, войдя в электронную библиотеку КрасГМУ или используя сетевые ресурсы [Дунаева, Ветчинова, 2014; Логинов и др., 2017; Tleugaliyeva, Tenniitassova, 2020, Yakubova, 2021].

В настоящее время разрабатывается комплекс учебных заданий, направленных на формирование, углубление и закрепление знаний, умений и навыков студентов по изучаемым дисциплинам в виде рабочих тетрадей и ситуационных задач на языке-посреднике.

Результаты исследования. Медицинский английский язык является весьма сложным. В связи с приведенными выше трудностями в образовательном процессе выполнение поставленных задач требует применения преподавателями специальных методов и приемов. Понимая, вслед за исследователями [Садовская, 2007; Loewen, Sato, 2018], термин «метод обучения» «и как путь, и как способ познания», для достижения целей и задач обучения студентов на занятиях по гистологии применяем различные методы обучения: активного, интерактивного и проблемного обучения, диспуты и дискуссии, организационно-деятельностные и деловые игры, индивидуальные, групповые и коллективные задания, ориентированные на формирование у обучающихся компетенций.

Например, на практических занятиях преподаватель ставит следующие задачи:

- расширить словарный запас билингвальных студентов новыми специальными терминами, понятиями, относящимися к области знаний изучаемой дисциплины;
- сформировать у студентов компетенции, связанные с учебным, научным материалом и оборудованием, таким как микроскоп, гистологические препараты;
- развить у студентов способности анализировать изучаемый учебный материал;
- отработать навыки работы с оригинальной научной литературой по дисциплине;
- оценить уровень усвоения теоретического и практического материала;
- развить умения применять теоретические знания в группе и индивидуально;
- предъявить практические навыки при работе с гистологическими препаратами.

О необходимости и сложностях такой работы пишут наши коллеги: «Одни прекрасно говорят – другим приходится на занятиях постигать знания и гистологии, и английского языка» [Журавлева и др., 2009; Гаврилюк и др., 2018; Gavrilyuk et al., 2019].

Чаще всего в процессе преподавания используются общеизвестные аудиовизуальные методы обучения, которые заключаются в одновременном объяснении и демонстрации, в нашем случае гистологических препаратов. Студентам представляются презентации по изучаемым темам с комментариями преподавателя, но, как уже отмечалось, учитывая лингвистические особенности преподавателей и студентов, для англоговорящих студентов это не всегда достаточно эффективно. Поэтому преподаватели дополнительно используют большое количество наглядных пособий, моделей: тканей (например, поперечно-полосатую скелетную мышечную ткань), органов (например, почки), процессов (например, эмбриогенез – гастрюляция). Таким образом, визуальные и кинестетические методы обучения становятся основными на этапе ознакомления с новым материалом, что позволяет поддерживать внимание и интерес билингвальных студентов [Льченко и др., 2017; Аниськина, 2020].

Иногда в содержание занятия на разных этапах включается занимательная информация, если она направлена на раскрытие вопросов учебной программы: на вводных этапах – для удержания любопытства и развития любознательности англоязычных студентов, а на этапе контроля знаний – для повышения их сосредоточенности. В формировании познавательного интереса большую роль играют вопросы-проблемы, вопросы-задачи, вопросы-сравнения [Гордон, 1941; Трайтак, 2002; Privtorak, Fedzhaga, 2011]. Приведем здесь некоторые виды вопросов, применяемых нами на практических занятиях.

Вопросы-проблемы, как правило, задаются преподавателем для всей группы обучающихся. Вопрос-проблема включает элементы противоречий, что вызывает у студентов стремление высказать свои суждения, предположения. Например: «В стационар поступил пациент с множественными травмами нижней части туловища.

Среди описываемых есть повреждения стенки мочевого пузыря и мышц нижних конечностей. В каком из приведенных органов восстановление мышечной ткани произойдет быстрее? Обсудите свой ответ».

Включенный элемент противоречий позволяет выявить степень усвоения учебного материала, в данном случае умение определить локализацию видов мышечной ткани в организме человека и способы ее регенерации.

Вопросы-сравнения наиболее распространены в учебном процессе. Их задают с целью обозначения отличительных признаков. Например: «В чем сходство и отличие макрофага и нейтрофила?». Вопросы-сравнения позволяют студентам самостоятельно выделить критерии сравнения, что показывает широту кругозора по изучаемой теме, а правильность ответа – уровень знаний.

Вопросы-задачи (ситуационные задачи), с одной стороны, являются наиболее сложными для решения и раскрытия темы, с другой – больше способствуют развитию интереса студентов. При решении этих задач студенты учатся применять материал учебника, методических пособий, лекций, презентаций, используемых на занятии, весь комплекс методов, использованных и рекомендованных преподавателем, чтобы прийти к правильному умозаключению. Например: «В одном из препаратов определяется терминальное нервное волокно в окружении коллагеновых волокон, в другом – ветвление нервное волокно.

1. Какие типы рецепторов представлены в описании препарата?
2. Приведите примеры этих рецепторов.
3. Укажите локализацию этих рецепторов.
4. На какие виды воздействия окружающей среды реагируют эти рецепторы?».

При решении подобных вопросов-задач включается элемент поиска, анализа и синтеза знаний, умений и навыков, приобретенных обучающимся при изучении всей темы, а иногда и нескольких изученных тем.

Описанные методы и приемы обучения позволяют преподавателю организовать систему отношений в коллективе одноклассников, создать условия для индивидуального самовыра-

жения каждого обучающегося и осуществить работу по разностороннему развитию личности каждого студента.

На развитие познавательного интереса обучающихся билингвальных студентов большое влияние оказывают внеучебная работа по дисциплине и совместные мероприятия, организованные разными кафедрами.

Примером такого мероприятия может быть проведение морфологической олимпиады, организованной сотрудниками смежных кафедр, например, анатомии человека и гистологии, цитологии, эмбриологии. Сформированный познавательный интерес делает знания студента расширенными, глубокими и помогает лучше разбираться и понимать предмет.

Заключение. Применяя приведенные выше методы и приемы обучения иностранных студентов, говорящих на английском языке, мы получили следующие результаты сессии в 2021–2022 учебном году:

– лечебный факультет – 16 % студентов сдали экзамен на «отлично»; 40 % – «хорошо»; 32 % – «удовлетворительно»; «неудовлетворительно» – 12 %.

– стоматологический факультет – 22 % студентов получили оценку «отлично»; 9 % – «хорошо»; 61 % – «удовлетворительно»; 8 % студентов не явились на экзамен.

В 2022–2023 гг. статистика несколько изменилась: количество обучающихся по специальности «лечебное дело», сдавших экзамен на «отлично», выросло до 22 %, «хорошо» – до 50 %, на «удовлетворительно» сдали экзамен 12 % студентов, не сдали экзамен 11 %. Остальные составляют процент неявившихся на экзамен студентов.

Обучающиеся стоматологического факультета получили на экзамене следующие оценки: «отлично» – 0 %, «хорошо» – 16 %, «удовлетворительно» – 74%, «неудовлетворительно» – 10 %.

Два года обучения не позволяют говорить о постоянном улучшении качества, тем не менее констатируем увеличение процента оценок «отлично» и «хорошо», полученных обучающимися по специальности «лечебное дело». Увеличился процент обучающихся стоматологического факультета, получивших оценки «хорошо» и «удовлетворительно».

Библиографический список

1. Алексеева Н.Т., Анохина Ж.А., Кварацхелия А.Г., Фетисов С.О. Опыт преподавания анатомии человека иностранным студентам на английском языке // Инновационные технологии в преподавании морфологических дисциплин. Уфа: Изд-во БГМУ Минздравсоцразвития России, 2012. Вып. 1. С. 5–7.
2. Аниськина А.П. Особенности применения информационных задач при обучении биологии иностранных студентов медицинских вузов // Инновации в естественнонаучном образовании: XII Всерос. (с междунар. участием) науч.-метод. конф. Красноярск, 29 октября 2020 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. И.Б. Чмил; ред. кол. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2020. С. 7–11.
3. Арсеньев Д.Г., Зинковский А.В., Иванова М.А. Социально-психологические и физиологические проблемы адаптации иностранных студентов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 160 с.
4. Гаврилюк О.А., Марковина И.Ю., Митрофанова К.А. Роль и задачи языковой подготовки в контексте модернизации высшего медицинского образования в России // Медицинское образование и вузовская наука. 2018. № 2 (12). С. 82–86.
5. Гордон Л.А. Психологические основы воспитания интересов у школьников. Киев: Радянська школа, 1941. 114 с.
6. Дунаева А.С., Ветчинова М.Н. Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования // Язык и культура. 2014. № 3. С. 138–145.
7. Журавлева Л.В., Янкевич А.А., Федоров В.А., Бобронникова Л.Р. Опыт преподавания на английском языке по тематике внутренней медицины иностранным студентам: трудности процесса

- обучения и пути их преодоления // Вісник Української медичної стоматологічної академії. 2009. Т. 9, вып. 4. С. 238–241.
8. Лазутина Г.С., Шаршкова С.В. Особенности преподавания анатомии иностранным студентам // Журнал анатомии и гистологии. 2017 (приложение). С. 26.
  9. Логинов П.В., Кириллов Т.С., Белявский Л.Н. Об интерференции родного и иностранного языков в условиях преподавания специальных дисциплин иностранным студентам медвузов // Международный журнал экспериментального образования. 2017. Т. 6. С. 52–56.
  10. Лященко Д.Н., Железнов Л.М., Шаликова Л.О., Гадильшина И.Р., Попова Ю.В. Особенности преподавания анатомии человека на английском языке // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–27. С. 6093–6095.
  11. Марковина И.Ю., Ширинян М.В. Иностранный язык в неязыковом вузе на постдипломном этапе обучения: потребности и перспективы (на примере медицинских вузов) // Вестник Московского государственного университета. 2012. Вып. 12 (645). С. 54–61.
  12. Михайловская Л.В., Владимирский В.Е., Вологжанина Л.Г., Владимирский Е.В. Особенности учебного процесса для иностранных студентов в медицинском вузе // Материалы международной школы-семинара «Экспорт образовательных услуг. Особенности организации обучения иностранных студентов в медицинских вузах». Целле (Германия); Пермь. 2019. С. 135–137.
  13. Плотникова Н.А., Паршин А.А., Рыбаков А.Г. Опыт преподавания дисциплин анатомия и патологическая анатомия на английском языке: межрег. науч.-практ. конф., посвященная 50-летию образования медицинского института и кафедры нормальной анатомии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева // Морфологические ведомости. 2017. Т. 25, № 2. С. 74–75.
  14. Ременцов М.Н., Кожевникова М.Н. Методологические основы проектирования системы обучения иностранных граждан в российской высшей школе // Вестник МГАУ. 2013. № 4. С. 7–10.
  15. Садовская И.Л. Методы обучения: новая концепция // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2007. № 1 (4). С. 56–61.
  16. Сгибнева Н.В., Кварацхелия А.Г., Гундарева О.П., Маслов Н.В., Карандеева А.М. Особенности адаптации иностранных студентов в высшей медицинской школе // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология. 2016. № 2 (25). С. 60–64.
  17. Трайтак Д.И. Проблемы методики обучения биологии. М.: Мнемозина, 2002. 304 с.
  18. Gavrilyuk O.A., Markovina I.Yu., McFarland J. Internationalisation of advanced training for teachers of medical English // Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. Vol. 7, No. 3. P. 349–357. URL: <http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/article/view/905>
  19. Gavrilyuk O.A., Mitrofanova K.A., Penkova E.A., Kulikov S.N., Nikolaeva T.V. Pedagogical foundations of informal education of medical university teachers // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 76. P. 1033–1038. DOI: [org/10.15405/epsbs.2019.12.04.138](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.138). URL: <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/SC>
  20. Ильченко С.И., Мишина Н.В., Ефанова А.О. Стан домінуючих мотивів навчання студентів на кафедрі пропедевтики педіатрії // Здоров'я дитини. 2017. Т. 12, No. 2. С. 188–192.
  21. Loewen R.S., Sato M. Interaction and instructed second language acquisition // Language Teaching. 2018. No. 51 (3). P. 285–329. DOI: [10.1017/S0261444818000125](https://doi.org/10.1017/S0261444818000125)
  22. Pivtorak K.V., Fedzhaga I.V. The formation of medical students' personality and motivation for learning // Medychna osvita. 2011. Is. 4. P. 28–31. DOI: [org/10.11603/me.vOi.1062](https://doi.org/10.11603/me.vOi.1062)
  23. Rakhmonova D.S. Pedagogical creativity as a factor of student development // Web of Scientist. 2021. No. 5 (3). P. 729–736. DOI: [10.17605/P2D98](https://doi.org/10.17605/P2D98)
  24. Tleugaliyeva A., Temirtassova A. Features of teaching foreign languages using interactive forms and teaching methods // Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University. 2020. Is. 56 (1). P. 35–41. URL: <https://articlekz.com/en/article/32541>
  25. Yakubova B.B. Independent work of students through the internet pedagogical conditions of organization // Web of Scientist. 2021. Vol. 2, No. 5 (3). P. 811–816. DOI: [10.17605/OSF.IO/V86JQ](https://doi.org/10.17605/OSF.IO/V86JQ)

DEVELOPMENT OF COGNITIVE INTEREST AMONG FOREIGN MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONDITIONS OF BILINGUAL EDUCATION

L.V. Sindeeva (Krasnoyarsk, Russia)

O.V. Enulenko (Krasnoyarsk, Russia)

E.V. Romanova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Analyzing the experience of working with students who do not speak or have poor knowledge of the Russian language, we have identified a number of difficulties faced by all participants in the educational process. Difficulties are associated with pronunciation, differences in English proficiency levels, cultural characteristics of bilingual students, etc.

The purpose of the article is to identify the features of training and development of cognitive interest in the disciplines taught at the Department of Histology, Cytology, Embryology of Krasnoyarsk State Medical University to foreign students in English; consider bilingual education as a way of teaching at a medical university in modern conditions of a sharp increase in foreign citizens in educational institutions of higher education in Russia. All this is based on the study and analysis of psychological-pedagogical, medical, methodological literature, and personal work experience

Methodology of the research is based on the theory and practice of cognitive interest development:

- on ideas by S.L. Rubinstein, L.A. Gordon, M.F. Belyaev, etc., which defined ‘interest’ as an ‘emotional’, ‘emotional and volitional’ orientation;
- on theories focusing on the relationship between personality and reality (V.G. Ivanov, V.B. Bondarevsky etc.);
- on works by researchers who consider interest as a motive for learning (N.G. Morozova, G.I. Shchukina, L.I. Bozhovich, N.M. Verzilin, D.I. Traytak, etc).

We used the working definition of a cognitive interest, given by D.I. Traytak: “Cognitive interest is the emotional and volitional orientation of students’ consciousness to the constant desire for active mastery of a subject” [Traytak, 2002].

Research results. The results of the study showed that the use of a variety of ways in the development of cognitive interest ensures the effectiveness of the process of forming skills and abilities of foreign students in the process of studying at a medical university. Teachers of the Department of Histology, Cytology, and Embryology at the KrasS-MU apply a special approach to teaching bilingual students using an intermediary language (English).

Conclusion. The analysis of teaching activities and the studied literature shows that the effectiveness of bilingual education, the formation of knowledge, skills, and competencies of English-speaking students in the process of studying disciplines at the Department of Histology, Cytology, and Embryology at a medical university is ensured by the development and growth of cognitive interest, a creative approach to learning.

Keywords: *foreign students, bilingual students, medical university, difficulties of teaching in an intermediary language at a medical university, intermediary language (English), cognitive interest, creative approach in teaching.*

Sindeeva, Lyudmila V. – DSc (Medicine), Head of the Department of Histology, Cytology and Embryology, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: lsind@mail.ru

Enulenko, Olga V. – PhD (Biology), Associate Professor, Department of Histology, Cytology and Embryology, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: enolga@mail.ru

Romanova, Elena V. – Assistant, Department of Histology, Cytology and Embryology, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: rom69@internet.ru

---

References

1. Alekseeva N.T., Anokhina Zh.A., Kvaratskhelia A.G., Fetisov S.O. The experience of teaching human anatomy to foreign students in English // *Innovatsionnye tekhnologii v prepodavanii morfoloicheskikh distsiplin (Innovative Technologies in Teaching Morphological Disciplines)*. 2012. Is. 1. 2012. P. 5–7.

2. Aniskina A.P. Features of application of information tasks in training biology to foreign students of medical universities. In: Proceedings of the 12th All-Russian (with international participation) scientific and methodological conference "Innovation in the natural sciences education". Krasnoyarsk, October 29, 2020 / Ed. by I.B. Chmil. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2020. P. 7–11.
3. Arsenyev D.G., Zinkovsky A.V., Ivanova M.A. Socio-psychological and physiological problems of adaptation of foreign students. St. Petersburg: Izdatelstvo SPbGPU, 2003. 160 p.
4. Gavrilyuk O.A., Markovina I.Yu., Mitrofanova K.A. The role and tasks of language training in the context of modernization of higher medical education in Russia // *Meditsinskoe obrazovanie i vuzovskaya nauka* (Medical Education and University Science). 2018. No. 2 (12). P. 82–86.
5. Gordon L.A. Psychological fundamentals of instilling interests in schoolchildren. Kiev: Radyanska shkola. 2019. 114 p.
6. Dunaeva A.S., Vetchinova M.N. Cultural idea of the concept of communicative foreign language education // *Yazyk i kultura* (Language and Culture). 2014. No. 3. P. 138–145.
7. Zhuravleva L.V., Yankevich A.A., Fedorov V.A., Bobronnikova L.R. Experience of teaching in English on the subject of internal medicine to foreign students: difficulties of the learning process and ways to overcome them // *Вісник Української медичної стоматологічної академії* (Bulletin of the Ukrainian Medical Dental Academy). 2009. Vol. 9, is. 4. P. 238–241.
8. Lazutina G.S., Sharshkova S.V. Features of teaching anatomy to foreign students // *Zhurnal anatomii i gistologii* (Journal of Anatomy and Histology). 2017 (Appendix). P. 26.
9. Loginov P.V., Kirillov T.S., Belyavsky L.N. On the interference of native and foreign languages in the conditions of teaching special disciplines to foreign medical students // *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* (International Journal of Experimental Education). 2017. Vol. 6. P. 52–56.
10. Lyashchenko D.N., Zheleznov L.M., Shalikova L.O., Gadilshina I.R., Popova Yu.V. Features of teaching human anatomy in English // *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental Research). 2015. No. 2–27. P. 6093–6095.
11. Markovina I.Yu., Shirinyan M.V. Foreign language in a non-linguistic university at the postgraduate stage of education: needs and prospects (on the example of medical universities) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Moscow State University). 2012. Is. 12 (645). P. 54–61.
12. Mikhailovskaya L.V., Vladimirsky V.E., Vologzhanina L.G., Vladimirsky E.V. Features of the educational process for foreign students at a medical university. In: Proceedings of the International school-seminar "Export of educational services. Features of organization of training of foreign students in medical universities". Celle (Germany); Perm (Russia), 2019. P. 135–137.
13. Plotnikova N.A., Parshin A.A., Rybakov A.G. Interregional scientific and practical conference "The experience of teaching the disciplines of anatomy and pathological anatomy in English", dedicated to the 50th anniversary of the formation of the Medical Institute and the Department of Normal Anatomy of the Mordovian State University named after N.P. Ogarev // *Morphologicheskie vedomosti* (Morphological News). 2017. Vol. 25, No. 2. P. 74–75.
14. Rementsov M.N., Kozhevnikova M.N. Methodological foundations of designing a system of teaching foreign citizens in the Russian higher school // *Vestnik FGOU VPO "MGOU"* (Bulletin of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "V. P. Goryachkin Moscow State Agro-engineering University"). 2013. No. 4. P. 7–10.
15. Sadovskaya I.L. Teaching methods: a new concept // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva* (Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafyev). 2007. No. 1 (4). P. 56–61.

16. Sgibneva N.V., Kvaratskhelia A.G., Gundareva O.P., Maslov N.V., Karandeeva A.M. Features of adaptation of foreign students in higher medical school // Vector Nauki TGU. Ser.: Pedagogika, psikhologiya (Vector of Science TSU. Series: Pedagogy, Psychology. 2016. No. 2 (25). P. 60–64.
17. Traytak D.I. Problems of methods of biology teaching. Moscow: Mnemozina, 2002. 304 p.
18. Gavriilyuk O.A., Markovina I.Yu., McFarland J. Internationalisation of advanced training for teachers of medical English / Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes. 2019. Vol. 7, No. 3. P. 349–357. URL: <http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/article/view/905>
19. Gavriilyuk O.A., Mitrofanova K.A., Penkova E.A., Kulikov S.N., Nikolaeva T.V. Pedagogical foundations of informal education of medical university teachers / The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. 76. P. 1033–1038. DOI: [org/10.15405/epsbs.2019.12.04.138](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.138); URL: <https://www.futureacademy.org.uk/publication/EpSBS/SC>
20. Ильченко С.И., Мишина Н.В., Ефанова А.О. Стан домінуючих мотивів навчання студентів на кафедрі пропедевтики педіатрії // Здоров'я дитини. 2017. Т. 12, No. 2. С. 188–192.
21. Loewen R.S., Sato M. Interaction and instructed second language acquisition // Language Teaching. 2018. No. 51 (3). P. 285–329. DOI: [10.1017/S0261444818000125](https://doi.org/10.1017/S0261444818000125)
22. Pivtorak K.V., Fedzhaga I.V. The formation of medical students' personality and motivation for learning // Medychna osvita. 2011. Is. 4. P. 28–31. DOI: [org/10.11603/me.vOi.1062](https://doi.org/10.11603/me.vOi.1062)
23. Rakhmonova D.S. Pedagogical creativity as a factor of student development // Web of Scientist. 2021. No. 5 (3). P. 729–736. DOI: [10.17605/P2D98](https://doi.org/10.17605/P2D98)
24. Tleugaliyeva A., Temirtassova A. Features of teaching foreign languages using interactive forms and teaching methods // Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University. 2020. Is. 56 (1). P. 35–41. URL: <https://articlekz.com/en/article/32541>
25. Yakubova B.B. Independent work of students through the internet pedagogical conditions of organization // Web of Scientist. 2021. Vol. 2, No. 5 (3). P. 811–816. DOI: [10.17605/OSF.IO/V86JQ](https://doi.org/10.17605/OSF.IO/V86JQ)

УДК 796.01

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В ВУЗЕ

Д.В. Логинов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В настоящее время со стороны государства отмечено повышенное внимание к физкультурно-оздоровительной деятельности населения в целом и преподавателей вузов в частности. В вузах как учреждениях высшего профессионального образования должна быть организована работа по сохранению и укреплению здоровья не только обучающихся, но и преподавателей, направленная на развитие их функциональных возможностей, совершенствование уровня физической подготовленности и обеспечение психофизической готовности к трудовой деятельности. Вместе с тем следует отметить, что количество преподавателей в вузах, имеющих отклонения в состоянии здоровья, составляет 65–68 % от общего числа, следовательно, их функциональное состояние, уровень физической подготовленности признаются недостаточными (Митина, 2005; Скворцова, 2008). Таким образом, была сформулирована проблема научного исследования: каким именно должно быть содержание спортивно-оздоровительных занятий в физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателя в вузе, какими методиками осуществить этот процесс, какие применять средства и методы. Для достижения поставленной цели необходимо повысить мотивацию к занятиям физическими упражнениями, обеспечить вовлеченность преподавателей в физкультурно-оздоровительное движение для улучшения функционального состояния уровня физической подготовленности, продолжительности жизни и достижения активного творческого долголетия.

Методология исследования представляет анализ и обобщение различных научно-исследовательских работ отечественных ученых, признанных научным сообществом, и опыта осуществления физкультурно-оздоровительной деятельности в сфере высшего образования.

Результаты. Проведенный количественный и качественный анализ результатов экспериментальной работы, сравнительный анализ результатов исследования выявили важность эмоционально-психологического состояния преподавателей при выполнении профессиональных трудовых функций.

Заключение. Результаты педагогического эксперимента показали высокую эффективность спортивно-оздоровительных занятий в физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателя высшей школы. Это позволило улучшить функциональное состояние и морфологические характеристики, повысить физическую и умственную работоспособность, снизить общую заболеваемость ОРЗ, повысить мотивацию к занятиям физическими упражнениями и соблюдению здорового образа жизни.

Ключевые слова: *организация и содержание физкультурно-оздоровительной деятельности, преподаватели вуза, физическая культура, функциональное состояние, морфологические характеристики.*

Логинов Денис Васильевич – старший преподаватель кафедры методики преподавания спортивных дисциплин и национальных видов спорта, КГПУ им. В.П. Астафьева; старший преподаватель кафедры физической культуры и здоровья, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4882-341X>; e-mail: deniska-loginov-1900@mail.ru

Постановка проблемы. Анализ организации физкультурно-оздоровительной деятельности граждан в 2019 г. показывает, что систематически занимаются физической культурой и спортом в общей численности населения 43 % [Корчевский, Токарь, 2020]. Изучение мотивированности преподавателей вуза к занятиям физическими упражнениями, сформиро-

ванности их физической культуры, вовлеченности в физкультурно-оздоровительное движение показало, что большая часть преподавателей высшей школы (более 50 %) не осознают важности сформированной физической культуры для полноценной активной жизнедеятельности, их нельзя отнести к сторонникам двигательной активности, у них нет осознания роли занятий

физическими упражнениями как системного фактора улучшения функционального состояния и повышения уровня физической подготовленности с целью увеличения продолжительности жизни и достижения активного творческого долголетия [Виленский, Соловьев, 2001; Жолоб, Колесников, 2020; Павлова и др., 2014]. Они не готовы посвящать значительную часть свободного времени активным занятиям физической культурой и спортом. Вышесказанное позволило сформулировать *проблему научного исследования*: каким именно должно быть содержание физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателей в вузе, какими методиками осуществить этот процесс, какие применять средства и методы. Для достижения поставленной цели необходимо повысить уровень физической культуры, мотивацию к занятиям физическими упражнениями, обеспечить вовлеченность преподавателей в физкультурно-оздоровительное движение для улучшения функционального состояния и уровня физической подготовленности.

В связи с этим нами разработано содержание физкультурно-оздоровительной деятельности (ФОД) преподавателя вуза [Дворкин, Пузырева, 2021; Лемиш, Мовсесян, 2020]. В содержание ФОД включены:

– дыхательная гимнастика (определенная последовательность дыхательных упражнений) – способствует лечению заболеваний бронхов, легких, укреплению опорно-двигательного аппарата, улучшает общее состояние организма, повышает двигательную активность, улучшает характеристики сна. Упражнения дыхательной гимнастики выполняют по 30 минут в день без особых усилий. При выборе данного вида физических упражнений необходим индивидуально-дифференцированный подход;

– занятия игровыми видами спорта (волейбол и другие виды) – направлены на укрепление и поддержание функций опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы, стимулирование умственной и физической работоспособности преподавателей, совершенствование координационных способностей. В процессе игровых занятий формируется психоло-

гическая устойчивость на фоне выстраивания коммуникативного взаимодействия, уравниваются функциональные траектории нервной системы, укрепляется и нормализуется сон. Рекомендованы для всех возрастов;

– циклические аэробные нагрузки: ходьба, бег, плавание, езда на велосипеде – показаны для всех возрастов населения. Рекомендовано заниматься 2–3 раза в неделю по 30 минут;

– оздоровительная ходьба (перемещение занимающихся по гладкой, пересеченной местности с разной по времени частотой) – помогает активизировать весь организм в целом, применяется для тренировки выносливости и улучшения работы сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Оздоровительная ходьба более эффективна, чем статические физические нагрузки (упражнения на тренажерах, поднятие тяжестей и т.д.). Движения тела и работа мышц при оздоровительной ходьбе усиливают кровообращение всех тканей и органов. Спортивная и оздоровительная ходьба – наиболее эффективный вид физических упражнений, показана для всех возрастов и социальных групп, в день рекомендовано проходить в равномерном темпе не менее 10 000–12 500 шагов. На первых этапах занятий ходьбой необходимо заниматься данным видом физических упражнений по 15–20 минут 3 раза в неделю;

– скандинавская ходьба – ходьба с помощью специализированных палок с резиновыми наконечниками в лесистой местности. При ходьбе со скоростью 6,5 км/час в среднем расходуются 700 ккал в час;

– оздоровительный бег – наиболее простой и доступный вид системы физических упражнений, показан для всех возрастов. Оздоровительный бег выполняют с ЧСС = 120–130 уд/мин в течение 30–40 минут три раза в неделю. Для начинающих необходимо выполнять бег с ЧСС = 120 уд/мин в течение 20 минут 2 раза в неделю продолжительностью 2 месяца;

– кроссовый бег – бег по пересеченной местности. Развивает сердечно-сосудистую и дыхательную систему, помогает совершенствовать взрывную силу. Это настоящее физическое

испытание на выносливость и силу, которое тренирует собранность и дисциплинированность занимающихся;

– беговая дорожка (тредмил) – техническое средство, на котором можно системно и круглогодично выполнять упражнения в виде ходьбы и бега с ЧСС = 120–140 уд/мин в течение 20–30 минут;

– езда на велосипеде рекомендована с ЧСС = 130–140 уд/мин в течение 30–40 минут;

– лыжные прогулки с рекомендацией кататься в безопасной по ландшафту местности (без больших горок и сильно пересеченной местности) до одного часа на ЧСС = 120–140 уд/мин. Ходьба на лыжах улучшает физическое и психоэмоциональное состояние занимающихся. Самые первые занятия следует проводить в течение не более часа три раза в неделю, учитывая погодные условия. Положительный эффект ходьбы на лыжах проявляется в укреплении сердечно-сосудистой, дыхательной, нервной систем и позвоночника; повышении иммунитета; МПК; способствует общему закаливанию организма; совершенствует координацию движений;

– плавание как наименее травматичный вид физических упражнений рекомендуется в качестве корректирующего средства повышения функциональных возможностей организма. В воде тело человека максимально расслаблено, нет чрезмерных физических нагрузок, а самое главное, положение в воде позволяет снять нагрузку с позвоночника. В плавании задействованы практически все мышцы, что позволяет гармонично развивать организм человека. Рекомендовано плавание в течение 20–30 мин при ЧСС 110–140 уд/мин;

– футбол – система физических упражнений на больших резиновых мячах, эффективен для развития опорно-двигательного аппарата и координации;

– фитнес-йога – упражнения с использованием различных статодинамических поз;

– силовая гимнастика (занятия с гантелями, гириями, на тренажерах и др.) – способствует поддержанию и развитию мышечной системы, силовых качеств. Рекомендованы занятия

с гантелями весом не более 3–5 кг. Силовые упражнения противопоказаны для лиц с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Методологию исследования составляют анализ и обобщение различных научно-исследовательских работ отечественных [Адольф, Сидоров, 2019; Асташина, 2019; Логинов, 2018; Матухно, Шлюхто, 2019] ученых, признанных научным сообществом, и опыта осуществления физкультурно-оздоровительной деятельности и ее влияния на физическое, эмоциональное, социальное и психическое благополучие работников сферы высшего образования.

В содержание физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателей вуза, по нашему мнению, кроме разнообразных средств физической культуры, должны быть включены: аутогенная тренировка, релаксационные мероприятия, которые способствуют дифференцированной психологической подготовке с учетом специфики видов спорта, команды, индивидуальных особенностей членов команды [Виленский, Соловьев, 2001]. Физкультурно-оздоровительная деятельность также должна содержать элементы психологической подготовки с целью формирования микросреды, повышения мотивации к занятиям физическими упражнениями, социально-психологической адаптации новых участников данного педагогического процесса, обучения приемам самоконтроля и саморегуляции [Лопатин, 2022; Матухно, Шлюхто, 2019].

Опираясь на вышеизложенное, следует констатировать, что спортивно-оздоровительные занятия рассматриваются как контролируемый и сопровождаемый педагогический процесс, включающий физические упражнения, направленные на улучшение функционального состояния и повышение уровня физической подготовленности, а также на достижение результатов в физкультурно-оздоровительной и соревновательной деятельности.

С учетом возрастных особенностей исследуемого контингента, уровня физической подготовленности преподавателей, особенностей функционального состояния возникает необходимость систематизации и структуризации физкультурно-

оздоровительной деятельности на основе дифференцированных по продолжительности и выполняемой нагрузке упражнений, что позволяет реализовать индивидуально-дифференцированный подход.

Физкультурно-оздоровительная деятельность преподавателей вуза должна быть организована с учетом индивидуально-дифференцированного подхода, смысл которого состоит в том, что реализация ее компонентов как педагогического процесса должна учитывать индивидуальные возможности каждого человека, его гендерные особенности, уровень физической подготовленности. Индивидуально-дифференцированный подход предполагает конкретизацию задач спортивно-оздоровительных занятий, варьирование форм и методов с учетом как общего, так и индивидуального физического развития, состояния здоровья, уровня физической подготовленности.

Отсюда следует, что индивидуально-дифференцированный подход к спортивно-оздоровительным занятиям преподавателей в вузе – это эффективное средство качественной трансформации всех сторон личности, перевода их из объектов в субъекты педагогического процесса. Под индивидуально-дифференцированным подходом следует понимать поэтапную систему педагогических отношений и действий в организации спортивно-оздоровительных занятий в вузе на основе учета индивидуальных способностей и интересов преподавателей с дифференциацией форм, методов и темпов учебно-тренировочного процесса.

При комплектовании групп с учетом принципов индивидуально-дифференцированного подхода необходимо учитывать наличие хронических заболеваний по медицинскому заключению, функциональное состояние, уровень физической подготовленности, возрастные особенности.

Для организации физкультурно-оздоровительной деятельности с преподавателями вуза специалист физической культуры должен иметь высокий уровень компетенции, ориентированный на понимание и осознание того, что вовле-

ченные в любой вид двигательной активности преподаватели должны быть уверены в значении оздоровительного эффекта от физических упражнений и в том, что они служат укреплению здоровья.

Спортивно-оздоровительные занятия любым видом спорта, в том числе включенным в содержание физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателей в вузе, структурно состоят из трех частей: подготовительная, основная и заключительная. Подготовительная часть должна включать гимнастические упражнения со строго индивидуальной дозировкой нагрузок, адекватной возрасту, состоянию здоровья и уровню физической подготовленности. Чрезмерные нагрузки могут привести к серьезным функциональным и морфологическим нарушениям в организме, нанося ощутимый вред здоровью. В основной части решают задачи обучения элементам игры в волейбол. В заключительной – применяют дыхательную гимнастику, способствующую нормализации дыхания, вентилированию легких, укреплению сердечной мышцы, поддержанию работоспособности организма.

При проведении спортивно-оздоровительных занятий необходимо учитывать, что подготовительная и заключительная части занятий у лиц старшего возраста должны быть более продолжительными, чем в занятиях с лицами молодого возраста, для чего включать дыхательные упражнения, варьировать ритмику движений, выбирать средний темп интенсивности нагрузки, упражнения выполнять из исходных положений, не затрудняющих дыхания, соблюдать определенную последовательность их выполнения и дозировку, адекватную возрасту занимающихся. В группах для лиц с заболеваниями сердечно-сосудистой системы следует ограничивать силовые упражнения, связанные с большим напряжением, и чередовать их с упражнениями, развивающими координационные способности и гибкость, увеличивающими подвижность позвоночника, тазобедренных и других суставов, с упражнениями для укрепления мышечной системы опорно-двигательного аппарата.

Заключение. Высокая результативность спортивно-оздоровительных занятий в физкультурно-оздоровительной деятельности преподавателей в вузе позволила улучшить их функциональное состояние и морфологические характеристики, повысить физическую и умственную работоспособность, снизить общую заболеваемость ОРЗ, повысить мотивацию к занятиям физическими упражнениями и соблюдению здорового образа жизни. Все эти положительные изменения сделали возможным активное участие преподавателей вуза в спортивно-массовых мероприятиях и соревнованиях вузовского, городского, краевого уровней.

Библиографический список

1. Адольф В.А., Сидоров Л.К. Физическая культура и спорт – спорт-здоровье. Социально-воспитательный аспект // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: матер. VIII Междунар. науч. конф. (26 февраля 2019 г.) / под ред. Г.Л. Драндрова, А.И. Пьянзина; ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, 2019. С. 300–306.
2. Асташина М.П. Физкультурно-оздоровительная деятельность с разными возрастными группами населения: учеб. пособие / СибГУФК. Омск, 2014. 188 с.
3. Безруких М.М. Здоровьесберегающая школа: учеб. пособие. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2004. 240 с.
4. Виленский М.Я., Соловьев Г.М. Основные сущностные характеристики педагогической технологии формирования физической культуры личности // Теория и практика физической культуры. 2001. № 3. С. 2–7.
5. Голубева Е.В., Котова О.В. Физическая культура как социальный аспект развития общества // Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: теория и практика. Курск, 2020. С. 81–84.
6. Гончарук Я.А. Мотивация преподавателей к участию в проектной деятельности по физической культуре в условиях вуза // Теория и практика физической культуры. 2023. № 3. С. 45–47.
7. Гребенникова Н.Б. Некоторые аспекты здоровьесбережения в современном вузе с позиции преподавателей // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (48). С. 145–148.
8. Дворкин В.М., Пузырева С.В. Оценка индивидуальной предрасположенности к определенной спортивной деятельности // Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти мастера спорта СССР по самбо и дзюдо, заслуженного тренера РСФСР полковника милиции Э.В. Агафонова. Красноярск, 2021. С. 203–205.
9. Жолоб С.С., Колесников В.Ю. Организация физкультурно-оздоровительной работы с профессорско-преподавательским составом вузов // ЦИТИСЭ. 2020. № 3. С. 140–149.
10. Корчевский А.М., Токарь Е.В. Повышение качества жизни преподавателей университета: исследование российских ученых и авторский подход к решению проблемы // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 9 (187). С. 167–170.
11. Лемиш В.Ю., Мовсесян Э.Л. Массовая физическая культура и физкультурно-оздоровительная работа в вузах // Физическая культура и спорт в высших учебных заведениях: актуальные вопросы теории и практики / Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. Краснодар, 2020. С. 109–114.
12. Логинов Д.В. Здоровьеформирующие технологии, доступная и безопасная среда в образовании // Адаптация учащихся всех ступеней: XIV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Ю.Г. Кузмичева. 2018. С. 168–170.
13. Лопатин Л.А. Пути решения проблемы повышения мотивации к занятиям физической культурой // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 3 (205). С. 239–241.

14. Матухно Е.В., Шлюхто Т.А. Основные направления физкультурно-оздоровительной деятельности в образовательных организациях // Современные проблемы науки и образования. Иваново, 2019. С. 220–224.
15. Павлова А.С., Лифанов А.Д., Зенуков И.А. Модернизация занятий физической культурой на основе лично-ориентированного содержания учебного процесса // Вестник спортивной науки. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-zanyatij-fizicheskoy-kulturoy-na-osnove-lichnostno-orientirovannogo-soderzhaniya-uchebnogo-protsessa> (дата обращения: 04.10.2023).
16. Akhmatgatin A.A. et al. The effectiveness of students' preparation in physical training at the universities of various departments // Physical Education of Students. 2020. Vol. 24, No. 1. P. 4–10.
17. Astrand P.O. Optimal function and health // Bibl Cardiol. 1976. Is. 36. P. 11–8.
18. Berger R.A. Comparison between resistance load and strength improvement // Research Quarterly. American Association for Health, Physical Education and Recreation. 1962. Vol. 33, is. 4. P. 637.
19. Brouha L., Health C.W., Graybiel A. Step test simple method of measuring physical fitness for hard muscular work in adult men // Reviews of Canadian Biology. 1943. Is. 2. P. 86.

FEATURES OF ORGANIZATION AND CONTENT OF PHYSICAL EDUCATION AND HEALTH RECREATION ACTIVITIES OF A UNIVERSITY TEACHER

D.V. Loginov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Currently, the state has noted increased attention to the physical culture and recreational activities of the population in general, and university teachers in particular. In universities, as institutions of higher professional education, goal-oriented work should be organized to preserve and strengthen the health of not only students, but also teachers, aimed at developing their functional capabilities, improving physical fitness and ensuring psychophysical readiness for work. At the same time, it should be noted that the number of teachers in universities who have health issues is 65-68% of their total number, therefore, their functional state, the level of physical fitness is considered insufficient [Mitina, 2005; Skvortsova, 2008].

The revealed relevance allowed us to formulate the problem of scientific research: what exactly should be the content of sports and wellness classes in the physical culture and wellness activities of a teacher at a university, what methods should be used to implement this process, what means and methods to use to achieve the desired goals: increase motivation to exercise, ensure their involvement in the physical culture and wellness movement to improve functional state and physical fitness, life expectancy and achievement of active creative longevity.

The methodology of the research includes analysis and generalization of various scientific research works of Russian scientists recognized by the scientific community, and the experience of physical culture and wellness activities in the field of higher education.

Research results. The conducted quantitative and qualitative analysis of the results of experimental work, a comparative analysis of the results of the survey, determined by the topic of the study, revealed the importance of the emotional and psychological state of teachers when performing professional work functions. Its normalization was achieved precisely as a result of physical exercises proposed in the experiment.

Conclusion. The results of the pedagogical experiment showed a high effectiveness of sports and wellness classes in the physical culture and wellness activities of a higher institution teacher. This made it possible to improve their functional state and morphological characteristics, increase physical and mental performance, reduce the overall incidence of acute respiratory infections, increase motivation to exercise and maintain a healthy lifestyle. All this allowed university teachers to actively participate in mass sports events and competitions at the university, city, and regional levels.

Keywords: *organization and content, university teachers, physical culture, functional state, physical culture and recreational activities, morphological characteristics.*

Loginov, Denis V. – Senior Lecturer, Department of Methods of Teaching Sports Disciplines and National Sports, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Senior Lecturer, Department of Physical Culture and Health, Siberian State University of Science and Technology named after. M.F. Reshetnev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4882-341X>; e-mail: deniska-loginov-1900@mail.ru

---

References

1. Adolf V.A., Sidorov L.K. Physical culture and sport – sport-health. Socio-educational aspect. In: Proceedings of the 8th International Scientific Conference “Topical problems of physical culture and sports”. Cheboksary, February 26, 2019 / Ed. by G.L. Drandrov, A.I. Pyanzin. Cheboksary: I.Ya. Yakovlev ChSPU, 2019. P. 300–306.
2. Astashina M.P. Physical education and health activities with different age groups of the population: textbook. Omsk: SibGUFK, 2014. 188 p.
3. Bezrukikh M.M. Health-saving school: textbook. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2004. 240 p.
4. Vilensky M.Ya., Soloviev G.M. Basic essential characteristics of pedagogical technology for the formation of personal physical culture // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury (Theory and Practice of Physical Culture)*. 2001. No. 3. P. 2–7.

5. Golubeva E.V., Kotova O.V. Physical culture as a social aspect of the development of society. In: Current problems of development of socio-economic systems: theory and practice. Kursk, 2020. P. 81–84.
6. Goncharuk Ya.A. Motivation of teachers to participate in project activities on physical culture in the conditions of the university // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury (Theory and Practice of Physical Culture)*. 2023. No. 3. P. 45–47.
7. Grebennikova N.B. Some aspects of health saving in a modern university from the position of teachers // *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Shadrinsky State Pedagogical University)*. 2020. No. 4 (48). P. 145–148.
8. Dvorkin V.M., Puzyreva S.V. Assessment of individual predisposition to certain sports activities. In: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of the USSR Master of Sports in Sambo and Judo, Honored Trainer of the RSFSR, Police Colonel E.V. Agafonov. Krasnoyarsk, 2021. P. 203–205.
9. Zholob S.S., Kolesnikov V.Yu. Organization of physical culture and wellness work with the teaching staff of universities // *CITISE*. 2020. No. 3. P. 140–149.
10. Korchevsky A.M., Tokar E.V. Improving the quality of life of university teachers: research by Russian scientists and the author's approach to solving the problem // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta (Scientific notes of the Lesgaft University)*. 2020. No. 9 (187). P. 167–170.
11. Lemish V.Yu., Movsesyan E.L. Mass physical culture and physical education and health recreation work in universities. In: Physical culture and sport in higher educational institutions: current issues of theory and practice. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. Krasnodar, 2020. P. 109–114.
12. Loginov D.V. Health-forming technologies, accessible and safe environment in education. In: Proceedings of the 14th All-Russian scientific and practical conference with international participation "Adaptation of students of all levels / Ed. by Yu.G. Kuzmichev. 2018. P. 168–170.
13. Lopatin L.A. Ways to solve the problem of increasing motivation for physical education // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta (Scientific notes of the Lesgaft University)*. 2022. No. 3 (205). P. 239–241.
14. Matukhno E.V., Shlyukhto T.A. Main directions of physical culture and health activities in educational organizations. In: Modern problems of science and education. Ivanovo, 2019. P. 220–224.
15. Pavlova A.S., Lifanov A.D., Zenukov I.A. Modernization of physical education classes based on the personality-oriented content of the educational process // *Vestnik sportivnoy nauki (Bulletin of Sports Science)*. 2014. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-zanyatiy-fizicheskoy-kulturoy-na-osnove-lichnostno-orientirovannogo-soderzhaniya-uchebnogo-protsessa> (access date: 10.04.2023).
16. Akhmatgatin A.A. et al. The effectiveness of students' preparation in physical training at the universities of various departments // *Physical Education of Students*. 2020. Vol. 24, No. 1. P. 4–10.
17. Astrand P.O. Optimal function and health // *Bibl Cardiol*. 1976. Is. 36. P. 11–8.
18. Berger R.A. Comparison between resistance load and strength improvement // *Research Quarterly. American Association for Health, Physical Education and Recreation*. 1962. Vol. 33. Is. 4. P. 637.
19. Brouha L., Health C.W., Graybiel A. Step test simple method of measuring physical fitness for hard muscular work in adult men // *Reviews of Canadian Biology*. 1943. Is. 2. P. 86.

УДК 796.386

МЕТОДЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ИГРОКОВ В ТЕННИС

И.А. Фатеев (Москва, Россия)

Аннотация

Проблема исследования. Статья посвящена проблеме физической подготовки юных теннисистов, что является неотъемлемой составляющей подготовленности спортсмена.

Цель исследования – определить изменения уровня физической подготовленности юных теннисистов под влиянием занятий ОФП.

Методология (материалы и методы). В исследовании приняли участие 16 теннисистов в возрасте $18,30 \pm 1,40$ года (юноши), тренирующихся в спортивном клубе. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ и обобщение литературных источников, тестирование, педагогический эксперимент, методы математической статистики.

Результаты исследования. В течение четырех месяцев с теннисистами два раза в неделю проводились занятия по физической подготовке, в которых использовались упражнения, направленные на повышение скоростных, скоростно-силовых, координационных и силовых способностей, выносливости и гибкости. Анализ полученных в повторном тестировании результатов свидетельствует, что результаты спортсменов экспериментальной группы повысились по сравнению с контрольной группой в конце исследования, хотя в начале исследования они статистически не отличались. Также следует отметить, что зафиксирована достоверность отличий между показателями входного контроля и заключительного тестирования уровня физической подготовленности у спортсменов обеих тестовых групп. Следовательно, эффективными за исследуемый период оказались оба подхода к процессу физической подготовки теннисистов с преимуществом экспериментального.

Заключение. Проведенная апробация методики физической подготовки спортсменов 16–20 лет продемонстрировала ее эффективность в педагогическом эксперименте по сравнению с традиционным подходом к повышению физических кондиций теннисистов в подготовительном периоде тренировки в структуре годичного макроцикла подготовки. Представленные упражнения могут с успехом использоваться для уровня физической подготовленности опытных игроков в теннис.

Ключевые слова: теннис, физические упражнения, физическая подготовка, физическая подготовленность.

Фатеев Иван Александрович – старший тренер, Klokov & Vaza Team (Москва); ORCID ID: 0009-0007-6691-1527; e-mail: ifateev.mp@icloud.com

Постановка проблемы. Современный теннис нуждается в качественной организации и реализации спортивной подготовки. Данное предположение основано на современном представлении о формировании и становлении двигательного потенциала юных игроков в соответствии с требованиями тенниса к уровню развития специфического двигательного потенциала результирующего действия [Ferrauti et al., 2018]. Таким образом, невозможно игнорировать значение физической подготовленности теннисистов для результатов игры, определение количественной оценки уровня развития физических качеств оказывает положительное влияние

на управление тренировочным процессом [Харисова, Набатов, 2022]. В этой связи особое значение приобретает четкое планирование тренировочного процесса с учетом возраста и генетики спортсмена [Huang et al., 2021], закономерностей развития организма [Мингалимова, 2020], его функциональных возможностей [Пэн и др., 2022] и формирования опорно-двигательного аппарата [Авилова, 2020], уровня технической оснащенности учебно-тренировочной [Морозова и др., 2019] и соревновательной деятельности [Gescheit, 2015].

Цель статьи – определить изменения уровня физической подготовленности теннисистов

под влиянием методики занятий по физической подготовке.

Обзор научной литературы. Анализ научно-методической литературы свидетельствует, что игровая деятельность, в частности в теннисе, сегодня уже не представляет совокупность мастерства и опыта, а ведущие игроки определенно обладают высочайшим уровнем подготовленности, который, по некоторым результатам двигательного тестирования, сравним с показателями спортсменов индивидуальных атлетических видов спорта. В соответствии с требованиями к уровню развития физических качеств теннисистов возрастает значение физической подготовки игроков, начиная с начальных этапов тренировки, как одного из определяющих звеньев результативности игры на уровне высоких достижений [Арансон и др., 2020]. Однако недостаточно механически воздействовать на рост показателей физической подготовленности теннисистов, необходимо учитывать оригинальную структуру физической подготовленности игроков на каждом из тренировочных этапов [Гришко, 2019]. Данное положение удовлетворяется принципом разносторонности подготовки спортсменов-теннисистов, что согласуется с современным представлением о центральной ее ориентации на общую физическую подготовку у игроков, еще не достигших первых больших успехов [Кривсун и др., 2019; Авилова, 2020].

Специалисты считают, что физическая подготовка теннисистов не столько направлена на развитие и совершенствование общих и специфических физических качеств, сколько должна учитывать особые требования к безопасности ведущих звеньев опорно-двигательного аппарата игроков, а следовательно, быть направленной на их щадящее развитие в условиях постепенно возрастающих объемов и интенсивности тренировочной работы [Munivrana et al., 2015; Kilit, Arslan, 2019; Moya-Ramon et al., 2020; Sánchez-Pay et al., 2021; Xiao, 2022]. Поэтому следует учитывать важнейшие составляющие структуры физической подготовленности теннисистов и их влияние на звенья опорно-двигательного аппарата игроков: быстроту; скорость перемещения тела и его звеньев;

координационные способности [Ulbricht, 2016; Gald-Ansodi et al., 2017; Mengyao, Seung-Soo, 2022]. Не менее важны гибкость и выносливость [Baiget et al., 2014; Sawali, 2018]. Вместе с тем специалисты отмечают, что уровень развития этих качеств неодинаково влияет на уровень результатов в теннисе [Kolman et al., 2021]. По мнению некоторых специалистов, кроме вышеуказанных физических качеств, следует обратить внимание на развитие сенсомоторных способностей, которые позволяют теннисисту дифференцированно распределять силовые и временные параметры движений во время игры [Fernandez-Fernandez, 2018; Yefremenko et al., 2021].

Проблеме физической подготовленности теннисистов посвящены работы многих специалистов. Однако следует отметить, что в вышеуказанных работах рассматривается развитие физических качеств у теннисистов детского и подросткового возраста, а также опытных спортсменов. В доступной нам литературе практически не обнаружено источников, посвященных физической подготовленности теннисистов 16–20 лет.

Методология (материалы и методы). В исследовании приняли участие 16 теннисистов в возрасте $18,30 \pm 1,40$ года (юноши), тренирующихся в спортивном клубе. Для реализации исследовательской цели были применены методы педагогического исследования теоретической и эмпирической групп, которые предполагали последовательное использование теоретического анализа фактологического материала учебно-методической литературы с последующим моделированием и апробацией методики физической подготовки юных теннисистов в процессе проведения параллельного открытого педагогического эксперимента. Результаты исследования подвергались математико-статистической обработке.

В течение четырех месяцев с юными теннисистами два раза в неделю проводились занятия по общей физической подготовке. В содержание этих занятий включались следующие упражнения:

- 1) упражнения с использованием только массы собственного тела; упражнения с внешним отягощением малой массы (гантели до 1 кг; набивные мячи до 2 кг и др.);

2) приседание и поднимание на носки с использованием только массы собственного тела; с разным исходным положением ног;

3) подвижные и силовые игры/единоборства с одноклубниками;

4) для развития силовых способностей:

– для развития скоростно-силовых качеств использовали метательные упражнения, преимущественно взрывной направленности, на дальность (по структуре схожие с ударными действиями игроков) разными руками; с изменением исходного положения;

– упражнения прыжкового характера, выполняемые с максимальной и умеренной интенсивностью в разных направлениях; из разных исходных положений; с использованием скакалки;

– быстроту реакции на нечеткий раздражитель развивали посредством различных упражнений с ловлей мяча, который игроку посылали из разных положений; с варьированием силовых характеристик броска; с отскока;

– выносливость было предложено развивать посредством беговых упражнений в равномерном и переменном темпе; тренировочные игры на корте со специальными задачами; прыжки через скамью с последующим быстрым спрыгиванием, прыжки «кенгуру» и т.д. – для развития выносливости.

Кроме того, как фактор повышения постральной устойчивости, необходимой игрокам для обеспечения успешного развития физической подготовленности в условиях выполнения игровых приемов из разнообразных положений, использовали дополнительное оборудование, такое как нестабильные поверхности (полусферы). Упражнения классифицировались по следующим признакам: с предметом или без него; по действию на разные мышечные группы; по количеству точек опоры.

По результатам начального тестирования испытуемые были случайным образом распределены на две равные тестовые группы (КГ и ЭГ), в одной из которых была апробированная разработанная методика общей физической подготовки теннисистов. Главная задача такого ранжирования состояла о обеспечении рациональ-

ного распределения испытуемых на равные относительно исходного уровня развития двигательных способностей группы.

Результаты исследования. Результаты тестирования, проводившееся в начале исследования, свидетельствуют о том, что испытуемые игроки в теннис демонстрируют достаточный уровень сформированности двигательных способностей, сопоставимый с обнаруженными данными в научно-методической литературе.

Сравнение результатов испытуемых теннисистов в начале исследования позволяет говорить о том, что у спортсменов ЭГ они, хотя и недостоверно ($p \geq 0,05$), однако были выше, чем у атлетов КГ в начале исследования. Исключения составляют показатели гибкости по абсолютной величине, которые были выше у теннисистов КГ.

Следовательно, испытуемые были рационально распределены по тестовым группам, что позволило создать идентичные исходные условия перед дальнейшей апробацией экспериментальной методики физической подготовки теннисистов.

Повторное двигательное тестирование игроков обеих групп, которые принимали участие в исследовании, позволило зафиксировать явное преимущество спортсменов ЭГ перед спортсменами КГ по большинству изучаемых параметров ($p \leq 0,05$). К исключениям отнесены показатели в тесте «наклон вперед», определяющие гибкость позвоночного столба, которые существенно не отличались при межгрупповом сравнении ($p > 0,05$) (табл. 1).

Вместе с тем в процессе исследования отмечается тенденция к росту показателей физических качеств как у игроков КГ, так и у спортсменов ЭГ, что подтверждается достоверно более высокими значениями тестируемых показателей в конце исследования по сравнению с начальными в обеих группах спортсменов ($p \leq 0,05$).

Результаты повторного тестирования представлены в табл. 2.

Считаем, что значительный прирост результатов у игроков КГ и ЭГ связан с качественным построением процесса физической подготовки в обеих тестируемых группах спортсменов-теннисистов.

Таблица 1

Показатели физической подготовленности теннисистов в начале исследования

Table 1

Indicators of physical fitness of tennis players at the beginning of the study

Тест	Показатели	
	$\bar{X} \pm S$	
	КГ (n = 8)	ЭГ (n = 8)
Бег на 30 м, с	4,12±0,30	4,21±0,43
Бег «змейкой» на 18 м, с	4,68±0,28	4,56±0,34
Челночный бег 4×9 м, с	9,19±0,45	9,32±0,95
Прыжок в длину с места, см	266,21±15,11	270,46±21,42
Подъем туловища в сед за 1 мин, раз	42,45±5,32	41,90±6,32
Наклон вперед из положения сидя, см	9,23±2,43	8,98±2,70
Темп ударов, уд.·мин ⁻¹	20,44±1,19	20,10±1,72

Таблица 2

Показатели общей физической подготовленности теннисистов в конце исследования

Table 2

Indicators of general physical fitness of tennis players at the end of the study

Тест	Показатели		p
	$\bar{X} \pm S$		
	КГ (n = 8)	ЭГ (n = 8)	
Бег на 30 м, с	3,84±0,28*	3,67±0,42*	<0,05
Бег «змейкой» на 18 м, с	3,98±0,56*	3,78±0,47*	<0,05
Челночный бег 4×9 м, с	9,03±0,85*	8,81±0,75*	<0,05
Прыжок в длину с места, см	280,00±17,65*	290,75±37*	<0,05
Подъем туловища в сед за 1 мин, раз	43,75±7,85*	47,75±7,35*	<0,05
Наклон вперед из положения сидя, см	10,50±3,45*	10,40±2,95*	>0,05
Темп ударов, уд.·мин ⁻¹	21,34±1,07*	22,31±0,99*	<0,05

Примечание. * – результаты конечного и начального тестирования при внутригрупповом сравнении достоверно отличаются на уровне $p < 0,05$.

Представленные результаты свидетельствуют, что занятия по физической подготовке действительно оказали положительное влияние на физическую подготовленность теннисистов, что соответствует и задачам подготовительного периода годичного тренировочного макроцикла, и этапу многолетней подготовки игроков.

Кроме того, спортсмены ЭГ продемонстрировали преимущество в приросте результативности тестирования по всем изучаемым показателям по сравнению с игроками КГ.

В целом представленная экспериментальная методика оказала большую эффективность на процесс развития двигательных способностей теннисистов 16–20 лет в контексте становления их физической подготовленности за изучаемый период. Важно, что изменения физической

подготовленности произошли достаточно оперативно, это позволило испытуемым игрокам развить необходимый уровень физической готовности к началу соревновательного периода. Причем используемые подходы оказались эффективными (или не создали препятствий) на пути становления технической готовности, о чем свидетельствует положительный рост показателей темпа ударов в конце исследования. Данное заключение касается методических подходов как игроков КГ, так и спортсменов ЭГ.

Однако в отношении показателей общей физической подготовленности, которые были довольно высокими и в начале исследования, преимущество отмечается для экспериментальной методики занятий.

Заключение. Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что воздействие

на процесс физической подготовки испытуемых игроков в теннис как с использованием традиционного подхода, так и при апробации авторской методики тренировки способствует планомерному повышению показателей развития ведущих двигательных качеств игроков 16–20 лет. Косвенно это способствует необходимой активизации развития и укрепления звеньев опорно-двигательного аппарата. Программа занятий общей физической подготовкой способствовала значительному приросту результатов во всех тестах в конце исследования как в КГ теннисистов, так и в ЭГ игроков. Причем среднегрупповой прирост результатов был выше у игроков ЭГ

в конце исследования. Исключения составили только показатели гибкости, которые существенно не изменились в исследуемых группах в период исследования.

В целом выявлена эффективность предложенной методики общей физической подготовки теннисистов 16–20 лет. Однако перспективы дальнейших исследований связаны с оптимизацией данной методики в направлении формирования ее составляющих с целью оказания большего влияния на развитие гибкости и общей выносливости, что позволяет использовать полученные данные в процессе подготовки выпускной квалификационной работы.

Библиографический список

1. Авилова И.А. Развитие и совершенствование специальных физических качеств юных теннисистов // Региональный вестник. 2020. № 9 (48). С. 21–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43084625>
2. Авилова И.А. Уровень общей физической подготовленности и оценка ее динамики у юных теннисисток // Ученые записки Университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 3 (181). С. 7–8. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.3.p7-9
3. Арансон М.В., Озолин Э.С., Тупоногова О.В., Овчаренко Л.Н. Исследование проблематики научных работ по методам тренировки в теннисе (анализ зарубежной литературы) // Вестник спортивной науки. 2020. № 4. С. 69–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-problematiki-nauchnyh-rabot-po-metodam-trenirovki-v-tennise-analiz-zarubezhnoy-literatury>
4. Гришко Л.Г. Основные направления физической подготовки теннисистов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 5-3 (49). С. 11–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41321691>
5. Кривсун С.Н., Гилев Г.А., Толстокора О.Н. Совершенствование физической подготовки теннисистов на основе индивидуализации тренировочного процесса // Глобальный научный потенциал. 2019. № 8 (101). С. 47–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41258536>
6. Мингалимова А.Р. Аспекты эффективности и успешности соревновательной деятельности теннисистов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2020. Т. 15, № 4. С. 13–20. DOI: 10.14526/2070-4798-2020-15-4-13-20
7. Морозова Л.В., Лапин В.В., Пунич С.В., Чернышев В.В. Технология общефизической подготовки юных теннисистов с использованием фитнес-тенниса // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 9 (175). С. 200–203. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-obshchefizicheskoy-podgotovki-yunyih-tennistov-s-ispolzovaniem-fitness-tennisa>
8. Пэн П., Тамбовский А.Н., Зерег Ф. Влияние 12 недель специальной физической подготовки на качество специальной подготовки китайских юных теннисистов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 5 (207). С. 337–340. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.5.p337-340
9. Харисова Э.З., Набатов А.А. Морфофункциональные показатели и физическая подготовка, влияющие на спортивный результат, у высококвалифицированных теннисистов 17–20 лет // Современные вопросы биомедицины. 2022. Т. 6, № 1 (18). С. 230–237. DOI: 10.51871/2588-0500_2022_06_01_30

10. Baiget E., Fernandez-Fernandez J., Iglesias X., Vallejo L., Rodriguez F.A. On-court endurance and performance testing in competitive male tennis players // *J Strength Cond Res*. 2014. No. 28. P. 256–264. DOI: 10.1519/JSC.0b013e3182955dad
11. Fernandez-Fernandez J. Sequencing effects of neuromuscular training on physical fitness in youth elite tennis players // *The Journal of Strength & Conditioning Research*. 2018. Vol. 32, No. 3. P. 849–856. DOI: 10.1519/JSC.0000000000002319
12. Ferrauti A., Ulbricht A., Fernandez-Fernandez J. Assessment of physical performance for individualized training prescription in tennis // *Tennis Medicine: A Complete Guide to Evaluation, Treatment, and Rehabilitation*. 2018. No. 3. P. 167–188. DOI: 10.1007/978-3-319-71498-1_12
13. Gald-Ansodi C., Castellano J. Usabiaga O. More acceleration and less speed to assess physical demands in female young tennis players // *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2017. No. 17. P. 872–884. DOI: 10.1080/24748668.2017.1406780
14. Gescheit D.T. Consecutive days of prolonged tennis match play: performance, physical, and perceptual responses in trained players // *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2015. No. 10 (7). P. 913–920. DOI: 10.1123/ijsp.2014-0329
15. Huang Z., Shi J., He C. Special physical training for strengthening athletes' physical fitness and sports ability // *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2021. No. 27. P. 800–803. DOI: 10.1590/1517-8692202127082021_0340
16. Kilit B., Arslan E. Effects of high-intensity interval training vs. on-court tennis training in young tennis players // *The Journal of Strength & Conditioning Research*. 2019. No. 33 (1). P. 188–196. DOI: 10.1519/JSC.0000000000002766
17. Kolman N.S., Huijgen B.C., Visscher C., Elferink-Gemser M.T. The value of technical characteristics for future performance in youth tennis players: A prospective study // *PloS One*. 2021. No. 16 (1). P. e0245435. DOI: 10.1371/journal.pone.0245435
18. Mengyao C., Seung-Soo B. Effects of core strength training on specialized sports abilities and core stability of adolescent tennis players // *Front Sport Res*. 2022. No. 4. P. 14–19. DOI: 10.25236/FSR.2022.040403
18. Moya-Ramon M., Nakamura F.Y., Teixeira A.S., Granacher U., Santos-Rosa F.J., Sanz-Rivas D., Fernandez-Fernandez J. Effects of resisted vs. conventional sprint training on physical fitness in young elite tennis players // *Journal of Human Kinetics*. 2020. No. 73 (1). P. 181–192. DOI: 10.2478/hukin-2019-0142
20. Munivrana G., Filipcic A., Filipcic T. Relationship of speed, agility, neuromuscular power, and selected anthropometrical variables and performance results of male and female junior tennis players // *Collegium Antropologicum*. 2015. No. 39 (1). P. 109–116. URL: <https://hrcak.srce.hr/file/217134>
21. Sánchez-Pay A., Ramón-Llin J., Martínez-Gallego R., Sanz-Rivas D., Sánchez-Alcaraz B.J., Frutos S. Fitness testing in tennis: Influence of anthropometric characteristics, physical performance, and functional test on serve velocity in professional players // *PloS One*. 2021. No. 16 (11). P. e0259497. DOI: 10.1371/journal.pone.0259497
22. Sawali L. Drills forehand training strategy on the stroke of forehand drive ability in tennis // *International Journal of Physical Sciences and Engineering*. 2018. No. 2 (2). P. 11–20. DOI: 10.29332/ijpse.v2n2.133
23. Ulbricht Al. Impact of fitness characteristics on tennis performance in elite junior tennis players // *The Journal of Strength & Conditioning Research*. 2016. No. 30 (4). P. 989–998. DOI: 10.1519/JSC.0000000000001267
24. Xiao W. Effect of exercise training on physical fitness among young tennis players: a systematic review // *Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. P. 199. DOI: 10.3389/fpubh.2022.843021
25. Yefremenko A., Pyatisotskaya S., Pavlenko V., Shutieieva T., Kraynik Y., Nasonkina O. Effectiveness of physical training of tennis players for competitions using elements of athletics // *Slobozhanskyi Herald of Science and Sport*. 2021. No. 9 (4). P. 5–17. URL: http://journals.uran.ua/sport_herald/article/view/242438/240516

PHYSICAL TRAINING METHODS FOR TENNIS PLAYERS

I.A. Fateev (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is devoted to the general physical fitness of young tennis players, which is an integral part of athletes' fitness.

The purpose of the article is to determine changes in the level of physical fitness of young tennis players under the influence of general physical training.

Methodology (materials and methods). The study involved 16 tennis players aged 18.30 ± 1.40 years (boys) who train in a sports club. During the study, the following methods were used: analysis and generalization of literary sources, testing, pedagogical experiment, and methods of mathematical statistics.

Research results. Within four months, physical training sessions were held with tennis players twice a week, in which exercises were used to increase speed, speed-strength, coordination and strength abilities, endurance and flexibility. The analysis of the results obtained in the repeated testing shows that the results of the athletes of the experimental group were higher than those of the tennis players of the control group at the end of the study, although at the beginning of the study they did not differ statistically. It should also be noted that the reliability of differences between the indicators of the input control and the final testing of physical fitness in athletes of both test groups was recorded. Consequently, both approaches to the physical training of tennis players turned out to be effective during the study period, with the advantage of the experimental one.

Conclusion. The conducted approbation of the technique of physical training of athletes aged 16-20 demonstrated its effectiveness in a pedagogical experiment, in comparison with the traditional approach to improving the physical condition of tennis players in the preparatory period of training in the structure of an annual training macrocycle. The presented exercises can be successfully used for operative intervention in the process of formation of physical fitness of experienced tennis players.

Keywords: *physical training; tennis, sport, exercises, general physical fitness.*

Fateev, Ivan A. – Senior Coach, Klokov & Baza Team (Moscow, Russia); ORCID ID: 0009-0007-6691-1527; e-mail: ifateev.mp@icloud.com

References

1. Avilova I.A. Development and improvement of special physical qualities of young tennis players // Regionalnyy vestnik (Regional Bulletin). 2020. No. 9 (48). P. 21–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43084625>
2. Avilova I.A. The level of general physical fitness and assessment of its dynamics among young tennis players // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the Lesgaft University). 2020. No. 3 (181). P. 7–8. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.3.p7-9
3. Aranson M.V., Ozolin E.S., Tuonogova O.V., Ovcharenko L.N. Study of the problems raised in scientific works on training methods in tennis (analysis of foreign literature) // Vestnik sportivnoy nauki (Bulletin of Sports Science). 2020. No. 4. P. 69–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-problematiki-nauchnyh-rabot-po-metodam-trenirovki-v-tennise-analiz-zarubezhnoy-literatury>
4. Grishko L.G. The main directions for physical training of tennis players // Aktualnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire (Topical Scientific Research in the Modern World). 2019. No. 5-3 (49). P. 11–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41321691>
5. Krivsun S.N., Gilev G.A., Tolstokora O.N. Improving physical training of tennis players based on the individualization of the training process // Globalnyy nauchnyy potentsial (Global Scientific Potential). 2019. No. 8 (101). P. 47–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41258536>
6. Mingalimova A.R. Aspects of effectiveness and success of competitive activity of tennis players // Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoy kultury i sporta (Pedagogical-Psychological and Medical-Biological Problems of Physical Culture and Sports). 2020. Vol. 15, No. 4. P. 13–20. DOI: 10.14526/2070-4798-2020-15-4-13-20

7. Morozova L.V., Lapin V.V., Punich S.V., Chernyshev V.V. Technology of general physical training of young tennis players using fitness tennis // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the Lesgaft University). 2019. No. 9 (175). P. 200–203. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-obschefizicheskoy-podgotovki-yunyh-tennistov-s-ispolzovaniem-fitness-tennisa>
8. Peng P., Tambovsky A.N., Zereg F. Influence of 12 weeks of special physical training on the quality of special training of Chinese young tennis players // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the Lesgaft University). 2022. No. 5 (207). P. 337–340. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.5
9. Kharisova E.Z., Nabatov A.A. Morphological and functional indicators and physical training affecting sports results in highly qualified tennis players aged 17–20 // *Sovremennye voprosy biomeditsiny* (Modern Issues of Biomedicine). 2022. Vol. 6, No. 1 (18). P. 230–237. DOI: 10.51871/2588-0500_2022_06_01_30
10. Baiget E., Fernandez-Fernandez J., Iglesias X., Vallejo L., Rodriguez F.A. On-court endurance and performance testing in competitive male tennis players // *J Strength Cond Res*. 2014. No. 28. P. 256–264. DOI: 10.1519/JSC.0b013e3182955dad
11. Fernandez-Fernandez J. Sequencing effects of neuromuscular training on physical fitness in youth elite tennis players // *The Journal of Strength & Conditioning Research*. 2018. Vol. 32, No. 3. P. 849–856. DOI: 10.1519/JSC.0000000000002319
12. Ferrauti A., Ulbricht A., Fernandez-Fernandez J. Assessment of physical performance for individualized training prescription in tennis // *Tennis Medicine: A Complete Guide to Evaluation, Treatment, and Rehabilitation*. 2018. No. 3. P. 167–188. DOI: 10.1007/978-3-319-71498-1_12
13. Gald-Ansodi C., Castellano J. Usabiaga O. More acceleration and less speed to assess physical demands in female young tennis players // *International Journal of Performance Analysis in Sport*. 2017. No. 17. P. 872–884. DOI: 10.1080/24748668.2017.1406780
14. Gescheit D.T. Consecutive days of prolonged tennis match play: performance, physical, and perceptual responses in trained players // *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2015. No. 10 (7). P. 913–920. DOI: 10.1123/ijsp.2014-0329
15. Huang Z., Shi J., He C. Special physical training for strengthening athletes' physical fitness and sports ability // *Revista Brasileira de Medicina do Esporte*. 2021. No. 27. P. 800–803. DOI: 10.1590/1517-8692202127082021_0340
16. Kilit B., Arslan E. Effects of high-intensity interval training vs. on-court tennis training in young tennis players // *The Journal of Strength & Conditioning Research*. 2019. No. 33 (1). P. 188–196. DOI: 10.1519/JSC.0000000000002766
17. Kolman N.S., Huijgen B.C., Visscher C., Elferink-Gemser M.T. The value of technical characteristics for future performance in youth tennis players: A prospective study // *PloS One*. 2021. No. 16 (1). P. e0245435. DOI: 10.1371/journal.pone.0245435
18. Mengyao C., Seung-Soo B. Effects of core strength training on specialized sports abilities and core stability of adolescent tennis players // *Front Sport Res*. 2022. No. 4. P. 14–19. DOI: 10.25236/FSR.2022.040403
19. Moya-Ramon M., Nakamura F.Y., Teixeira A.S., Granacher U., Santos-Rosa F.J., Sanz-Rivas D., Fernandez-Fernandez J. Effects of resisted vs. conventional sprint training on physical fitness in young elite tennis players // *Journal of Human Kinetics*. 2020. No. 73 (1). P. 181–192. DOI: 10.2478/hukin-2019-0142
20. Munivrana G., Filipcic A., Filipcic T. Relationship of speed, agility, neuromuscular power, and selected anthropometrical variables and performance results of male and female junior tennis players // *Collegium Antropologicum*. 2015. No. 39 (1). P. 109–116. URL: <https://hrcak.srce.hr/file/217134>

21. Sánchez-Pay A., Ramón-Llin J., Martínez-Gallego R., Sanz-Rivas D., Sánchez-Alcaraz B.J., Frutos S. Fitness testing in tennis: Influence of anthropometric characteristics, physical performance, and functional test on serve velocity in professional players // PloS One. 2021. No. 16 (11). P. e0259497. DOI: 10.1371/journal.pone.0259497
22. Sawali L. Drills forehand training strategy on the stroke of forehand drive ability in tennis // International Journal of Physical Sciences and Engineering. 2018. No. 2 (2). P. 11–20. DOI: 10.29332/ijpse.v2n2.133
23. Ulbricht Al. Impact of fitness characteristics on tennis performance in elite junior tennis players // The Journal of Strength & Conditioning Research. 2016. No. 30 (4). P. 989–998. DOI: 10.1519/JSC.0000000000001267
24. Xiao W. Effect of exercise training on physical fitness among young tennis players: a systematic review // Frontiers in Public Health. 2022. Vol. 10. P. 199. DOI: 10.3389/fpubh.2022.843021
25. Yefremenko A., Pyatisotskaya S., Pavlenko V., Shutieieva T., Kraynik Y., Nasonkina O. Effectiveness of physical training of tennis players for competitions using elements of athletics // Slobozhanskyi Herald of Science and Sport. 2021. No. 9 (4). P. 5–17. URL: http://journals.uran.ua/sport_herald/article/view/242438/240516

УДК 159.99

СТАНОВЛЕНИЕ МАТЕРИНСКОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ДЕВОЧЕК ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА И МЕРОПРИЯТИЯ ПО ЕЕ ФОРМИРОВАНИЮ¹

О.Ф. Лысенко (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В настоящее время Россия переживает демографический кризис. Второго ребенка имеют меньше третьей части женщин репродуктивного возраста. На уровне государства вопрос решается только социально-экономическими мероприятиями. При этом в психологии проведен ряд исследований, доказывающих формирование материнской сферы личности в течение онтогенеза. Без должного внимания в этом вопросе остается дошкольное детство девочек. *Цель* статьи – изучить формирующуюся материнскую сферу личности девочек младшего дошкольного возраста и определить необходимые для ее успешного становления психолого-педагогические мероприятия.

Методология исследования включает концепцию онтогенеза материнской потребностно-мотивационной сферы Г.Г. Филипповой, представления о внутренней позиции родителя С.А. Абдуллиной, анализ и обобщение научно-исследовательских работ по психологии материнства. Применены 3 диагностические методики: «Индивидуальная игра в куклы» (Г.Г. Филиппова, С.А. Абдуллина), «Половозрастная идентификация» (Н.Л. Белопольская), «Кинетический рисунок семьи» (Р. Бернс, С. Кауфман). *Базой* исследования является ЧДОУ «Детский сад № 198 АОА “РЖД”» города Красноярска. В выборку вошли 27 девочек (5–6 лет).

Результаты. Материнская сфера личности находится на достаточном уровне сформированности на игровом этапе ее становления у 18,5 %, относительном – у 29,6 % и недостаточном – у 51,9 % выборки. Ценностно-смысловой блок материнской сферы на данном этапе сформирован у 44,4 % девочек, операционный блок – у 33,3 % и потребностно-эмоциональный – у 18,5 %. Статистическая обработка полученных данных указывает на значимость эмоциональной и операциональной включенности девочки в сюжетно-ролевую игру с куклой-пупсом, эмоциональной близости с мамой.

Заключение. Полученные результаты позволяют обозначить ключевые показатели развития материнской сферы личности девочек на игровом этапе ее формирования. С учетом анализа полученных данных предложены возможные психолого-педагогические меры по развитию материнской сферы личности на игровом этапе ее становления.

Ключевые слова: материнство, материнская сфера личности, этап взаимодействия с собственной матерью, игровой этап, детско-родительские отношения, сюжетно-ролевая игра, гештальт младенчества, потребностно-эмоциональный блок, операционный блок, ценностно-смысловой блок.

Лысенко Оксана Федоровна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии начального образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: okca87@mail.ru

Постановка проблемы. Сегодня в нашей стране наблюдается демографический кризис и государственные органы управления реализуют ряд социальных мер поддержки семьям. Росстат опубликовал данные за 2022 г. по количеству детей у женщин 18–44 лет:

34,2 % – 1 ребенок, 24,97 % – 2 ребенка и 6,08 % – 3 ребенка. Средний интервал между появлением первого и второго ребенка планомерно увеличился в 3 раза в сравнении с 90-ми гг. и составляет 5 лет. При этом сильное желание иметь второго ребенка является ключевым мотивом

¹ Публикация подготовлена по результатам работ с использованием средств гранта Красноярского краевого фонда науки № 2022031008473 «Разработка и апробация информационно-методического портала как средства психолого-педагогического сопровождения современных родителей на основе диагностики их потребностей и затруднений».

только для 27,77 % женщин². Другие мотивы указывают на важность психологической поддержки женщин как потенциальных матерей. Но возможности психолого-педагогической поддержки женщин изучены и предоставляются только с момента наступления беременности. Остаются слабо изученными важные этапы становления материнской сферы личности в онтогенезе и необходимые психолого-педагогические меры по ее формированию.

Цель статьи – рассмотреть особенности формирующейся материнской сферы личности у девочек для определения психолого-педагогических мероприятий, способствующих ее успешному становлению на игровом этапе.

Методология исследования включает концепцию онтогенеза материнской потребностно-мотивационной сферы Г.Г. Филипповой, представления о внутренней позиции родителя С.А. Абдуллиной, анализ и обобщение научно-исследовательских работ по психологии материнства.

В диагностический комплекс вошли 3 методики. «Индивидуальная игра в куклы» (Г.Г. Филиппова, С.А. Абдуллина) раскрывает содержание потребностно-эмоционального и операционального блоков. Тест «Половозрастная идентификация» (Н.Л. Белопольская) и «Кинетический рисунок семьи» (Р. Бернс, С. Кауфман) показывают ситуацию становления ценностно-смыслового блока.

Базой исследования является ЧДОУ «Детский сад № 198 АОА “РЖД”» города Красноярск. В выборку вошли 27 девочек (5–6 лет).

Математическая обработка данных включает первичную описательную статистику, угловое преобразование Фишера и корреляционный анализ (по методу Пирсона, с помощью SPSS Statistics 17.0).

Обзор научной литературы по проблеме. Вопросы материнства вызывали интерес у исследователей во все времена. В настоящее время изучаются достаточно узкие темы.

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 15.09.2023).

В зарубежных источниках предметом обсуждения чаще выступают привязанность и последствия влияния небезопасных типов привязанности на развитие личности [Davis, Carnelley, 2023, Duschinsky, 2020; Brett et al., 2022]. Остается популярна тема мотивации и удовлетворенности материнством в контексте современных ценностей и условий жизни [Afzali, Entezari, 2020; Rabenda, 2021]. ЭКО и суррогатное материнство, как относительно новые явления, привели к волне изучения их психологических и этических составляющих в зарубежных и отечественных исследованиях [Novav, 2019; Payne et al., 2020; Осипенко, 2020; Сыманюк и др., 2022].

В рамках нашей работы наибольший интерес представляют психолого-педагогические аспекты материнства, рассматриваемые в отечественных исследованиях.

С начала 2000-х гг. ученые обратились к психологии беременности и стали писать о психологической готовности к материнству (ПГкМ) [Матвеева, 2004; Мещерякова, 2000]. Данные исследования определили дальнейший интерес к формированию ПГкМ на предшествующих реального материнства этапах – юношество, студенчество [Григорьян³, 2012; Садовникова и др., 2018]. Полученные результаты подводят к необходимости изучения формирования ценности, представлений о материнстве, ПГкМ, материнской сферы личности на ранних этапах онтогенеза [Абдуллина, Филиппова, 2016; Лысенко, Русинова, 2021; Филиппова, Абдуллина, 2016].

Г.Г. Филиппова рассматривает онтогенез материнства и определяет материнскую сферу личности женщины как составляющую потребностно-мотивационной сферы личности³. Она включает 3 блока: потребностно-эмоциональный, операциональный и ценностно-смысловой. Их содержание во многом определяется социокультурным контекстом и опытом получения результатов при реализации формируемых ценностей,

³ Григорьян И.Г. Особенности психологической готовности студенток к материнству: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Самара, 2012. 23 с.

⁴ Филиппова Г.Г. Психология материнства: сравнительно-психологический анализ: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01. М., 2000. 449 с.

в связи с чем важно понимать задачи и особенности культурной среды для каждого этапа становления материнской сферы личности у женщины.

Касательно ранних этапов становления материнской сферы или формирования психологической готовности к материнству исследователи обозначают значимость взаимоотношений с собственной матерью [Лысенко, 2022; Мещерякова, 2002; Сафонова, Лысенко, 2020; Филиппова, 2017; Hesse, Main, 2006; Liotti, 2009]. Г.Г. Филиппова рассматривает взаимодействие с собственной матерью как первый этап становления материнской сферы. По возрастным рамкам в него также входит и игровой этап, приходящийся на дошкольное детство (3–6 лет). С.А. Абдуллина рассматривает формирование внутренней позиции родителя на данном этапе [Филиппова, Абдуллина, 2016]. Ключевым является формирующаяся потребность в материнстве, проявляющаяся в эмоциональной включенности в сюжетно-ролевую игру с куклой (потребностно-эмоциональный и операциональный блоки сферы). Полагается, что желание брать на себя роль матери и качество игры с куклой, обладающей чертами младенца (гештальт младенца), зависят и от взаимоотношений девочки с мамой (ценностно-смысловой блок).

Результаты исследования. Определены уровни сформированности материнской сферы личности у девочек дошкольного возраста в зависимости от количества сформированных блоков: достаточный – сформированы все блоки сферы, относительный – один или два блока; недостаточный – не сформирован ни один блок.

Анализ полученных данных показал, что материнская сфера личности для текущего возрастного этапа достаточно развита у 18,5 % девочек, относительно – у 29,6 %, недостаточно – у 51,9 %. Добавим, что ценностно-смысловой блок сформирован у 44,4 % дошкольниц, операциональный – у 33,3 % и потребностно-эмоциональный – у 18,5 % девочек.

Потребностно-эмоциональный блок, согласно изученным источникам, сформирован, если девочка в игровой ситуации с куклой (как символом объекта с чертами гештальта младенчества) проявляет позитивное эмоциональное со-

стояние, бережно прикасается к кукле, общается с ней ласковым голосом, использует беби-ток в общении с куклой, эмоционально-тактильные проявления.

Операциональный блок считается сформированным, если в игровой ситуации с куклой девочка комментирует действия куклы и свои действия с ней, осуществляет операции ухода и не только технически, а используя эмоционально-тактильные проявления. Критерий ф* Фишера позволил определить, что важно наличие связанного комплекса основных операций ухода за младенцами, а не отдельных технических операций ухода, а также не подтвердил важность комментирования действий куклы в игре. Полагаем, это указывает на необходимость знаний операций ухода на когнитивном и поведенческом уровнях, а действия куклы девочке достаточно вообразить.

На сформированность ценностно-смыслового блока указывает выбор куклы-пупса для игры и восприятие куклы как ребенка, бережное обращение с ней, принятие роли матери в игровой ситуации, а также отмечаются верная идентификация по половому признаку, эмоциональная близость с мамой и отсутствие между ними эмоционального барьера. Однако данные углового преобразования Фишера не подтвердили значимость показателя «верная идентификация по полу». В пояснение можем выдвинуть предположение, которое требует дополнительной проверки: диагностика проводилась с девочками, которым есть полных 5 лет, 89 % из них уже идентифицируют себя с представителями женского пола, а с девочками от 4 до 5 лет ситуация может быть иной.

Таким образом, можно утверждать, что для развития материнской сферы личности девочек дошкольниц на игровом этапе ее становления необходимы мероприятия по созданию условий для игры девочек с куклами-пупсами, вовлечения их в игру и обучения через нее взаимодействию и уходу за куклой, воспринимаемой как объект, обладающий чертами гештальта младенчества. При этом педагоги и родители на первых этапах обучения игре должны не просто показывать и рассказывать девочке о необходимых

действиях, а быть эмоционально включенными в игровую ситуацию. Ведь одним из основных способов обучения в данном возрасте является подражание. Добавим, что для возможности эмоциональной включенности девочки при организации игры воспитателем важно наличие признаков безопасной привязанности воспитанниц к данному ухаживающему лицу, зависящей в большей степени от отношения педагога к группе детей в целом [Ahnert, 2021].

Ценные выводы для описания формирования материнской сферы личности девочки на игровом этапе позволяют сформулировать данные корреляционного анализа.

Корреляционный анализ позволил выявить важные обратные и прямые корреляционные зависимости показателей «эмоциональный барьер с мамой» и «эмоциональная близость с мамой» со многими показателями, определяющими качество игры девочки с куклой: «бережные прикосновения» к кукле ($r = -0,824$, при $p \leq 0,00$; $r = 0,700$, при $p \leq 0,001$), «комментарии ласковым голосом, при обращении к кукле» ($r = -0,735$, при $p \leq 0,001$; $r = 0,806$, при $p \leq 0,001$), «эмоционально-тактильные проявления» ($r = -0,545$, при $p \leq 0,01$; $r = 0,598$, при $p \leq 0,001$), «комментарии к своим действиям» ($r = -0,725$, при $p \leq 0,001$; $r = 0,661$, при $p \leq 0,001$), «комплекс операций ухода» ($r = -0,510$, при $p \leq 0,01$; $r = 0,596$, при $p \leq 0,001$). Что доказывает проекцию эмоциональных взаимоотношений с мамой на игровую ситуацию с куклой как прототип будущей материнской роли девочки. Еще одним подтверждением этого выступает обратная связь показателей «воспринимает куклу как ребенка» и «эмоциональный барьер с мамой» ($r = -0,645$, при $p \leq 0,001$).

Следовательно, для будущего благополучного материнства девочки важно проведение просветительских и профилактических мероприятий, способствующих поддержанию позитивных моментов взаимоотношений мамы с девочкой и корректирующих негативные составляющие. В зарубежных источниках часто подтверждают данную необходимость в рамках исследования привязанности [Гомес, 2022; Davis, Carnelly, 2023, Duschinsky, 2020; Sitsofe, 2020].

Также качество взаимоотношений родителей проявляется в игре, в отношении девочки к кукле как образу своего ребенка. Эмоциональная близость между мамой и папой находится в положительной корреляционной связи с комментированием ласковым голосом при обращении к кукле ($r = 0,575$, при $p \leq 0,01$) и комментированием своих действий девочкой ($r = 0,624$, при $p \leq 0,001$). Следовательно, если девочка воспринимает отношения родителей как близкие, то и сама готова быть более включенной и эмоциональной мамой в игровой ситуации.

Качество родительских взаимоотношений обуславливает качество взаимоотношений девочки с мамой: показатель «эмоциональная близость мамы с папой» находится в обратной зависимости с показателем «эмоциональный барьер с мамой» ($r = -0,618$, при $p \leq 0,001$) и в прямой зависимости с показателем «эмоциональная близость с мамой» ($r = 0,714$, при $p \leq 0,001$).

Отсюда следует, что еще одно направление в работе по развитию материнской сферы личности девочки связано с организацией психологической поддержки родителей девочки касательно выстраивания семейных отношений. Полезно будет не только информирование, но и практические занятия.

Ряд взаимосвязей, указывающих на позитивную картину в игровой ситуации с пупсом, установлен для показателя «привлекателен образ младенца» (кем девочка хотела бы быть): «комментарии ласковым голосом при обращении к кукле» ($r = 0,674$, при $p \leq 0,001$), «комментарии к своим действиям» ($r = 0,791$, при $p \leq 0,001$), «комплекс операций ухода» ($r = 0,597$, при $p \leq 0,001$), «принимает роль мамы» ($r = 0,597$, при $p \leq 0,001$).

В свою очередь, привлекательность образа младенца связана с качеством отношений с мамой и взаимоотношений родителей. Так, показатель «привлекателен образ младенца» находится в корреляционной зависимости от следующих показателей: «эмоциональный барьер с мамой» ($r = -0,746$, при $p \leq 0,001$), «эмоциональная близость с мамой» ($r = 0,837$, при $p \leq 0,001$), «эмоциональная близость мамы с папой» ($r = 0,853$, при $p \leq 0,001$), «эмоциональный барьер между мамой

и папой» ($r = -0,632$, при $p \leq 0,001$). При этом привлекательность образа девушки находится в обратной корреляционной зависимости от эмоциональной близости мамы с папой ($r = -0,742$, при $p \leq 0,001$) и эмоциональной близости с мамой ($r = -0,529$, при $p \leq 0,01$). Очевидно, что психологическая близость с мамой влияет на возрастную идентификацию девочки. Можно предположить, что желание быть ребенком младшего возраста связано с комфортом и психологической безопасностью в отношениях с мамой и родителями. Девочка, выбирающая образ младенца как привлекательный, проецирует его на игровую ситуацию с куклой.

Также идентификация по признаку возраста находится во взаимосвязи с наличием эмоционального барьера между мамой и папой. Выявлены следующие корреляционные связи: показатель «верная идентификация по возрасту» и «эмоциональный барьер между мамой и папой» ($r = -0,661$, при $p \leq 0,001$), «эмоциональная близость мамы с папой» ($r = 0,491$, при $p \leq 0,01$). При этом идентификация девочки себя с более старшими по возрасту связана с эмоциональным барьером в отношениях родителей ($r = 0,661$, при $p \leq 0,001$).

Обсуждаемые результаты еще раз подтверждают, что одним из ключевых направлений в психопрофилактической и развивающей деятельности в процессе становления материнской сферы личности девочки на игровом этапе является работа с детско-родительскими и супружескими взаимоотношениями. В настоящее время в психологической практике частично представлена доступная помощь родителям, но касательно супружеских отношений такая помощь не оказывается.

Итак, можно говорить о необходимости планирования и осуществления комплекса мер для успешного формирования материнской сферы личности на игровом этапе ее становления у девочек дошкольного возраста. Обозначим основные направления деятельности и возможные пути их реализации.

1. Диагностика и анализ сюжетно-ролевой игры с куклой, детско-родительских и семейных отношений могут осуществляться психологами ДОУ и детских поликлиник.

2. Просветительская деятельность родителей, касающаяся важности сюжетно-ролевой игры девочки с куклой-пупсом, влияния детско-родительских и супружеских отношений на качество будущего материнства девочки также может быть реализована психологами в детских садах и поликлиниках.

3. В развивающую деятельность по организации игры с куклой могут быть включены педагоги и психологи ДОУ. Часть данной деятельности может быть включена в режимные моменты пребывания детей в детском саду путем использования материнского фольклора.

4. Психокоррекция детско-родительских (в частности, отношений девочки с матерью) и супружеских отношений представляется в настоящее время наиболее сложно реализуемой. Возможно, часть этой деятельности могут осуществлять специалисты центров психолого-педагогической и медико-социальной помощи при направлении психологов ДОУ.

Остается открытым вопрос не только по включению специалистов в данную работу, но и по организации их взаимодействия для осуществления слаженной и качественной деятельности.

Заключение

1. Сформированность материнской сферы личности на игровом этапе ее становления проявляется в эмоциональной и операциональной включенности девочки при уходе за куклой в игровой ситуации, принятии роли матери в игре и восприятии своих отношений с мамой как эмоционально близких.

2. Успешному формированию материнской сферы на игровом этапе может способствовать комплекс психолого-педагогических мер, направленных на развитие сюжетно-ролевой игры девочки с куклой-пупсом, просветительской деятельности с родителями и педагогами по этим вопросам, а также психокоррекционные мероприятия.

3. Существует возможность привлекать к предлагаемой деятельности педагогов и психологов имеющихся образовательных и социальных институтов. Для осуществления комплекса мер важно выстроить взаимодействие между специалистами.

Библиографический список

1. Абдуллина С.А., Филиппова Г.Г. Особенности внутренней позиции родителя у детей младшего школьного возраста // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 3. С. 123–139. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.8
2. Гомес А.М. EMDR-терапия и вспомогательные подходы в терапии детей. Комплексная травма, травмы привязанности и диссоциативное расстройство / пер. с англ. Н.А. Завалковской; науч. ред. русс. изд. А.В. Черников. М.: Научный мир, 2022. 472 с.
3. Лысенко О.Ф., Русинова Т.В. Особенности становления материнской сферы личности девочек младшего школьного возраста // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2021. № 2 (56). С. 134–144. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-56-2-279
4. Лысенко О.Ф. Особенности материнской сферы личности студенток и мероприятия по ее развитию // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 4 (62). С. 63–73. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-62-4-369
5. Матвеева Е.В. Анализ материнства с позиции теории деятельности. Киров: ВГГУ, 2004.
6. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 18–27.
7. Мещерякова С.Ю. Путь к материнству начинается с младенчества // Дошкольное воспитание. 2002. № 11. С. 81–89. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/9547.php>
8. Осипенко И.М. Психологические особенности женщин, беременность которых наступила с помощью метода экстракорпорального оплодотворения // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 6 (117). С. 105–113. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-6-117-105-113
9. Садовникова Т.Ю., Карабанова О.А., Бурменская Г.В. и др. Детско-родительские отношения как условие формирования отношения к родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 52–61. DOI: 10.26170/ro18-09-07
10. Сафонова М.В., Лысенко О.Ф. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования психологической готовности к материнству // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 218–223. DOI: 10.26170/ro20-06-25
11. Сыманюк Э.Э., Полякова И.Г., Меньшиков А.С. Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 657–676. DOI: 10.15826/qr.2022.2.694
12. Филиппова Г.Г. Психология материнства. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2017. 211 с.
13. Филиппова Г.Г., Абдуллина С.А. Формирование внутренней позиции родителя в онтогенезе // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 8, № 4. С. 142–152. DOI: 10.17759/psyedu.2016080414
14. Afzali M., Entezari A. Motherhood: Types, meanings and motivations // Gender and Family Studies. 2020. Is. 8 (1). P. 41–70. URL: https://www.jgfs.ir/article_120024.html?lang=en
15. Ahnert L. Attachment to child care providers. In: R.A. Thompson, J.A. Simpson, & L.J. Berlin (Eds.), Attachment: The fundamental questions (pp. 31–38). Berlin: Guilford Press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1002/dev.22156>
16. Brett B.E., Stern J.A., Gross J.T., Cassidy J. Maternal depressive symptoms and preschoolers' helping, sharing, and comforting: The moderating role of child attachment // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2022. Is. 51 (5). P. 623–636. DOI: 10.1080/15374416.2020.1738235
17. Davis A., Carnelley K. Attachment: The what, the why, and the long-term effects // Frontiers for Young Minds. 2023. Is. 11. P. 809060. DOI: 10.3389/frym.2023.809060
18. Duschinsky R. Cornerstones of attachment research. Oxford University Press, 2020. 611 p.

19. Hesse E., Main M. Frightened, threatening, and dissociative parental behavior: Theory and associations with parental adult attachment interview status and infant disorganization // *Development and Psychopathology*. 2006. Is. 18. P. 309–343. DOI: 10.1017/S0954579406060172
20. Hovav A. Producing moral palatability in the Mexican surrogacy market // *Gender Society*. 2019. Is. 33. P. 273–95. DOI: 10.1177/0891243218823344
21. Liotti G. Attachment and dissociation. In: P.F. Dell, J.A.O' Neil (Eds.) *Dissociation and the dissociative disorders: DSM-V and beyond* (pp. 53–65). New York; Routledge. London, 2009. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203893920>
22. Payne J.G., Korolczuk E., Mezinska S. Surrogacy relationships: a critical interpretative review // *Upsala Journal of Medical Sciences*. 2020. Is. 125 (2). P. 183–191. DOI: 10.1080/03009734.2020.1725935
23. Rabenda A. The value of motherhood: paid maternity leave discourse in major U.S. media outlets in the years 2014-2018 // *Journal of Education Culture and Society*. 2021. Is. 12 (1). P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15503/jecs2021.1.68.85>
24. Sitsofe G. Early motherhood: voices from female adolescents in the Hohoe Municipality, Ghana a qualitative study utilizing Schlossberg's Transition Theory // *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. 2020. Is. 15 (1). DOI: 10.1080/17482631.2020.1716620

FORMATION OF MATERNAL SPHERE OF PERSONALITY AMONG GIRLS OF PRESCHOOL AGE AND MEASURES FOR ITS FORMATION

O.F. Lysenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Russia is currently experiencing a demographic crisis. Two children are born by less than a third of women of reproductive age. At the state level, the issue is resolved only by socio-economic measures. At the same time, a number of studies have been carried out in psychology, proving the formation of the maternal sphere of the personality during ontogenesis. The preschool childhood of girls remains without due attention in this matter.

The purpose of the article is to study the emerging maternal sphere of the personality of primary school girls and to determine psychological and pedagogical measures necessary for its successful formation.

Methodology (materials and methods). The research methodology is represented by the concept of ontogenesis of the maternal need-motivation sphere developed in works by G.G. Filippova, ideas about the internal position of a parent developed by S.A. Abdullina, analysis and generalization of research work on the psychology of motherhood. The 3 diagnostic methods were applied: "Individual Game of Dolls" (G.G. Filippova, S.A. Abdullina), "Sex and Age Identification" by N.L. Belopolskaya, "Kinetic Drawing of the Family" by R. Bearns, S. Kaufman. The basis of the study is Kindergarten No. 198 of the AOA *Russian Railways* in Krasnoyarsk. The sample included 27 girls (5–6 years old).

Research results. The maternal sphere of personality is at a high, middle and low levels of formation at the gaming stage of its formation among 18,5 %, 29,6 % and 51,9 % of the respondents, respectively. The value-sense, operational, and need-emotional blocks of the maternal sphere at this stage were formed in 44,4 %, 33,3 % and 18,5 % of the girls, respectively. Statistical processing of the obtained data indicates the significance of the emotional and operational inclusion of girls in the plot-role-playing game with a doll, emotional proximity with her mother.

Conclusion. The results obtained make it possible to identify key indicators of the development of the maternal sphere of the girls' personality at the playing stage of its formation. Based on the analysis of the obtained data, possible psychological and pedagogical measures have been proposed to develop the maternal sphere of the personality at the playing stage of its formation.

Keywords: *motherhood, maternal sphere of personality, stage of interaction with own mother, game stage, child-parental relations, plot-role-playing game, gestalt-infancy, need-emotional block, operational block, value-sense block.*

Lysenko, Oksana F. – PhD Candidate, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: okca87@mail.ru

References

1. Abdullina S.A., Filippova G.G. Features of the internal position of a parent for primary school children // Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal (Russian Psychological Journal). 2016. Vol. 13, No. 3. P. 123–139. DOI: 10.21702/rpj.2016.3.8
2. Gomez A.M. EMDR therapy and supportive approaches in pediatric therapy. Complex trauma, attachment trauma, and dissociative disorder. Translated from English by N.A. Zavalkovskaya / Ed. by A.V. Chernikov. Moscow: Nauchny mir, 2022. 472 p.
3. Lysenko O.F., Rusinova T.V. Features of developing maternal personality in girls of primary school age // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2021. No. 2 (56). P. 134–144. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-56-2-279
4. Lysenko O.F. Features of the maternal sphere of personality among female students and measures for its development // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2022. No. 4 (62). P. 63–73. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-62-4-369
5. Matveeva E.V. Analysis of motherhood from the standpoint of theory of activity. Kirov: VGGU, 2004.
6. Meshcheryakova S.Yu. Psychological readiness for motherhood // Voprosy psikhologii (Questions of Psychology). 2000. No. 5. P. 18–27.
7. Meshcheryakova S.Yu. The path to motherhood begins with infancy // Doshkolnoe vospitanie (Preschool Education). 2002. No. 11. P. 81–89. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/9547.php>

8. Osipenko I.M. Psychological characteristics of women whose got pregnant via in vitro fertilization // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin). 2020. No. 6 (117). P. 105–113. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-6-117-105-113.
9. Sadovnikova T.Yu., Karabanova O.A., Burmenskaya G.V. et al. Child-parental relations as a condition for the formation of attitudes towards the parental position of a mother among girls during adulthood // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia). 2018. No. 9. P. 52–61. DOI: 10.26170/po18-09-07
10. Safonova M.V., Lysenko O.F. Psychological and pedagogical support of the process of formation of psychological readiness for motherhood // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii (Pedagogical Education in Russia). 2020. No. 6. P. 218–223. DOI: 10.26170/po20-06-25
11. Symanyuk E.E., Polyakova I.G., Menshikov A.S. Transformation of family ties under the influence of assisted reproductive technologies // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10, No. 2. P. 657–676. DOI: 10.15826/qr.2022.2.694
12. Filippova G.G. Psychology of motherhood. 2nd Edition. Moscow: OOO Izdatelstvo YuRAYT, 2017. 211 p.
13. Filippova G.G., Abdullina S.A. Formation of a parent's internal position in ontogenesis // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education www.psyedu.ru). 2016. Vol. 8, No. 4. P. 142–152.
14. Afzali M., Entezari A. Motherhood: Types, meanings and motivations // Gender and Family Studies. 2020. Is. 8 (1). P. 41–70. URL: https://www.jgfs.ir/article_120024.html?lang=en
15. Ahnert L. Attachment to child care providers. In: R.A. Thompson, J.A. Simpson, & L.J. Berlin (Eds.), Attachment: The fundamental questions (p. 31–38). Berlin: Guildford Press, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1002/dev.22156>
16. Brett B.E., Stern J.A., Gross J.T., Cassidy J. Maternal depressive symptoms and preschoolers' helping, sharing, and comforting: The moderating role of child attachment // Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology. 2022. Is. 51 (5). P. 623–636. DOI: 10.1080/15374416.2020.1738235
17. Davis A., Carnelley K. Attachment: The what, the why, and the long-term effects // Frontiers for Young Minds. 2023. Is. 11. P. 809060. DOI: 10.3389/frym.2023.809060
18. Duschinsky R. Cornerstones of attachment research. Oxford University Press, 2020. 611 p.
19. Hesse E., Main M. Frightened, threatening, and dissociative parental behavior: Theory and associations with parental adult attachment interview status and infant disorganization // Development and Psychopathology. 2006. Is. 18. P. 309–343. DOI: 10.1017/S0954579406060172
20. Hovav A. Producing moral palatability in the Mexican surrogacy market // Gender Society. 2019. Is. 33. P. 273–95. DOI: 10.1177/0891243218823344
21. Liotti G. Attachment and dissociation. In: P.F. Dell, J.A.O' Neil (Eds.) Dissociation and the dissociative disorders: DSM-V and beyond (pp. 53–65). New York; Routledge. London, 2009. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203893920>
22. Payne J.G., Korolczuk E., Mezinska S. Surrogacy relationships: a critical interpretative review // Upsala Journal of Medical Sciences. 2020. Is. 125 (2). P. 183–191. DOI: 10.1080/03009734.2020.1725935
23. Rabenda A. The value of motherhood: paid maternity leave discourse in major U.S. media outlets in the years 2014–2018 // Journal of Education Culture and Society. 2021. Is. 12 (1). P. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.15503/jecs2021.1.68.85>
24. Sitsofe Gbogbo. Early motherhood: voices from female adolescents in the Hohoe Municipality, Ghana – a qualitative study utilizing Schlossberg's Transition Theory // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2020. Is. 15 (1). DOI: 10.1080/17482631.2020.1716620

УДК 159.922

СВЯЗЬ ОЦЕНОЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОВЕДЕНИИ В СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ СИТУАЦИЯХ С ВЫРАЖЕННОСТЬЮ МЕХАНИЗМОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ У ПОДРОСТКОВ¹

М.И. Аликин (Красноярск, Россия)

Л.С. Захарова (Красноярск, Россия)

Н.В. Лукьянченко (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Подростковый возраст – период интенсивного личностно-социального развития, формирования интрапсихических оснований отношения к социальной действительности и нормативной регуляции поведения. Среди психологических механизмов, участвующих в обеспечении адаптационных процессов включения личности в социальное взаимодействие, значимое место занимают механизмы психологической защиты. Исследователи рассматривают их значение в диалектике априорной необходимости либо патологичности проявления в процессах реализации потребностей личности в качестве ограничивающих фильтров восприятия информации о действительности. Причем роль этих ограничений в структурировании представлений о законах социального взаимодействия остается мало изученной. Это определило *цель* исследования – выявление характера связи оценочных представлений о нормативности-девиантности с выраженностью механизмов психологической защиты у подростков.

Методология исследования. Методологическую основу исследования составил системный подход, предполагающий рассмотрение психологической защиты как одного из интрапсихических механизмов, обеспечивающих целостную систему социальной адаптации развивающейся личности. В исследовании использовались: 1) авторский опросник, предлагающий оценить 25 значимых в аспекте определения негативной и позитивной девиантности характеристик поведения в вариантах собственного мнения и представляемого мнения друзей, большинства сверстников, родителей, взрослых; 2) разработанный Р. Плутчиком, Г. Келлерманом и Х.Р. Контом опросник «Индекс жизненного стиля», диагностирующий выраженность психологических защит. Респонденты – учащиеся общеобразовательных школ Красноярска и Красноярского края в возрасте 14–16 лет (N = 116). Метод обработки данных – корреляционный анализ.

Результаты. Выявлено, что связь оценочных представлений с выраженностью психологических защит имеет структуру с плотностью, различной у разных типов защит, разных категорий оцениваемых характеристик поведения и представляемых подростками мнений разных субъектов. Более насыщенную взаимосвязь с оценочными представлениями имеют сложные типы психологических защит. Наименьшую зависимость от выраженности психологических защит имеют представляемые подростками оценки взрослых, наибольшую – собственные оценки нормативности-девиантности различных характеристик поведения, а среди оценочных категорий более нагружены связями с выраженностью защит характеристики поведения, относимые к проявлениям социальной успешности и личностной слабости.

Заключение. Общей тенденцией в совокупности анализируемых взаимосвязей является связь с выраженностью психологических защит просоциальных оценочных представлений, направленных на осуждение негативной девиантности и сдерживание свободы самопроявления. Результаты исследования уточняют значение психологических защит в процессах социальной адаптации развивающейся личности.

Ключевые слова: подростки, сверстники, родители, нормы, девиантность, оценочные представления, психологические защиты.

Аликин Марк Игоревич – аспирант кафедры психологии и педагогики института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); ScopusAuthor ID: 57218956484; ORCID ID: 0000-0003-0737-4454; e-mail: pm2486@mail.ru

Захарова Лидия Станиславовна – главный специалист отдела по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних администрации Кировского района города Красноярска; ORCID ID: 0000-0002-4229-6132; e-mail: zls-24@mail.ru

Лукьянченко Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); ScopusAuthor ID: 57218951114; ORCID ID: 0000-0003-2813-9461; e-mail: Luk.nv@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда совместно с Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 22-28-20026, <https://rscf.ru/project/22-28-20026>.

Постановка проблемы. Подростковый возраст – период интенсивного личностно-социального развития, формирования интрапсихических оснований отношения к социальной действительности и нормативной регуляции поведения. Важнейшей характеристикой подростничества является формирование системы отношений к себе, к окружающим ближнего и дальнего круга и представлений о них как субъектах социального нормирования. Реализация этой возрастной задачи осложняется такими особенностями современного общества, как мультикультурность, динамичность, неопределенность предлагаемых социумом перспектив самоопределения, изменение межпоколенческих отношений, размывание традиционных механизмов передачи норм и ценностей [Богдановская и др., 2015; Eriksson et al., 2021; Lahmi et al., 2020; Kleef van, 2019].

В сложных условиях социальной адаптации обеспечение психологической стабильности, устойчивости развивающихся структур самоотношения и саморегуляции в качестве своего рода «подушки безопасности» необходимым образом предполагает задействование механизмов психологической защиты [Богомаз, 2008; Богомолов, Портнова, 2004; Котенева, 2008; Налчаджян, 2003; Тулупьева и др., 2006]. Психологические защиты способствуют снижению нервно-психической напряженности и гармонизации «Я-концепции». Психологами значение психологических защит в процессах становления личности и реализации ее потребностей рассматривается с альтернативных позиций: 1) патологичности проявления в качестве ограничивающих фильтров восприятия информации о действительности и 2) априорной необходимости снижения нервно-психической напряженности, гармонизации «Я-концепции». Снижая опасность деструктивных переживаний, защита поддерживает самоуважение человека, целостность сознания и поведенческую стабильность [Бассин, Бурлакова, 1988; Богомаз, 2008; Богомолов, Портнова, 2004; Гребенников¹,

¹ Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 20 с. URL: http://irbis.gnpbu.ru/Aref_1994/Grebennikov_L_R_1994.pdf (дата обращения: 01.09.2022).

1994; Мак-Вильямс, 2015]. При этом понимание значения психологических защит эволюционировало от исходно узкого рассмотрения в качестве инструмента разрешения внутриллических противоречий к анализу в контексте напряжений социогенного происхождения [Богомолов, Портнова, 2004; Скок, Шлимакова, 2018; Штроо, 2000].

Исследователями выявлено, что более зрелые типы психологических защит чаще используют молодые люди с интернальным локусом контроля, чем с экстернальным [Жарких, Костыря, 2022], с высоким уровнем субъективного благополучия [Пенкина, 2018], а менее конструктивные защиты характерны для подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации [Полина, 2020], подростков-правонарушителей [Шелонина, 2016], подростков, склонных к проявлению ксенофобии [Носов, 2011]; установлены специфические связи с выраженностью разных психологических защит чувствительности молодых людей к влияниям [Скок, Шлимакова, 2018], самооценки состояния здоровья [Позднякова, 2020], стратегий поведения в конфликте [Симонова и др., 2020].

При этом роль психологических защит в оформлении представлений о законах социального взаимодействия остается мало изученной. Ввиду этого было проведено исследование связи оценочных представлений о нормативности-девиантности с выраженностью механизмов психологической защиты у подростков.

Методология и база исследования. Методологическую основу исследования составил системный подход, предполагающий рассмотрение психологической защиты как одного из интрапсихических механизмов, обеспечивающих целостную систему социальной адаптации развивающейся личности.

При проведении исследования были использованы следующие методики.

1. Для выявления оценочных представлений использовался опросник, разработанный на основе результатов анкетирования представительной выборки подростков о том, что они считают значимым для оценивания с точки зрения негативной и позитивной девиантности [Лукьянченко и др., 2022]. Инструкцией опросника пред-

лагалось оценить 25 поступков, действий и характеристик поведения, относимых к семантическим категориям «Криминогенность», «Личностная слабость/ресурсность», «Этика», «Отношения», «Социальная успешность». Оценивание делалось по шкале из пяти градаций: «недопустимо» (эквивалент делинквентности); «недостойно» (эквивалент негативной девиантности); «допустимо»; «нормально»; «предмет гордости» (эквивалент позитивной девиантности). Оценивание проводилось в вариантах: «по моему мнению», «по мнению моих друзей», «по мнению большинства моих сверстников», «по мнению моих родителей», «по мнению большинства взрослых».

2. Разработанный Р. Плутчиком, Г. Келлерманом и Х.Р. Контом опросник «Индекс жизненного стиля» (LifeStyleIndex, LSI) [Вассерман и др., 2005; Plutchik et al., 1994] использовался для выявления выраженности следующих видов психологических защит. Отрицание – неприятие информации, угрожающей самоуважению или социальному престижу личности. Подавление – вытеснение в бессознательное неприемлемых для личности, вызывающих тревогу желаний, мыслей, чувств. Регрессия – избегание тревоги путем перехода на более ранние стадии развития либидо, замена решения субъективно сложных задач на более простые и доступные в сложившихся ситуациях. Компенсация – замена реального или воображаемого недостатка с помощью

фантазирования или присвоения себе свойств, достоинств, ценностей, поведенческих характеристик другой личности. Проекция – приписывание неприемлемых для личности и при этом неосознаваемых чувств и мыслей другим людям. Замещение – разрядка подавленных эмоций в направлении объектов, представляющих меньшую опасность или более доступных, чем те, которые их вызвали. Интеллектуализация – пресечение переживаний, вызванных субъективно неприемлемой ситуацией при помощи логических манипуляций даже при наличии убедительных доказательств в пользу противоположного. Реактивные образования – предотвращение выражения субъективно неприемлемых мыслей, чувств, поступков путем преувеличенного развития противоположных.

В исследовании приняли участие 116 учащихся общеобразовательных школ Красноярска и Красноярского края в возрасте 14–16 лет, из них: 61 респондент мужского пола и 55 – женского.

В качестве метода математической обработки использовался корреляционный анализ (коэффициент Спирмена).

Результаты исследования. В таблице приведены показатели выраженности психологических защит, имеющих достоверные связи оценки значимых для подростков характеристик поведения в представляемом респондентами мнении различных субъектов.

Взаимосвязь оценочных представлений о нормативности-девиантности с выраженностью механизмов психологической защиты у подростков

The relationship between evaluative ideas about normativity/deviancy and severity of psychological defense mechanisms in adolescents

Категория	Действия и характеристики поведения	Мое мнение	Мнение друзей	Мнение сверстников	Мнение родителей	Мнение взрослых
1	2	3	4	5	6	7
Криминогенность	Присваивание чужого имущества		(-)К*		(-)Пр*	
	Убийство человека		(-)К*		(-)Пр*; РО*	(-) РО*
	Убийство животного		(-)З*			
	Распространение наркотиков	(-)К*				
	Повреждение чужого имущества					
Личностная слабость/ресурсность	Курение	(-) РО*	(-)И*	(-)И*		(-) РО*
	Употребление алкоголя	(-) РО*	(+)Пр*; (-)И*	(-)К*, РО*		
	Употребление психоактивных веществ		(-)И*	(-)И*		
	Отстаивание своего мнения	(-)П*; И*	(-)И*	(-)И*		
	Честность	(+)О*		(+)О**	(-)П*; И*	

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
Этика	Соблюдение норм поведения в общественных местах	(+)РО**				
	Проявление уважения к пожилым людям и инвалидам	(+)Р**; РО*			(+)Пр**; РО**	(+)Пр**; РО**
	Уравновешенное поведение в ситуациях разногласия		(+)РО**	(+)РО**	(-)З*	
	Обнажение в публичных местах	(-)РО*	(+)Пр*			
	Поведение в соответствии с собственными желаниями в независимости от оценок и самочувствия окружающих	(-)И*	(-)И*	(-)И*	(-)И*	
Отношения	При наличии близкого отношения с одним человеком проявления симпатии к другому		(-)И*			
	Поддержка друзей, когда они игнорируют, унижают кого-то			(-)И*		
	При наличии близких друзей установление доверительных отношений с другими людьми	(-)Р*	(-)О*			
	Помощь родителям					
	Помощь животным	(-)И*	(-)И*			
Социальная успешность	Хорошая учеба	(+)О**, К**		(+)Пр**, РО**	(-)И*	
	Успехи во внеучебной деятельности				(+)Пр**; (-)И*	
	Здоровый образ жизни			(+)Пр*		(+)Пр*
	Спасение человека или животного с риском для жизни	(+)Пр*	(+)Пр**	(+)Пр*, Р**	(+)Пр*	(+)Пр*
	Активная подготовка к будущей профессиональной карьере	(+)О**	(+)О**	(+)О**		

Примечание. (+) – прямые корреляционные связи, (-) – обратные корреляционные связи; * – значимая корреляционная связь ($p \leq 0,05$); ** – высокозначимая корреляционная связь ($p \leq 0,01$); О – отрицание, П – подавление, Р – регрессия К – компенсация, Пр – проекция, З – замещение, И – интеллектуализация, РО – реактивные образования.

Минимальное количество связей с выраженностью психологических защит имеют представляемые подростками оценки характеристик поведения, относящихся к категориям «Криминогенность» и «Отношения». Наибольшее количество связей у характеристик, относящихся к категориям «Личностная слабость/ресурсность», «Социальная успешность», несколько меньшее – у характеристик категории «Этика».

Среди представляемых подростками оценок нормативности-девиантности разных субъектов наименьшую связь с механизмами психологической защиты имеют представляемые оценки взрослых.

Уровневые значения оценочных представлений подростков в минимальной степени оказались связаны с выраженностью психологических защит *подавление, замещение и регрессия*.

Показатели выраженности отрицания и компенсации имеют несколько большее количество связей. Наиболее широкий диапазон связей обнаружили показатели выраженности защит *реактивные образования, проекция* и особенно *интеллектуализация*. Интересно отметить некоторую тематическую специфику связей каждой из этих защит. С выраженностью реактивных образований связана степень осуждения убийства, курения, употребления алкоголя и положительной оценки соответствия поведения этическим канонам, а также хорошей учебы в представляемых подростками оценках разных субъектов. С выраженностью защиты *проекция* связано большее осуждение криминогенных действий в представляемых респондентами оценках родителей и более позитивные оценки различными субъектами проявлений социальной успешности. С выраженностью психологической защиты

интеллектуализация связана сила осуждения курения, употребления психоактивных веществ, буллинга, эгоцентрического поведения, но при этом и более низких оценок отстаивания своего мнения, свободы отношений, честности, помощи животным и внеучебных успехов.

Заключение. Проведенное исследование показало, что общей тенденцией в совокупности анализируемых взаимосвязей является связь с выраженностью психологических защит просоциальных оценочных представлений, направ-

ленных на осуждение негативной девиантности и сдерживание свободы самопроявления. Более насыщенную взаимосвязь с оценочными представлениями имеют сложные типы психологических защит. Наименьшую зависимость от выраженности психологических защит имеют представляемые подростками оценки взрослых, наибольшую – собственные оценки.

Результаты исследования уточняют значение психологических защит в процессах социальной адаптации развивающейся личности.

Библиографический список

1. Бассин Ф.В., Бурлакова М.К., Волков В.Н. Проблема психологической защиты // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 3. С. 78–86.
2. Богдановская И.М., Иконникова Г.Ю., Королева Н.Н. Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7, № 1. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070101. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2015_n1/75625 (дата обращения: 04.09.2023).
3. Богомаз С.Л. Психологическая защита личности: методология, механизмы, инструментарий // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2008. Т. 7. С. 228–254. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22414923> (дата обращения: 04.09.2023).
4. Богомолов А.М., Портнова А.Г. Связь интенсивности психологической защиты личности с процессом самореализации // Психологическая наука и образование. 2004. Т. 9, № 2. С. 30–35. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2004_n2/Bogomolov (дата обращения: 03.09.2023).
5. Вассерман Л.И. и др. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 50 с. URL: <http://www.medpsy.ru/library/library146.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Жарких Н.Г., Костыря С.С. Психологические защиты у лиц с разным уровнем субъективного контроля // Социально-гуманитарные технологии. 2022. № 3 (23). С. 47–54. URL: <https://ies.unitechmo.ru/files/upload/publications/15597/ee3ac69cc0f50beea2e90d50f4071c10.pdf> (дата обращения: 03.09.2023).
7. Котенева А.В. История развития представлений о психологической защите в зарубежной психологии // Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 2 (35). С. 245–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11673303> (дата обращения: 01.09.2023).
8. Лукьянченко Н.В., Захарова Л.С., Аликин М.И. Представления подростков о критериях нормативного оценивания // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 3 (61). С. 109–124. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-61-3-356. URL: <http://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/451> (дата обращения: 03.09.2023).
9. Мак-Вильямс Н.К. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2015. 592 с.
10. Налчаджян А.А. Психологические защитные механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности. Самара, 2003. С. 395–481.
11. Носов С.С. Особенности механизмов психологических защит у мальчиков-подростков, склонных к проявлению ксенофобии // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2011. № 1. С. 20–30. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39932 (дата обращения: 03.09.2023).

12. Пенкина Ю.Д. Психологическая защита личности старшекласников с разным уровнем субъективного благополучия // Молодежь XXI века: шаг в будущее: матер. XIX регион. науч.-практ. конф.: в 3 т. Благовещенск, 23 мая 2018 г. Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2018. Т. 1. С. 205–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35368932> (дата обращения: 03.09.2023).
13. Позднякова Т.Б. Механизмы психологической защиты и отношение к здоровью в юношеском возрасте // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 11 (189). С. 641–644. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p641-644. URL: <https://lesgaft-notes.spb.ru/ru/node/19310> (дата обращения: 03.09.2023).
14. Полина А.В., Овчарова Е.В. Особенности проявления механизмов психологической защиты у подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию // Национальная Ассоциация ученых. 2020. № 61-4 (61). С. 40–43. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.4.61.338. URL: <https://archive.national-science.ru/index.php/nas/article/view/65> (дата обращения: 03.09.2023).
15. Симонова Т.С., Головачева А.В., Забродина Л.А. Стратегия поведения в конфликте в зависимости от психологических защит у подростков // Современное образование: размышления, взгляды и возможности: сб. науч. тр. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., Астрахань, 25 апреля 2020 г. Астрахань: Профессиональная наука, 2020. С. 20–26. URL: http://scipro.ru/conf/proceedings2_25042020.pdf (дата обращения: 03.09.2023).
16. Скок А.Г., Шлимакова И.И. Взаимосвязь чувствительности к влияниям и механизмов психологической защиты у молодежи // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е: Педагогические науки. 2018. № 15. С. 76–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36747217> (дата обращения: 03.09.2023).
17. Тулупьева Т.В. и др. Психологическая защита и особенности личности в юношеском возрасте: автоматизация обработки данных исследования и их статистический анализ // Труды СПИИРАН. 2006. № 2 (3). С. 224–243. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.3.19>. URL: <http://ia.spcras.ru/index.php/sp/article/view/1256> (дата обращения: 03.09.2023).
18. Шелонина Т.В. Механизмы психологической защиты подростков с деструктивным поведением // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сб. тезисов участников Всерос. конф. по юридической психологии с междунар. участием. Москва, 10–12 ноября 2016 г. М.: МГППУ, 2016. С. 163–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27693435> (дата обращения: 03.09.2023).
19. Штроо В.А. Защитные механизмы групповой динамики: дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 133 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zashchitnye-mekhanizmy-gruppovoi-dinamiki> (дата обращения: 03.09.2023).
20. Eriksson K. [et al.] Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies // Nature Communication. 2021. Vol. 12. Article ID 1481. 11 p. DOI: 10.1038/s41467-021-21602-9 URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-021-21602-9> (дата обращения: 03.09.2023).
21. Kleef van G., Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement // Journal of Experimental Social Psychology. 2019. Vol. 84. Article ID 103860. 5 p. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.05.002. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/50460442/1_s2.0_S0022103119303166_main.pdf (дата обращения: 03.05.2023).
22. Lahmi A., Rasyid A., Ritonga M. The role of parents in forming morality adolescents puberty in globalization era // International Journal of Future Generation Communication and Networking. 2020. Vol. 13. P. 3991–3996. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348355178> (дата обращения: 03.09.2023).
23. Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. Ego defenses: Theory and measurement / Ed. by H.P. Conte and R. Plutchik. New York, 1994. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4613-2892-6_9 (дата обращения: 03.05.2023).

THE RELATIONSHIP OF EVALUATIVE PERCEPTIONS ABOUT BEHAVIOR IN SOCIALLY SIGNIFICANT SITUATIONS AND THE EXPRESSIVENESS OF PSYCHOLOGICAL DEFENSE MECHANISMS IN ADOLESCENTS

M.I. Alikin (Krasnoyarsk, Russia)

L.S. Zakharova (Krasnoyarsk, Russia)

N.V. Lukyanchenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Adolescence is a period of intense personal and social development, the formation of intrapsychic foundations of attitude towards social reality and normative regulation of behavior. Among the psychological mechanisms involved in ensuring the adaptive processes of including an individual in social interaction, psychological defense mechanisms occupy a significant place. Researchers consider their significance in the dialectic of a priori necessity, or the pathological manifestation in the processes of realizing the needs of an individual as limiting filters for the perception of information about reality. At the same time, what role these restrictions play in structuring ideas about the laws of social interaction remains a poorly studied question.

This determined *the purpose of the study* – to identify the nature of the connection between evaluative ideas about normativity/deviance and the severity of psychological defense mechanisms in adolescents.

Methodology (materials and methods). The methodological basis of the study was a systematic approach, which involves considering psychological defense as one of the intrapsychic mechanisms that provide an integral system of social adaptation of the developing personality. The study used: 1) the author's questionnaire, which proposes to evaluate 25 significant characteristics of behavior in terms of determining negative and positive deviance in the variants of one's own opinion and the represented opinion of friends, the majority of peers, parents, and the majority of adults; 2) developed by R. Plutchik, G. Kellerman and H.R. Conte, the "Life style index" questionnaire, diagnosing the severity of psychological defenses. The respondents are students of secondary schools in Krasnoyarsk and the Krasnoyarsk Territory aged 14–16 years (N = 116). Data processing method is correlation analysis.

Research results. It was revealed that the connection between evaluative ideas and the severity of psychological defenses has a structure with a density that is different for different types of defenses, different categories of assessed behavioral characteristics and the opinions of different subjects represented by adolescents. Complex types of psychological defenses have a more intense relationship with evaluative ideas. Adolescents' assessments of adults have the least dependence on the severity of psychological defenses, the greatest dependence on their own assessments of the normativity/deviance of various characteristics of behavior, and among the evaluative categories, behavioral characteristics related to manifestations of social success and personal weakness are more loaded with connections linked to the severity of defenses.

Conclusion. The general trend in the totality of the analyzed relationships is the connection with the severity of psychological defenses of prosocial evaluative ideas aimed at condemning negative deviance and restraining freedom of self-expression. The results of the study clarify the significance of psychological defenses in the processes of social adaptation of a developing personality.

Keywords: *teenagers, peers, parents, norms, deviance, evaluative ideas, psychological defenses.*

Alikin, Mark I. – PhD Candidate, Department of Psychology and Pedagogy, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); Scopus Author ID: 57218956484; ORCID ID: 0000-0003-0737-4454; e-mail: pm2486@mail.ru

Zakharova, Lidiya S. – Chief Specialist, Department for Custody and Guardianship of Minors, Administration of the Kirovsky District, Krasnoyarsk (Krasnoyarsk, Russia); ORCID ID 0000-0002-4229-6132; e-mail: zls-24@mail.ru

Lukyanchenko, Natalya V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Institute of Social Engineering, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); Scopus Author ID: 57218951114; ORCID ID: 0000-0003-2813-9461; e-mail: Luk.nv@mail.ru

---

Reference

1. Bassin F.V., Burlakova M.K., Volkov V.N. The problem of psychological protection // *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal)*. 1988. Vol. 9, No. 3. P. 78–86.

2. Bogdanovskaya I.M., Ikonnikova G.Yu., Koroleva N.N. The role of modern information and communication environment in the formation of the identity and image of the world in modern adolescents // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education psyedu.ru). 2015. Vol. 7, No. 1. P. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070101. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2015_n1/75625 (access date: 04.09.2023).
3. Bogomaz S.L. Psychological protection of an individual: methodology, mechanisms, tools // *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* (Scientific Notes of the Voronezh State University named after P.M. Masherov). 2008. Vol. 7. P. 228–254. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22414923> (access date: 04.09.2023).
4. Bogomolov A.M., Portnova A.G. Relationship between the intensity of psychological protection of an individual and the process of self-realization // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education). 2004. Vol. 9, No. 2. P. 30–35. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2004_n2/Bogomolov (access date: 03.09.2023).
5. Wasserman L.I. et al. Psychological diagnostics of the life style index. St. Petersburg: NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2005. 50 p. <http://www.medpsy.ru/library/library146.pdf> (access date: 01.09.2022).
6. Zharkikh N.G., Kostyrya S.S. Psychological protection in persons with different levels of subjective control // *Sotsialno-gumanitarnye tekhnologii* (Social and Humanitarian Technologies). 2022. No. 3 (23). P. 47–54. URL: <https://ies.unitech-mo.ru/files/upload/publications/15597/ee3ac69cc0f50beea2e90d50f4071c10.pdf> (access date: 03.09.2023).
7. Koteneva A.V. History of the development of ideas about psychological protection in foreign psychology // *Voprosy gumanitarnykh nauk* (Questions of the Humanities). 2008. No. 2 (35). P. 245–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11673303> (access date: 01.09.2023).
8. Lukyanchenko N.V., Zakharova L.S., Alikin M.I. Adolescents' ideas about the criteria for normative assessment // *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva* (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2022. No. 3 (61). P. 109–124. DOI: 10.25146/1995-0861-2022-61-3-356. URL: <http://vestnik.kspu.ru/index.php/vestnik/article/view/451> (access date: 03.09.2023).
9. McWilliams N.K. Psychoanalytic diagnostics: understanding the structure of personality in the clinical process. Moscow: Klass, 2015. 592 p.
10. Nalchadzhyan A.A. Psychological protective mechanisms. In: *Self-awareness and protective mechanisms of an individual*. Samara, 2003. P. 395–481.
11. Nosov S.S. Features of psychological defense mechanisms in teenage boys prone to xenophobia // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* (Psychological Science and Education psyedu.ru). 2011. No. 1. P. 20–30. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39932 (access date: 03.09.2023).
12. Penkina Yu.D. Psychological protection of the personality of high school students with different levels of subjective well-being. In: *Proceedings of the 19th Regional scientific and practical conference "Youth of the 21st century: a step into the future"*. In 3 volumes. Blagoveshchensk, May 23, 2018. Vol. 1. Blagoveshchensk: Far Eastern State Agrarian University, 2018. P. 205–206. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35368932> (access date: 03.09.2023).
13. Pozdnyakova T.B. Mechanisms of psychological protection and attitude to health in adolescence // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2020. No. 11 (189). P. 641–644. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.11.p641-644. URL: <https://lesgaft-notes.spb.ru/node/19310> (access date: 03.09.2023).
14. Polina A.V., Ovcharova E.V. Features of the manifestation of psychological defense mechanisms in adolescents who find themselves in a difficult life situation // *Natsionalnaya Assotsiatsiya Uchenykh* (National Association of Scientists). 2020. No. 61-4 (61). P. 40–43. DOI: 10.31618/nas.2413-5291.2020.4.61.338. URL: <https://archive.national-science.ru/index.php/nas/article/view/65> (access date: 03.09.2023).

15. Simonova T.S., Golovacheva A.V., Zabrodina L.A. Strategy of behavior in conflict depending on psychological defenses in adolescents. In: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "Modern education: reflections, views and opportunities", Astrakhan, April 25, 2020. Astrakhan: Professionalnaya nauka, 2020. P. 20–26. URL: http://scipro.ru/conf/proceedings2_25042020.pdf (access date: 03.09.2023).
16. Skok A.G., Shlimakova I.I. The relationship between sensitivity to influences and psychological defense mechanisms in young people // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki (Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences). 2018. No. 15. P. 76–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36747217> (access date: 03.09.2023).
17. Tulupyeva T.V. et al. Psychological protection and personality traits in adolescence: automation of processing research data and their statistical analysis. In: SPIIRAS Proceedings. 2006. No. 2 (3). P. 224–243. <https://doi.org/10.15622/sp.3.19>. URL: <http://ia.spcras.ru/index.php/sp/article/view/1256> (access date: 03.09.2023).
18. Shelonina T.V. Mechanisms of psychological protection of adolescents with destructive behavior. In: Proceedings of the All-Russian Conference on Legal Psychology with International Participation "Kochenov readings: Psychology and Law in Modern Russia", Moscow, November 10–12, 2016. Moscow: MGPPU, 2016. P. 163–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27693435> (access date: 03.09.2023).
19. Shtroo V.A. Defense mechanisms of group dynamics: PhD (Psychology) Summary. Moscow, 2000. 133 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/zashchitnye-mekhanizmy-gruppovoi-dinamiki> (access date: 03.09.2023).
20. Eriksson K. [et al.] Perceptions of the appropriate response to norm violation in 57 societies // Nature Communication. 2021. Vol. 12. Article ID 1481. 11 p. DOI: 10.1038/s41467-021-21602-9. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-021-21602-9> (access date: 03.09.2023).
21. Kleef van G., Gelfand M., Jetten J. The dynamic nature of social norms: new perspectives on norm development, impact, violation, and enforcement // Journal of Experimental Social Psychology. 2019. Vol. 84. Article ID 103860. 5 p. DOI: 10.1016/j.jesp.2019.05.002. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/50460442/1_s2.0_S0022103119303166_main.pdf (access date: 03.05.2023).
22. Lahmi A., Rasyid A., Ritonga M. The role of parents in forming morality adolescents puberty in globalization era // International Journal of Future Generation Communication and Networking. 2020. Vol. 13, No. P. 3991–3996. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348355178> (access date: 03.09.2023).
23. Plutchik R., Kellerman H., Conte H. R. Ego defenses: Theory and measurement / Ed. by H.P. Conte and R. Plutchik. New York, 1994. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4613-2892-6_9 (access date: 03.05.2023).

УДК 159.9

ПОПУЛЯРНЫЕ ДЕТСКИЕ МУЛЬТФИЛЬМЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ДОШКОЛЬНИКОВ 6–7 ЛЕТ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ¹

Л.В. Арамачева (Красноярск, Россия)

Е.Ю. Дубовик (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы и цель. В статье актуализируется проблема исследования мультипликационных предпочтений современных детей дошкольного возраста. Отмечено, что в настоящее время меняется жизненное пространство ребенка, с ранних лет в него входит экранная культура (Интернет, компьютерные игры, телевидение, мультфильмы), соответственно, большую часть свободного времени дошкольник отводит просмотру мультфильмов, что не может не сказаться на его развитии. Показана значимость изучения представлений современных родителей о детских мультипликационных предпочтениях, поскольку именно родители определяют контент современной мультипликационной индустрии для своего ребенка.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать мультипликационные предпочтения детей 6–7 лет, а также особенности представлений родителей о детских мультипликационных предпочтениях.

Методологию исследования составляют положения научных теорий Л.С. Выготского, Л.Ф. Обухова, рассматривающие закономерности психического развития ребенка; труды С. Московичи, Д. Жоделе, раскрывающие природу социальных представлений человека; современные отечественные и зарубежные исследования относительно роли мультфильмов в развитии ребенка: Е.О. Смирновой, М.В. Соколовой, Н.Ю. Матушкиной, М.В. Корепановой, О.В. Куниченко, И.В. Гундоровой, К. Habib, Т. Soliman, R. Huesmann, J.S. Kirsh, H. Klein и др.

Методы исследования: опрос (беседа с детьми, анкетирование родителей), контент-анализ полученных ответов.

Результаты исследования. В ходе исследования: определено, какие мультфильмы предпочитают смотреть современные дошкольники (выделены особенности сюжета, эмоциональные характеристики персонажей и главного героя); изучены представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей (какие мультфильмы нравятся ребенку, чем привлекательны сюжет, главный герой).

Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей не соответствуют реальности, характеры, образы героев мультфильмов воспринимаются детьми и их родителями по-разному.

Заключение. Исследование отображает в том числе характер отношений современного ребенка с родителями: просмотр мультфильмов не обсуждается с ребенком, следовательно, утрачивается развивающий и воспитательный потенциал мультфильма, заложенный создателями.

Авторы показывают необходимость просвещения родителей о возможностях использования просмотра мультфильмов как способа организации семейного досуга, совместной деятельности с ребенком, а также средства детского развития и воспитания.

Ключевые слова: мультфильм, представления родителей, мультипликационные предпочтения дошкольников, отношения ребенка с родителями.

Арамачева Людмила Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0001-8484-6545; e-mail: ludvik_76@mail.ru

Дубовик Евгения Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0001-6249-8383; e-mail: duevur2015@mail.ru

¹ Публикация подготовлена по результатам работ с использованием средств гранта Красноярского краевого фонда науки № 2022031008473 «Разработка и апробация информационно-методического портала как средства психолого-педагогического сопровождения современных родителей на основе диагностики их потребностей и затруднений».

Постановка проблемы. Просмотр мультфильмов в современном мире стал наиболее распространенным занятием детей начиная с самого раннего возраста. Большую часть свободного времени дети проводят у экрана телевизора, компьютера или телефона, при этом преимущественно они заняты просмотром мультфильмов [Гундорова, 2010; Смирнова и др., 2014]. Именно мультфильм стал сегодня для ребенка одним из основных носителей и трансляторов представлений о мире, отношений между людьми и норм их поведения.

У каждого родителя свои взгляды на то, какие мультфильмы должен смотреть их ребенок [Арамачева и др., 2022а; 2022б]. Большинство родителей воспитывались на отечественной и американской анимационной классике и считают, что именно эти мультфильмы как нельзя лучше подходят для детей, так как они добрее, поучительнее, в них есть смысловое содержание.

Другие акцентируют внимание на современной мультипликации, представленной большим числом как развлекательных, так и развивающих мультфильмов, мультсериалов [Немова, Бурухина, 2014].

Часто ребенок не разделяет мнение родителей: вместо полезных мультфильмов предпочитает что-то мелькающее, со взрывами, вспышками, сражениями персонажей.

За последние годы появилось огромное количество разнообразных мультфильмов как отечественного, так и зарубежного производства. Поэтому важно понимать, какие мультфильмы интересны современным дошкольникам, почему им нравятся те или иные герои, на кого они хотят быть похожими и как они понимают сюжет мультфильма. Не менее важным является изучение представлений современных родителей о детских мультипликационных предпочтениях, поскольку именно родители определяют контент современной мультипликационной индустрии для своего ребенка [Корепанова, Куниченко, 2013; Куниченко, 2014; Куниченко², 2015].

² Куниченко О.В. Особенности воспитания нравственного поведения старших дошкольников средствами мультипликационных фильмов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Волгоград, 2015. 233 с.

Цель исследования – провести эмпирическое исследование для определения популярных детских мультфильмов в представлениях современных дошкольников 6–7 лет и их родителей, а также выявления различий в мнениях детей и родителей.

Методологическую основу исследования составили положения научных теорий Л.С. Выготского, Л.Ф. Обуховой, рассматривающие закономерности психического развития ребенка; труды С. Московичи, Д. Жоделе, раскрывающие природу социальных представлений человека; современные отечественные и зарубежные исследования относительно роли мультфильмов в развитии ребенка: О.А. Немова, Т.В. Свадьбина, Е.О. Смирновой, М.В. Соколовой, Н.Ю. Матушкиной, М.В. Корепановой, О.В. Куниченко, И.В. Гундоровой, К. Habib, T. Soliman, R. Huesmann, J.S. Kirsh, H. Klein и др.

Теоретический обзор. В контексте настоящего исследования требует уточнения категория социальных представлений. Социальные представления, по мнению С. Московичи, это универсальный социально-психологический феномен, включающий все формы познания, объединяющий идеи, мысли, образы и знание, которыми совместно пользуются члены коллектива (общности). С. Московичи [1995], объясняя природу социальных представлений, считает их рядом понятий, высказываний и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностного общения. Уточняя определение, данное Д. Жоделе, С. Московичи считает социальные представления «формой познания социальной действительности» [Московичи, 1995; Jodelet, 1989]. В более широком плане социальные представления – это свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысление социального, материального и идеального окружения. Актуальность исследования социальных представлений определяется интересом современной психологии не только к изучению представлений человека, но и к исследованию вопросов детства через систему социальных представлений (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, Г.М. Андреева и др.). В контексте данного исследования мы выявляли социальные представления родителей

о своем ребенке, в частности о детских мультипликационных предпочтениях.

В настоящее время вопрос влияния содержания продуктов мультипликационной индустрии на ребенка активно изучается социологами, психологами, культурологами, педагогами и многими другими исследователями. В работах Н.С. Хомяковой рассматриваются проблемы, связанные с влиянием масс-медиа на формирование интересов, образа жизни детей. Среди важнейших потребностей, реализуемых детьми в процессе приобщения к мультипликации, автор выделяет: потребность в информационных связях с окружающим миром; потребность в отвлечении и развлечении. Автором предлагается ряд специальных мероприятий, которые помогут дифференцировать факты отрицательного и положительного воздействия современных мультфильмов на ребенка [Хомякова, 2011]. В работах В.И. Ильясовой рассматриваются теоретические и социально-психологические аспекты влияния современной мультипликации на психику ребенка [Ильясова, 2016]. И.А. Лукашенко заостряет внимание на том, что актуальность назревшей проблемы детской нравственности вызывает необходимость обоснования и реализации условий грамотного использования детского мультипликационного контента [Лукашенко, 2015]. Таким образом, в современных исследованиях отмечаются противоречивые тенденции влияния достижений

мультипликационной индустрии на процесс формирования личности ребенка.

Материалы и методы исследования

В исследовании участвовали: 10 детей 6–7 лет, посещающих подготовительную группу детского сада; 21 родитель (выборку составили в том числе мамы, папы, бабушки дошкольников).

Основным методом исследования стал опрос детей и родителей: проводились беседа с детьми и анкетирование родителей.

В ходе эмпирической работы проверялись гипотезы:

1. Представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей не соответствуют реальности.
2. Характеры, образы героев мультфильмов воспринимаются детьми и их родителями по-разному.
3. Современные дети смотрят только современные мультфильмы.
4. При просмотре мультфильмов дети не фиксируют внимание на основной его идее, отвлекаясь на средства выразительности.
5. Современные мультфильмы не отражают запросы современных детей. При создании мультфильмов не учитываются интересы детей.

Результаты исследования, обсуждение

Первым этапом исследования стало выявление мультипликационных предпочтений детей 6–7 лет (рис. 1).

Рис. 1. Анализ мультипликационных предпочтений детей 6–7 лет

Fig. 1. Analysis of cartoon preferences among 6–7-year-old children

Анализ ответов детей на вопрос «Какие мультфильмы ты любишь смотреть? Назови 3 мультфильма» выявил наиболее популярные, предпочитаемые детьми мультфильмы: «Ми-ми-мишки», «Три кота», «Маша и медведь».

Ответы детей на вопрос «Какой у тебя любимый мультфильм?» показали, что их интересы достаточно разноплановые, все 100 % детей выбрали разные мультфильмы. Дошкольники отмечали, что смотрят любимый мультфильм помногу раз.

Ответы детей на вопрос: «О чем твой любимый мультфильм?» демонстрируют, что дети выделяют такие особенности сюжета: «герой быстро бегает, злодей гоняется за ним»; «герои спасают мир», «Суперкот может все разрушить», – что показывает интерес к ярким звуковым и визуальным эффектам (превращениям, погоням и др.).

Некоторые дети затрудняются описывать сюжет, указывают лишь: «Там разные серии...»; «Много разных серий...».

Ответы на вопрос «Ты бы посоветовал кому-нибудь посмотреть твой любимый мультфильм?»

Почему?» показывают, что дошкольники наиболее часто выделяют эмоциональные характеристики мультфильма: «Потому что он добрый, хороший». Значимым для дошкольников является, также, наличие продолжения мультфильма: «...каждый день новая серия».

Часть детей сказали, что «не желают показывать кому-нибудь свой любимый мультфильм», потому что: «Он для старших не подходит»; или: «Не хочу, чтобы смотрели мои мультики!».

К особенностям поведения героев, отмеченным детьми, можно отнести такие характеристики: *добрый* (показывает значимость позитивного эмоционального общения), *главный* (управляет всеми). Результаты отражают возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста – желание быть «большим», управлять всем, как взрослые [Ермизина, 2010; Yousaf et al., 2015].

На втором этапе исследования изучались представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей 6–7 лет (рис. 2).

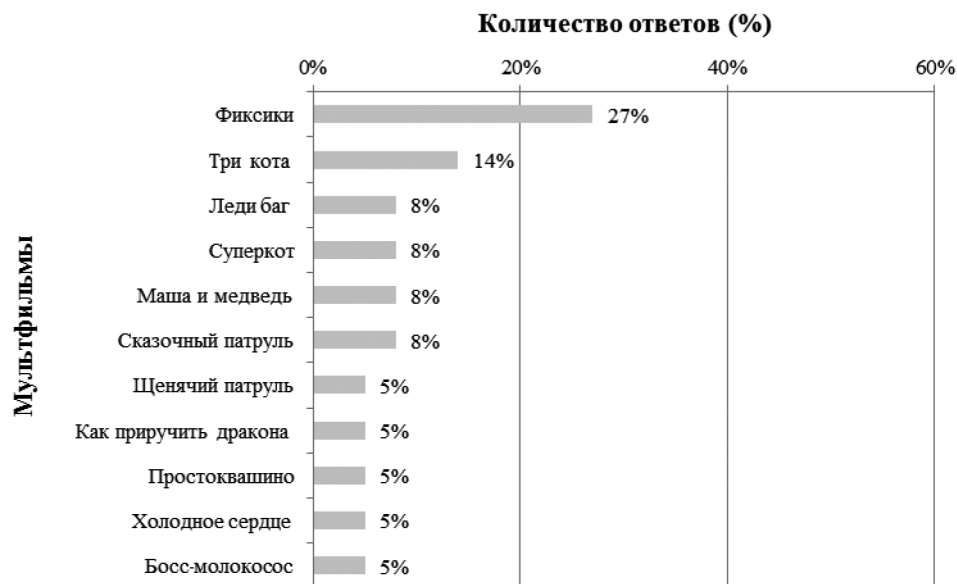

Рис. 2. Анализ представлений родителей о мультипликационных предпочтениях детей 6–7 лет
Fig. 2. Analysis of parents' ideas about cartoon preferences of 6–7-year-old children

Установлено: родители считают, что детям в большей мере нравятся мультфильмы с познавательным содержанием. Самым «любимым» мультфильмом своего ребенка называют «Фиксики». Данный факт показывает, что родители осознают важность познавательного развития

детей и стремятся к организации «полезного» досуга своего ребенка.

Ответы на вопрос «Что больше всего привлекает ребенка в любимом мультфильме?» показывают уверенность родителей в важности сюжета мультфильма для ребенка.

Ценность мультфильма для ребенка родители видят в первую очередь в том, что он «...имеет познавательное содержание».

В то же время часть родителей выражают негативное отношение к современным детским мультфильмам: «Бессмысленный», «Нет целостного сюжета»; «Мне больше по душе советские мультфильмы, они добрее и содержательнее».

Характеризуя главного героя любимого мультфильма своего ребенка, родители чаще выделяют характеристику *добрый*, достаточно часто звучит характеристика *яркий*, что показывает понимание значимости эмоциональных переживаний ребенка при просмотре мультфильма [Куниченко, 2014].

Полученные результаты позволяют сделать выводы относительно выдвинутых гипотез.

Гипотеза 1 – представления родителей о мультипликационных предпочтениях детей не соответствуют реальности – подтверждается.

Наиболее популярные, предпочитаемые детьми мультфильмы: «Ми-ми-мишки», «Три кота», «Маша и медведь».

Взрослые считают, что детям в большей мере нравятся мультфильмы с познавательным содержанием, самым «любимым» мультфильмом своего ребенка называют «Фиксики».

Гипотеза 2 – характеры, образы героев мультфильмов воспринимаются детьми и их родителями по-разному – подтверждается частично.

Характеризуя главного персонажа любимого мультфильма, дети отмечают такие его характеристики: *добрый* (показывает значимость позитивного эмоционального общения), *главный* (управляет всеми) – возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста – желание быть «большим», управлять всем, как взрослые.

Родители выделяют также характеристику *добрый*, достаточно часто звучит характеристика *яркий*.

Гипотеза 3 – современные дети смотрят только современные мультфильмы – подтверждается.

Мультфильмы, отмеченные детьми как популярные и «любимые» («Ми-ми-мишки», «Маша и медведь», «Щенячий патруль»), транслируются с 2014–2015 гг.

Мультфильмы, отмеченные родителями как популярные у детей («Фиксики» – выпуск в 2010 г., «Три кота» – выпуск в 2015 г.), также являются современными. Представления детей и родителей в целом совпадают.

Гипотеза 4 – при просмотре мультфильмов дети не фиксируют внимание на основной его идее, отвлекаясь на средства выразительности, – подтверждается.

Дошкольники испытывают сложности с выделением основной идеи мультфильма. Отвечая на вопрос «О чем твой любимый мультфильм?», дети выделяют такие особенности сюжета: «герой быстро бежит, злодей гонится за ним»; «герои спасают мир», «Суперкот может все разрушить», что подтверждает значимость для них средств выразительности мультфильма, ярких, неожиданных эффектов (звуковых и визуальных – превращений, погонь и др.) [Klein, Shiffman, 2012].

Некоторые дети затрудняются описывать сюжет, указывают лишь: «Там разные серии...»; «Много разных серий...».

По мнению родителей, дошкольников привлекают в любимом мультфильме именно сюжет, особенности характера, поведения главного героя.

Представления детей и родителей не совпадают.

Гипотеза 5 – современные мультфильмы не отражают запросы современных детей, при создании мультфильмов не учитываются интересы детей – подтверждается частично.

Говоря о ценностной составляющей популярных детских мультфильмов (вопрос: «Ты бы посоветовал посмотреть этот мультфильм? Почему?»), можно отметить следующее.

Дети наиболее часто выделяют эмоциональные характеристики (*добрый, хороший*). Значимым для дошкольников является также наличие продолжения мультфильма: «Каждый день новая серия».

Родители выделяют в первую очередь: «Имеет познавательное содержание». В то же время часть родителей выражают негативное отношение к современным детским мультфильмам: «Бесмысленный», «Нет целостного сюжета»; «Мне больше по душе советские мультфильмы, они добрее и содержательнее».

Следовательно, имеющийся контент носит в большей мере развлекательный характер, поэтому, как правило, привлекателен для детей, однако не всегда учитывает их возрастные особенности и актуальные потребности (важность познавательного, речевого развития, нравственное воспитание и др.), что подтверждает неоднозначная оценка детских мультфильмов родителями [Вербианова, 2016].

Проведенное исследование сравнения популярных детских мультфильмов в представлениях современных дошкольников 6–7 лет и их

родителей отображает в том числе характер отношений современного ребенка с родителями.

Следует отметить, что современные дети чаще предоставлены сами себе при просмотре мультфильмов. Родители, как правило, сами предлагают посмотреть мультфильмы ребенку, ссылаясь на занятость или усталость, заменяя этим живое общение и взаимодействие с детьми.

Просмотр мультфильмов не обсуждается с ребенком, следовательно, утрачивается развивающий и воспитательный потенциал мультфильма, заложенный создателями.

Необходимо просвещать родителей о возможностях использования просмотра мультфильмов как способа организации семейного досуга, совместной деятельности с ребенком, а также средства детского развития и воспитания [Арамачева, Михненкова, 2022].

Библиографический список

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / РАН, Ин-т психологии; под ред. К.А. Абульхановой и др. М.: ИП РАН, 1997. С. 7–37.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
3. Арамачева Л.В., Дубовик Е.Ю., Вербианова О.М. Анализ затруднений современных родителей, воспитывающих детей раннего и дошкольного возраста, в вопросах воспитания, развития и обучения ребенка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022а. № 3 (61). С. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-358>
4. Арамачева Л.В., Вербианова О.М., Дубовик Е.Ю. Анализ консультативных обращений современных родителей, воспитывающих детей дошкольного возраста // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022б. № 1 (59). С. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-59-1-316>
5. Арамачева Л.В., Михненкова Ю.С. Возможности развития эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста в дошкольной образовательной организации и в семье // Современное психолого-педагогическое образование: матер. VIII Всерос. (с междунар. участием) психолого-педагогических чтений памяти Л.В. Яблоковой (Яблоковские чтения) / отв. за вып. О.В. Груздева / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2022. С. 203–205.
6. Вербианова О.М. К вопросу о воспитании ребенка в молодой семье // Психолого-педагогические и социальные условия развития и воспитания ребенка / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. С. 16–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26052818_95805642.pdf.
7. Гундорова И.В. Проблема «телевидение и дети» в вопросах и ответах // Детский сад от А до Я. 2010. № 2. С. 133–141.
8. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987.
9. Емельянова Т.П. Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 6. С. 39–47.

10. Ермизина Е.В. Мультфильмы – дети: от контента к пониманию // Мир психологии. 2010. № 1. С. 51–68.
11. Ильясова В.И. Влияние телевидения и средств массовой информации на детей дошкольного возраста // Символ науки. 2016. № 42. С. 107–109.
12. Корепанова М.В. Куниченко О.В. Использование воспитательного потенциала мультфильмов в социально-личностном развитии старших дошкольников // Начальная школа плюс До и После. 2013. № 12. С. 27–31.
13. Куниченко О.В. О критериях отбора мультфильма для нравственного воспитания детей 5–7 лет // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: матер. V Междунар. науч.-практ. конф. 12–13 марта 2014 г. Т. 3: Стратегия будущего. С. 133–137.
14. Лукашенко И.А. Влияние средств массовой информации на нравственное развитие младших школьников // Приволжский научный вестник. 2015. № 7(47). С. 135–139.
15. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16, № 2. С. 3–14.
16. Немова О.А., Бурухина А.Ф. Мультипликационные фильмы как средство формирования семейных духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnye-filmy-kak-sredstvo-formirovaniya-semeynyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostey> (дата обращения: 13.09.2023).
17. Немова О.А., Свадьбина Т.В. Семейное воспитание в условиях общества потребления // Социология. 2013. № 3. С. 35–42.
18. Смирнова Е.О., Соколова М.В., Матушкина Н.Ю., Смирнова С.Ю. Возрастные особенности восприятия мультфильмов дошкольниками // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 33–45.
19. Хомякова Н.С. Возможности влияния СМИ на воспитание и социализацию школьника // Эксперимент и инновации в школе. 2011. № 3. С. 28–31.
20. Jodelet D. Représentation sociale: Phénomènes, concept et théorie. Dans: Psychologie sociale / Sous la dir. S. Moscovici. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. P. 357–378.
21. Klein H., Shiffman K.S. Verbal aggression in animated cartoons // International Journal Child Adolesc Health. 2012. No. 5 (1). P. 7–19.
22. Yousaf Z., Shehzad M., Hassan S.A. Effects of cartoon network on the behavior of school going children // International Research Journal of Interdisciplinary & Multidisciplinary Studies (IRJIMS). 2015. No. 1. P. 173–179.

POPULAR CHILDREN'S CARTOONS IN THE MINDS OF MODERN 6–7-YEAR-OLD PRESCHOOLERS AND THEIR PARENTS

L.V. Aramacheva (Krasnoyarsk, Russia)

E.Yu. Dubovik (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article actualizes the problem of studying cartoon preferences among modern preschool children. It is noted that the child's living space is currently changing, from an early age it includes screen culture (Internet, computer games, television, cartoons). Thus, a preschooler devotes most of their free time to watching cartoons that cannot but affect their development. The importance is shown of studying the ideas of modern parents about children's cartoon preferences, since it is parents who determine the content of the modern cartoon industry for their child.

The purpose of the article is to identify and characterize the cartoon preferences of 6–7-year-old children, as well as the peculiarities of parents' ideas about children's cartoon preferences.

The methodology of the study consists of provisions of scientific theories by L.S. Vygotsky, L.F. Obukhova, considering the patterns of mental development of a child; the works by S. Moscovici, D. Zhodele, revealing the nature of human social representations; modern Russian and foreign studies on the role of cartoons in the development of a child: E.O. Smirnova, M.V. Sokolova, N.Yu. Matushkina, M.V. Korepanova, O.V. Kunichenko, I.V. Gundorovoy, K. Habib, T. Soliman, R. Huesmann, J.S. Kirsh, H. Klein etc.

Research methods include a survey (conversation with children, questioning of parents), content analysis of the responses received.

Research results. In the course of the study: it was determined which cartoons modern preschoolers prefer to watch (plot features, emotional characteristics of the characters and the main character are highlighted); parents' ideas about children's cartoon preferences were studied (which cartoons children like, what attracts them to the plot, the main character).

The results obtained allow us to conclude that parents' ideas about children's cartoon preferences do not correspond to reality, the characters and images of cartoon characters are perceived differently by children and their parents.

Conclusion. The study reflects, among other things, the nature of the relationship of a modern child and their parents: the watched cartoons are not discussed with a child, therefore, the developing and educational potential of the cartoon, laid down by the creators, is lost.

The authors show the need to educate parents about the possibilities of using cartoon viewing as a way of organizing family leisure, joint activities with a child, as well as a means of child development and upbringing.

Keywords: *cartoon, parents' ideas, cartoon preferences of preschoolers, child's relationship with parents.*

Aramacheva, Ludmila V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID:0000-0001-8484-6545; e-mail: ludvik_76@mail.ru

Dubovik, Eugenia Yu. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0001-6249-8383; e-mail: duevur2015@mail.ru

---

References

1. Abulkhanova K.A. Russian mentality: cross-cultural and typological approaches. In: Russian mentality: questions of psychological theory and practice / RAS, Institute of Psychology / Ed. by K.A. Abulkhanova et al. Moscow: IP RAN, 1997. P. 7–37.
2. Andreeva G.M. Psychology of social cognition. Moscow: Aspekt Press, 2005.
3. Aramacheva L.V., Verbianova O.M., Dubovik E.Yu. Analysis of advisory appeals of modern parents raising preschool children // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2022. No. 1 (59). P. 47–54. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-59-1-316>
4. Aramacheva L.V., Dubovik E.Yu., Verbianova O.M. Analysis of the difficulties of modern parents raising children of early and preschool age in the issues of upbringing, development and education of a child // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev). 2022. No. 3 (61). P. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-61-3-358>

5. Aramacheva L.V., Mikhnenkova Yu.S. Opportunities for the development of emotional intelligence in older preschool children at a preschool educational organization and in the family. In: Proceedings of the 8th All-Russian (with international participation) psychological and pedagogical readings in memory of L.V. Yablokova (Yablokova readings) "Modern psychological and pedagogical education" / Ed. by O.V. Gruzdeva. Krasnoyarsk, October 28–29, 2022. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafyeva, 2022. P. 203–205.
6. Verbianova O.M. On the question of raising a child in a young family. In: Psychological-pedagogical and social conditions for the development and upbringing of a child. Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astafyeva, 2016. P. 16–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_26052818_95805642.pdf
7. Gundorova I.V. The problem of 'television and children' in questions and answers // Detskiy sad ot A do Ya (Kindergarten from A to Z). 2010. No. 2 P. 133–141.
8. Dontsov A.I., Emelyanova T.P. The concept of social representations in modern French psychology. Moscow: MGU, 1987.
9. Emelyanova T.P. Social representation – notion and concept: results of the last decade // Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal). 2001. Vol. 22, No. 6. P. 39–47.
10. Ermizina E.V. Cartoons – children: from content to understanding // Mir psikhologii (The world of Psychology). 2010. No. 1. P. 51–68.
11. Ilyasova V.I. Influence of television and mass media on preschool children // Simvol nauki (A Symbol of Science). 2016. No. 42. P. 107–109.
12. Korepanova M.V., Kunichenko O.V. The use of the educational potential of cartoons in the social and personal development of senior preschoolers // Nachalnaya shkola plyus Do i Posle (Elementary School plus Before and After). No. 12. 2013. P. 27–31.
13. Kunichenko O.V. On the criteria for selecting a cartoon for moral education of 5–7-year-old children // Fundamentalnye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire (Fundamental and Applied Research in the Modern World). 2014. Vol. 3, No. 5. P. 133–137.
14. Lukashenko I.A. The influence of mass media on moral development of younger schoolchildren // Privolzhskiy nauchnyy vestnik (Volga Scientific Bulletin). 2015. No. 7 (47). P. 135–139.
15. Moskovichi S. Social representations: a historical view // Psikhologicheskii zhurnal (Psychological Journal). 1995. Vol. 16, No. 2. P. 3–14.
16. Nemova O.A., Burukhina A.F. Animated films as a means of forming family spiritual and moral values // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya (Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science). 2014. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnye-filmy-kak-sredstvo-formirovaniya-semeynyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostey>
17. Nemova O.A., Svadbina T.V. Family education in a consumer society // Sotsiologiya (Sociology). 2013. No. 3. P. 35–42.
18. Smirnova E.O., Sokolova M.V., Matushkina N.Yu., Smirnova S.Yu. Age-related features of perception of cartoons by preschoolers // Voprosy psikhologii (Questions of Psychology). 2014. No. 5. P. 33–45.
19. Khomyakova N.S. The possibilities of media influence on the upbringing and socialization of a secondary school student // Eksperiment i innovatsii v shkole (Experiment and Innovation at School). 2011. No. 3. P. 28–31.
20. Jodelet D. Représentation sociale: Phénomènes, concept et théorie. Dans: Psychologie sociale / Sous la dir. S. Moscovici. Paris: Presses Universitaires de France, 1989. P. 357–378.
21. Klein H., Shiffman K.S. Verbal aggression in animated cartoons // International Journal Child Adolesc Health. 2012. No. 5 (1). P. 7–19.
22. Yousaf Z., Shehzad M., Hassan S. A. Effects of cartoon network on the behavior of school going children // International Research Journal of Interdisciplinary & Multidisciplinary Studies (IRJIMS). 2015. No. 1. P. 173–179.

УДК 159.9

ПРЕДПОСЫЛКИ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ РАБОТНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

И.О. Логинова (Красноярск, Россия)

И.О. Кононенко (Красноярск, Россия)

Е.Д. Смагина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Актуализирована проблема девиантного поведения работников в условиях пенитенциарной системы, характеризующейся наличием сложных психологически и эмоционально напряженных событий и ситуаций. *Цель* – выявить психологические предпосылки к девиантному поведению у работников пенитенциарной системы с разным уровнем девиантологической компетентности.

Методологию исследования составляют анализ и обобщение научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области девиантологической компетентности и личностных предпосылок к девиантному поведению.

Результаты. Представлены результаты исследования степени агрессивности, склонности к поиску ощущений, отклоняющемуся поведению у работников пенитенциарной системы с разным уровнем девиантологической компетентности. Выявлена тенденция к повышению агрессивности, выраженности склонности к поиску ощущений и отклоняющемуся поведению в группах при снижении уровня девиантологической компетентности.

Заключение. Сформулирован вывод о том, что основная психопрофилактическая работа по снижению предпосылок к отклоняющемуся поведению среди сотрудников пенитенциарной системы может складываться через повышение девиантологической компетентности.

Ключевые слова: пенитенциарная система, профессиональные качества, девиантное поведение, отклоняющееся поведение, конфликтность, агрессивность, склонность к поиску ощущений, психоэмоциональная нагрузка, профессиональные деформации.

Логинова Ирина Олеговна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом ПО, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9551-1457>; e-mail: loginova70_70@mail.ru

Кононенко Ирина Олеговна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом ПО, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-3040>; e-mail: kio62@mail.ru

Смагина Екатерина Дмитриевна – студентка 6-го курса медико-психолого-фармацевтического факультета, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: smagina200@mail.ru

Постановка проблемы. Проблема девиаций на 2023 г. все также занимает одно из первых мест среди всех общественных аспектов. Но рассматривают этот вопрос не только в социальном направлении, но и в медицинском, экономическом, политическом и других аспектах. Проблема девиаций выступает ядром исследований в различных профессиональных контекстах, где основными причинами прибегания к девиациям принято считать

высокие эмоциональные и физические нагрузки, жесткую дисциплинированность, чрезмерную ответственность. К таким профессиональным сферам относят медицинскую, военную, пенитенциарную системы.

Система правоприменительных органов в Российской Федерации действует как разветвленная пенитенциарная система и включает в себя различные государственные учреждения, исполняющие уголовные и административные

меры наказания, в том числе профилактического характера, с целью воздействия на правонарушителей [Бобров, 2022].

В условиях пенитенциарной системы проблема девиантного поведения является наиболее острой и актуальной, поскольку имеет два ракурса: она касается и криминальных слоев населения, и непосредственно самих работников пенитенциарных учреждений, которые, несомненно, сталкиваются со сложными психологическими и эмоционально напряженными событиями и ситуациями.

Работники данной системы должны обладать определенными психологическими и личностными качествами, например, быть морально устойчивыми, четкими, последовательными, эмоционально выдержанными и т.д. Такие качества позволяют хорошо выполнять работу и быть профессионалами своего дела. К сожалению, работники уголовно-исправительной системы порой сталкиваются с достаточно сложными психоэмоциональными перегрузками. Одним удается найти способ расслабления в психологической разрядке, а другим нет. И тогда единственным из возможных вариантов для них – прибегнуть к тем или иным видам девиантного поведения. Именно поэтому актуальность исследования и профилактики девиантного поведения представителей пенитенциарной сферы нарастает.

Методология исследования представлена анализом и обобщением научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых в области девиантологической компетентности и личностных предпосылок к девиантному поведению. Ниже приведен обзор наиболее значимых работ по данной проблеме.

В наше время нет одного определенного понятия «девиации». Каждый ученый предлагает свое значимое определение этому термину. Так, девиации связывают с состоянием дезорганизации, обусловленной ситуацией, когда ценности, общественные нормы, нормативные социальные связи либо отсутствуют, либо становятся неустойчивыми и противоречивыми [Черкесов, 2007]. Определяя суть девиантного пове-

дения, большинство авторов говорит о том, что девиантным поведением следует считать любое поведение, отклоняющееся от нормы, принятой в обществе. Но кто-то полагает, что девиантным поведением является то, что причиняет вред или нарушает общественные правовые нормы. Некоторые исследователи считают, что девиации – это строго определенные виды действий, например алкоголизм, наркомания, убийство и т.д., но при этом не всеми учитывается то, что происходит нарушение и личностного склада норм. Если отталкиваться от общепринятого понятия нормы, а это общепринятые, стандартизированные требования к поведению людей в среде с учетом социальной структуры того или иного общества, то можно попробовать дать определение термину «девиантное поведение». Таким образом, в контексте проводимого исследования под девиантным поведением мы будем понимать нарушение определенного предела, принятого в обществе [Гневашева, 2017].

За последние пять лет проблема девиантного поведения на рабочем месте была во многих аспектах конкретизирована. Так, по формам проявления выделены были кража, мошенничество, работа вполсилы, саботаж, различные виды агрессии, прогулы, употребление психотропных веществ, уничтожение собственности. Все эти формы проявления довольно хорошо соотносятся с положениями теории моральной саморегуляции [Bandura, 1991], поскольку в структуре имеют моральное самооправдание, базирующееся на креативности сотрудников и их моральной идентичности [Zheng et al., 2019].

Развивая и уточняя феноменологию понятия «Антисоциальная креативность (АК)», авторы выделяют такие ее предикторы у сотрудников полиции с неюридическим образованием, как враждебность и агрессия [Мешкова и др., 2018]. На основании данной точки зрения коллектив авторов предлагает модель девиантности и креативности [Мешкова, Ениколопов, 2018], где показывается, что девиации, в которых реализуется креативность, могут быть позитивными и негативными, а ситуации, в которых проявляются девиации, наносят вред и являются

угрозой самооценке, усиливают конкуренцию [Мешкова, Ениколопов, 2020].

Наряду с этим были обнаружены качественные различия в предикторах антисоциальной креативности у сотрудников ОВД со стажем службы до пяти лет, а также у сотрудников с высшим образованием: в перечисленных подвыборках предиктором является не только сотрудничество, но и макиавеллизм. Согласно зарубежным исследованиям, люди с высоким показателем по шкале «Макиавеллизм» успешно манипулируют другими людьми, эффективно обманывают их. Характерно, что у испытуемых с высоким уровнем макиавеллизма высока подозрительность, негативизм, злопамятность [Бочкова, 2023].

Интересно, что у сотрудников ОВД с ростом стажа службы такие характеристики, как враждебность, агрессия, акцентуации характера, не возникают, а являются следствием профессиональной деформации [Марьин, Бочкова, 2019].

Действительно, специфика профессиональной деятельности сотрудников органов уголовно-исполнительной системы предполагает постоянное решение ими нестандартных ситуаций и, как следствие, – эмоциональную напряженность [Мироненкова и др., 2020; Петрова, Егорова, 2013].

Именно поэтому мы предполагаем, что под влиянием деформирующих факторов профессиональной деятельности в течение длительного времени у сотрудников пенитенциарной системы могут возникнуть те или иные варианты девиантных проявлений. Поскольку работники данных учреждений испытывают определенный стресс, а также могут находиться под влиянием взаимодействия с людьми, чье поведение отклоняется от общественных норм, правил и ценностей, это может привести к проблеме личностных изменений в профессиональной деятельности сотрудников [Зудаев, Бадонов, 2015].

Вот почему особенно актуальным является введение в контекст подобных исследований понятия «девиантологическая компетентность», активно используемого в работах Ю.А. Клейберга и А.В. Вышинской [Клейберг, 2020а; 2020б; 2020в]. Разрабатывая структуру девиантологической компетентности, С.А. Тарасова включает

три компонента: мотивационно-ценностный, когнитивный и действенно-практический. Каждый из этих компонентов в своей структуре содержит знания, умения и готовность действовать определенным образом [Тарасова, 2020]. Именно девиантологическая компетентность, на наш взгляд, является «препятствием» для проявления девиантного поведения, поскольку способствует противостоянию манипуляциям и иным действиям демонстративного характера, которые имеют место в поведении осужденных, усиливая психоэмоциональное напряжение сотрудников пенитенциарной системы на рабочем месте.

Исходя из этого, цель нашего исследования – выявить психологические предпосылки к девиантному поведению у работников пенитенциарной системы с разным уровнем девиантологической компетентности.

Методы и материалы. Исследование проводилось на базе больницы № 1 МСЧ № 24 ФСИН России Красноярск. Критериями включения в работу являлись:

- 1) добровольное согласие на исследование;
- 2) стаж работы не менее 3-х лет.

В эксперименте приняли участие 135 человек, находящихся на профилактическом осмотре в больнице № 1 МСЧ № 24 ФСИН России Красноярск.

Для оценки девиантологической компетентности использовался чек-лист с направленностью на условия реальной жизнедеятельности работников ФСИН. Один чек-лист заполнялся непосредственно самим работником на профилактическом осмотре. По его результатам создавался компетентностный профиль и выделялись уровни:

- низкий – до 45 баллов;
- средний – 46–105 баллов;
- высокий – 106–150 баллов.

Полученные результаты соотносились с мнением руководителя (второй чек-лист). Наложение двух чек-листов позволяло оценить адекватность самооценки сотрудника. За адекватную принималась оценка с расхождением не более чем на 2 пункта по каждому показателю.

Пример чек-листа представлен на рис. 1.

Чек-лист
оценки девиантологической компетентности _____
(для сотрудника)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Показатели
Не знаю понятия нормы, ее критерии											Знаю понятия нормы, ее критерии
Не знаю виды социальной нормы											Знаю виды социальной нормы
Не знаю виды социальных девиаций											Знаю виды социальных девиаций
Не знаю общие подходы к работе с девиантной личностью											Знаю общие подходы к работе с девиантной личностью
Не знаю классификации пенитенциарных девиаций											Знаю классификации пенитенциарных девиаций
Не знаю виды пенитенциарных взысканий, алгоритм наложения взысканий											Знаю виды пенитенциарных взысканий, алгоритм наложения взысканий
Не знаю требования к профессиональному поведению сотрудника											Знаю требования к профессиональному поведению сотрудника
Не умею по внешним признакам диагностировать психическое состояние осужденного с целью прогнозирования отклонений в его поведении											Умею по внешним признакам диагностировать психическое состояние осужденного с целью прогнозирования отклонений в его поведении
Не умею вести конструктивный диалог с осужденным											Умею вести конструктивный диалог с осужденным
Не умею убеждать, приводя существенные аргументы в пользу законопослушного поведения											Умею убеждать, приводя существенные аргументы в пользу законопослушного поведения
Не умею противостоять психологической манипуляции											Умею противостоять психологической манипуляции
Не способен общаться с осужденным, не унижая его человеческое достоинство											Способен общаться с осужденным, не унижая его человеческое достоинство
Не владею способами урегулирования конфликта											Владею способами урегулирования конфликта
Установка к конструктивному и позитивному взаимодействию с осужденным-девиантом не сформирована											Установка к конструктивному и позитивному взаимодействию с осужденным-девиантом сформирована
Не готов к работе с трудностями в поведении осужденного											Готов к работе с трудностями в поведении осужденного

Рис. 1. Чек-лист оценки девиантологической компетентности сотрудника ФСИН
Fig. 1. Checklist for assessing the deviantological competence of a Federal Penitentiary Service employee

В качестве психодиагностических методик применялись:

1) тест А. Ассингера (1985) (для определения уровня развития агрессивности), что поможет выявить степень конфликтности, корректность во взаимодействии с окружающими. Тест состоит из 20 вопросов, на которые приводится по 3 варианта ответов. Задача испытуемого – определить наиболее типичное для него поведение в подобной ситуации и выбрать один из вариантов ответов;

2) для определения выраженности склонности к поиску ощущений специалистов уголовно-исправительного учреждения применялась

методика М. Цукермана (1979) (в развернутом варианте). Развернутый вариант методики состоит из 40 вопросов;

3) для исследования на наличие склонности к отклоняющемуся поведению была использована методика «Склонность к отклоняющемуся поведению» (1957) (в мужском и женском вариантах) А.Н. Орел. Сама методика состоит из 98 и 108 вопросов для мужчин и женщин соответственно.

Представленные методики являются валидными и диагностически состоятельными [Шварц, 2016]. Результаты констатирующего исследования обрабатывались с помощью метода средних величин, графических методов и анализа.

Результаты исследования. На основании оценки девиантологической компетентности было выявлено, что адекватный высокий уровень сформирован у 27 сотрудников (20 %), адекватный средний – у 69 сотрудников (51 %)

и адекватный низкий – у 33 сотрудников (24,5 %). У 6 сотрудников (4,5 %) выявлены неадекватные оценки разного уровня компетентности. Усредненный профиль выглядит следующим образом (рис. 2).

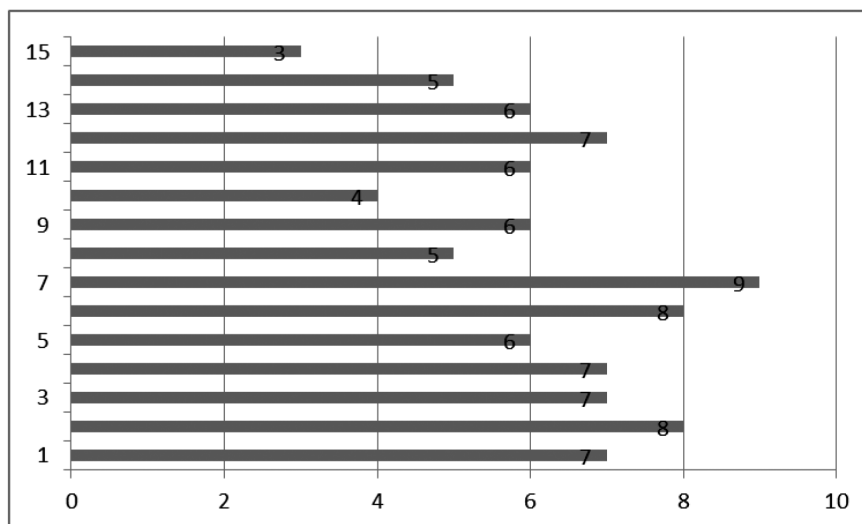

Рис. 2. Усредненный профиль сформированности девиантологической компетентности на выборке респондентов, баллы

Fig. 2. The average profile on formation of deviantological competence in a sample of respondents, points

Результаты проведенного теста Ассингера (А. Ассингер) с учетом распределения по группам

девиантологической компетентности представлены на рис. 3.

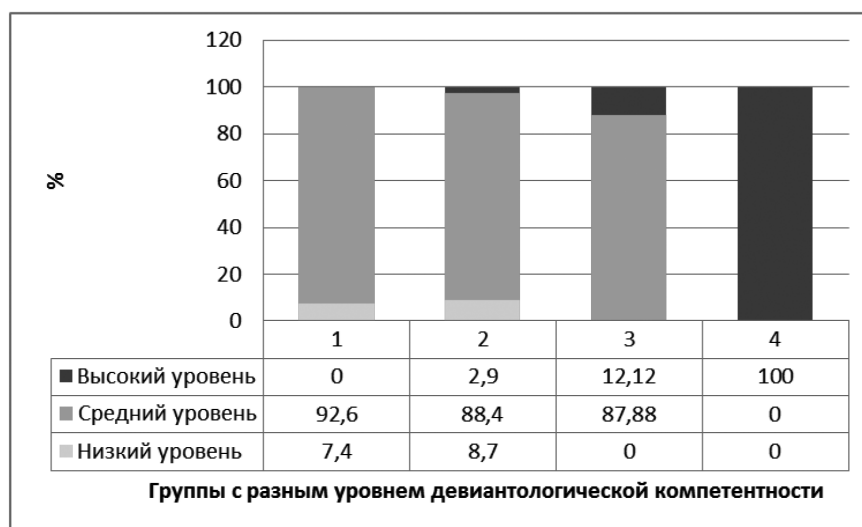

Рис. 3. Распределение результатов исследования агрессивности (тест А. Ассингера), абс.

Fig. 3. Distribution of the results of the aggressiveness study (A. Assinger test), absolute

Примечание. 1 – группа с адекватным высоким уровнем девиантологической компетентности; 2 – группа с адекватным средним уровнем девиантологической компетентности; 3 – группа с адекватным низким уровнем девиантологической компетентности; 4 – группа с неадекватной оценкой уровня девиантологической компетентности.

Note. 1 – a group with an adequate high level of deviantological competence; 2 – a group with an adequate average level of deviantological competence; 3 – a group with an adequate low level of deviantological competence; 4 – a group with an inadequate assessment of the level of deviantological competence.

Полученные данные свидетельствуют, что в группе с адекватным высоким уровнем девиантологической компетентности высокий уровень агрессивности отсутствует, средний уровень демонстрируют 25 (92,6 %) сотрудников, низкий – 2 (7,4 %) сотрудника. В группе с адекватным средним уровнем девиантологической компетентности высокий уровень агрессивности демонстрируют 2 (2,9 %) сотрудника, средний – 61 (88,4 %) сотрудник, низкий – 6 (8,7 %) сотрудников. В группе с адекватным низким уровнем девиантологической компетентности высокий уровень агрессивности демонстрируют 4 (12,12 %)

сотрудника, средний – 33 (87,88 %) сотрудника, низкий уровень отсутствует. В группе с неадекватными оценками девиантологической компетентности выявлен только высокий уровень агрессивности – 100 %. Довольно наглядно выглядит на рисунке тенденция к повышению агрессивности в группах при снижении девиантологической компетентности.

Результаты исследования выраженности склонности к поиску ощущений специалистов уголовно-исправительного учреждения по методике М. Цукермана (1979) (в развернутом варианте) представлены на рис. 4.

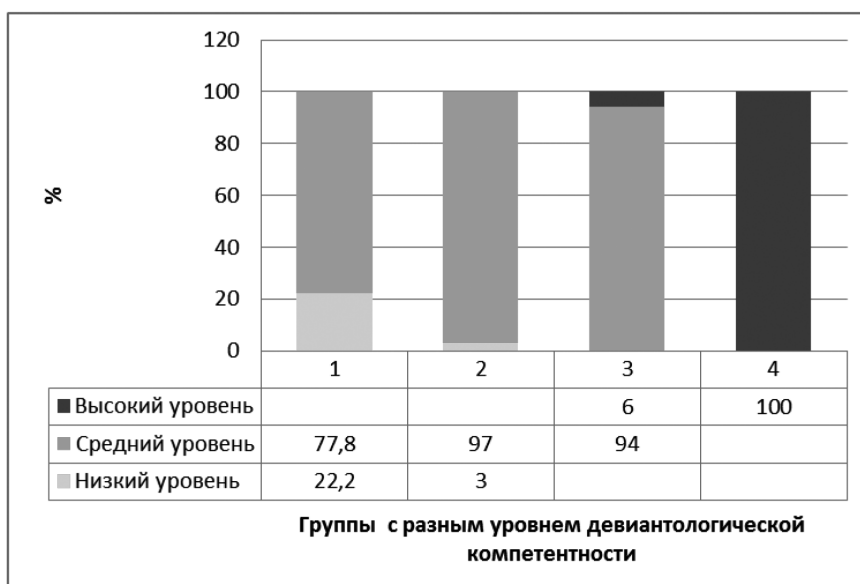

Рис. 4. Распределение результатов исследования выраженности склонности к поиску ощущений (М. Цукерман (развернутый вариант)) в группах с разным уровнем девиантологической компетентности, %

Fig. 4. Distribution of the results of the study on severity of propensity to search for sensations (M. Zuckerman (expanded version)) in groups with different levels of deviantological competence, %

Примечание. 1 – группа с адекватным высоким уровнем девиантологической компетентности; 2 – группа с адекватным средним уровнем девиантологической компетентности; 3 – группа с адекватным низким уровнем девиантологической компетентности; 4 – группа с неадекватной оценкой уровня девиантологической компетентности.

Note. 1 – a group with an adequate high level of deviantological competence; 2 – a group with an adequate average level of deviantological competence; 3 – a group with an adequate low level of deviantological competence; 4 – a group with an inadequate assessment of the level of deviantological competence.

Полученные результаты свидетельствуют о тенденции к повышению выраженности склонности к поиску ощущений при снижении уровня девиантологической компетентности. Так, высокий уровень выраженности склонности к поиску ощущений обнаруживается в группе с адекватным низким уровнем девиантологической

компетентности (6 %) и неадекватными оценками девиантологической компетентности (100 %). Низкий уровень выраженности склонности к поиску ощущений обнаруживается в группе с адекватным высоким и средним уровнями девиантологической компетентности – 22,2 и 3 % соответственно.

Кроме того, было проведено исследование на наличие склонности к отклоняющемуся поведению посредством диагностики: «Склонность к отклоняющемуся поведению» (А.Н. Орел). Исследование привело к выявлению следующих результатов (табл.).

Результаты сопоставительного анализа уровня девиантологической компетентности и выраженности склонности к девиантному поведению, %

The results of a comparative analysis of the level of deviantological competence and the severity of the tendency to deviant behavior, %

Шкалы	Адекватный высокий уровень девиантологической компетентности		Адекватный средний уровень девиантологической компетентности		Адекватный низкий уровень девиантологической компетентности		Неадекватные оценки девиантологической компетентности	
	Нормативные значения	Выраженный уровень	Нормативные значения	Выраженный уровень	Нормативные значения	Выраженный уровень	Нормативные значения	Выраженный уровень
Шкала установки на социальную желательность	20	0	49	2	22,3	2,2	0	4,5
Шкала склонности к преодолению норм и правил	18,5	1,5	45	6	20	4,5	0	4,5
Шкала склонности к аддиктивному поведению	19,25	0,75	49,5	1,5	21,5	3	0	4,5
Шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению	20	0	49,5	1,5	22,3	2,2	0	4,5
Шкала склонности к агрессии и насилию	19,25	0,75	49,5	1,5	21,5	3	0	4,5
Шкала волевого контроля эмоциональных реакций	17	3	39,25	11,75	12,75	11,75	0	4,5
Шкала склонности к делинквентному поведению	15,5	4,5	37,75	13,25	11	13	0	4,5
Шкала принятия женской/мужской социальной роли	19,3	0,75	49,5	1,5	21,5	3	0,75	3,75

Представленные результаты наглядно свидетельствуют, что при снижении уровня девиантологической компетентности увеличивается процент лиц, имеющих склонность к отклоняющемуся поведению. У сотрудников с адекватным высоким уровнем девиантологической компетентности выраженный уровень обнаружен по шкалам: «Шкала склонности к преодолению норм и правил» (1,5 %), «Шкала склонности к аддиктивному поведению» (0,75 %), «Шкала

склонности к агрессии и насилию» (0,75 %), «Шкала волевого контроля эмоциональных реакций» (3 %), «Шкала склонности к делинквентному поведению» (4,5 %), «Шкала принятия женской/мужской социальной роли» (0,75 %). Лица с адекватным низким уровнем девиантологической компетентности демонстрируют большую склонность к отклоняющемуся поведению: по всем шкалам выраженный уровень склонности присутствует, а по шкалам волевого контро-

ля эмоциональных реакций и склонности к делинквентному поведению выраженный уровень демонстрируют 11,75 и 13 % респондентов соответственно. У сотрудников с неадекватным уровнем девиантологической компетентности выраженный уровень склонности к отклоняющемуся поведению является доминирующим.

Согласно проведенному исследованию, наличие предпосылок к девиантному поведению наблюдалось почти у всех респондентов. Полученные данные соотносятся с результатами исследований, в которых отмечается, что сотрудники уголовно-исполнительной системы относятся к одной из таких профессиональных групп, где имеют место постоянно действующие стрессогенные факторы, повышающие риск возникновения хронического стресса, аутоагрессивного поведения, профессиональной деформации, эмоционального выгорания [Потемкин, 2022].

Ряд авторов также отмечают специфику предпосылок возникновения девиантного поведения личности: воздействие индивидуально-типологических психологических факторов личности и асоциальную направленность ближайшего общества [Сорокоумова, Гордеева, 2022; Кузнецова, 2018]. Также о риске девиаций или предпосылках к девиантному поведению пишет К.В. Злоказов указывая, что социальное окружение выступает «внешним» по отношению к субъекту девиантного поведения индикатором и может «усиливать» индивидуально-психологические характеристики личности [Злоказов, 2022].

С.В. Хусаинова, Р.Н. Хакимянов выделяют несколько блоков факторов с входящими в них характеристиками, которые выступают предпосылками девиантного поведения:

1) эмоциональный блок факторов – большая эмоциональная нестабильность и напряженность;

2) коммуникативный блок – большая замкнутость и подозрительность;

3) регулятивный блок – меньшая нормативность поведения и меньший уровень самоконтроля;

4) интеллектуальный блок – большая ограниченность мышления.

Лица с девиантными формами поведения более склонны к применению физического насилия, негативизму, подозрительности, чувствам обиды и вины, что выражается в большей агрессивности и враждебности респондентов [Хусаинова, Хакимянов, 2019].

Все эти исследования схожи в общей контекстуальной линии: невозможно рассматривать и интерпретировать проблему предпосылок девиантного поведения работников пенитенциарной системы вне самой системы. Наряду с этим корректная точка зрения на проблему представлена в работе Ю.А. Клейберга, где в проблемном поле девиантологии человек, нарушающий социальные, общечеловеческие, правовые и иные нормы, может быть рассмотрен только в качестве открытой и самоорганизующейся системы. Тогда предпосылки могут изучаться как важнейшие звенья этой системы, обеспечивающие самоорганизацию и саморазвитие человека [Клейберг, 2020]. Соответственно, девиантологическая компетентность выступает значимым элементом, «участвующим» в минимизации склонности к отклоняющемуся поведению.

Заключение. Эмпирический анализ данных позволил выявить, что теоретически ожидаемый факт наличия отклоняющегося поведения у сотрудников уголовно-исполнительной системы подтвержден нами на практике. Предположение о том, что у работников уголовно-исправительной системы имеются признаки агрессии, поиск новых ощущений и склонность к отклоняющемуся поведению, подтвердилось, так как присутствовали значения, находящиеся за рамками нормативных показателей. Соответственно, полученные результаты подтверждают наличие значимости изучения данной темы и необходимости дальнейшего проведения исследования.

На основании полученных данных выдвинуто дальнейшее предположение, что основная психопрофилактическая работа по снижению предпосылок к отклоняющемуся поведению среди сотрудников пенитенциарной системы может складываться через повышение девиантологической компетентности.

Библиографический список

1. Бобров А.Н. Есть ли основания выделять пенитенциарное право в системе российского права? // Пенитенциарная наука. Пермский институт ФСИН России. 2022. № 2 (58). С. 118–126. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49100684_33638131.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
2. Бочкова М.Н. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: обзор исследований в современной Российской психологии // Прикладная психология и педагогика. 2023. Т. 8, № 1. С. 29–46. DOI: 10.12737/2500-0543-2023-8-1-29-46
3. Бочкова М.Н., Шаповал В.А., Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Особенности антисоциальной креативности и эмоционального интеллекта у сотрудников органов внутренних дел в зависимости от образования и стажа работы // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 154–168. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47114003_91352059.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
4. Вологодина П.Е. Исследование склонности к отклоняющемуся поведению // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. матер. V Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. Барнаул, 2018. С. 100–101. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_34980506_26050698.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
5. Гневашева В.А. Девиантное поведение: особенности определения // Глобальный научный потенциал. 2017. № 12 (81). С. 59–62. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32537315_55006539.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
6. Злоказов К.В. Репрезентация причин девиантного поведения социальным окружением субъекта // Российская девиантологическая панорама: теория и практика: матер. междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 39–44. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49464302_74287545.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
7. Зудаев А.К., Бадонов А.М. Особенности уровня агрессивности сотрудников пенитенциарной системы как профессиональной деформации // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 3. С. 35–40. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27631603_53262460.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
8. Клейберг Ю.А. Провокативное поведение: психолого-девиантологический дискурс // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020а. Т. 9, № 1А. С. 269–277. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032
9. Клейберг Ю.А. Психология социального поведения, риска и безопасности личности. Лондон; М.: Академия образования Великобритании, 2020б. 408 с.
10. Клейберг Ю.А. Транспективный анализ как предиктор развития девиантологии // Психология и педагогика служебной деятельности. 2020в. № 3. С. 100–102. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44270353_64686868.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
11. Кузнецова М.Н. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности // Ученые записки университета Лесгафта. 2018. № 2 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzorteoriticheskikh-aspektov-destruktivnogo-povedeniyalichnosti> (дата обращения: 05.09.2023).
12. Марьин М.И., Бочкова А.А. Девиантное поведение сотрудников правоохранительных органов: причины возникновения, диагностика и профилактика // Преступление, наказание, исправление (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): матер. IV Междунар. пенитенциарного форума / Федеральная служба исполнения наказаний; Академия ФСИН России; Попечительский совет УИС. М., 2019. С. 33–38. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41818188_33625771.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
13. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: связь и взаимодействие // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, № 2. С. 279–290. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290

14. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Креативность и девиантность: современное состояние проблемы в психологии // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 86–107. DOI: 10.17759/psylaw.2020100307
15. Мешкова Н.В., Шаповал В.А., Герасименко Е.А., Потарыкина М.С., Мешков И.А. Личностные особенности и антисоциальная креативность на примере кадетов и сотрудников МВД // Психология и право. 2018. Т. 8, № 3. С. 83–96. DOI: 10.17759/psylaw.2018080306
16. Мироненкова О.Л., Ерофеева М.А., Евсеева И.Г., Дорошенко О.М. Формирование нравственной устойчивости как интегрального профессионального важного качества личности сотрудников полиции // Перспективы науки и образования. 2020. № 2 (44). С. 149–162. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42846827_38741280.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
17. Орел А.Н. Определение склонности к отклоняющемуся поведению // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. С. 362–370.
18. Петрова Н.А., Егорова Т.В. Психолого-акмеологические условия профилактики девиантного поведения сотрудников пенитенциарных учреждений // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. С. 36–40. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20801895_34913918.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
19. Потемкин П.В. Девиантные проявления у сотрудников уголовно-исполнительной системы на фоне стрессового воздействия // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: матер. III Всерос. симпозиума психологов с междунар. участием, посвященного 30-летию со дня образования психологического факультета Академии ФСИН России. Рязань, 2022. С. 63–66. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47979952_37848641.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
20. Сорокоумова С.Н., Гордеева П.А. Девиантное поведение личности: анализ отечественных и зарубежных концепций // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: в 3 ч.: матер. IV Междунар. симпозиума психологов / под общ. ред. Т.П. Скрипкиной, С.Н. Сорокоумовой. Рязань, 2022. С. 155–159. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49313922_50253579.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
21. Тарасова С.А. Структура и содержание девиантологической компетентности сотрудника уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4 (40). С. 107–112. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44079764_13321664.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
22. Хусаинова С.В., Хакимзянов Р.Н. Исследование психологических особенностей личности, склонной к девиантному поведению // Казанский педагогический журнал. 2019. № 6 (137). С. 195–201. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42379149_81145760.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
23. Черкесов Б.А. Социальные нормы и девиантное поведение // Фундаментальные исследования. 2007. № 9. С. 112–116. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12956189_22478768.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
24. Шварц Т.Ю. Потребность в ощущениях: о диагностической состоятельности методики М. Цукермана // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 188–195.
25. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. Vol. 50. P. 248–287.
26. Zheng X. et al. Will creative employees always make trouble? Investigating the roles of moral identity and moral disengagement // J. Bus. Ethics. 2019. Vol. 157. P. 653–672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3

PREREQUISITES TO DEVIANT BEHAVIOR IN PENITENTIARY SYSTEM EMPLOYEES WITH DIFFERENT LEVELS OF DEVIANTOLOGICAL COMPETENCE

I.O. Loginova (Krasnoyarsk, Russia)

I.O. Kononenko (Krasnoyarsk, Russia)

E.D. Smagina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article actualizes the problem of deviant behavior of employees in the conditions of the penitentiary system that is characterized by the presence of complex psychologically and emotionally tense events and situations.

The purpose of the article is to identify the psychological prerequisites for deviant behavior among penitentiary system workers with different levels of deviantological competence.

The research methodology consists of analysis and synthesis of research works of foreign and Russian scientists in the field of deviantological competence and personal prerequisites for deviant behavior.

Research results. The results are presented of the study of the degree of aggressiveness, propensity to sensation-seeking, propensity to deviant behavior in the workers of the penitentiary system with different levels of deviantological competence. The authors revealed the tendency to increase aggressiveness, the tendency to increase the expression of inclination to sensation-seeking and inclination to deviant behavior in groups under a decrease of a level of deviant competence.

Conclusion. The conclusion is that the main psychoprophylactic work to reduce the prerequisites for deviant behavior among employees of the penitentiary system can be formed through increasing deviantological competence.

Keywords: *penitentiary system, professional qualities, deviations, deviant behavior, conflict, aggressiveness, tendency to search for sensations, psycho-emotional load, professional deformations.*

Loginova, Irina O. – DSc (Psychology), Professor, Head of the Department of Clinical Psychology and Psychotherapy with postgraduate course, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9551-1457>; e-mail: loginova70_70@mail.ru

Kononenko, Irina Olegovna – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Clinical Psychology and Psychotherapy with postgraduate course, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-3040>; e-mail: kio62@mail.ru

Smagina, Ekaterina Dmitrievna – 6th year Student of Clinical Psychology, Medical, Psychological and Pharmaceutical Faculty, V.F. Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: smagina200@mail.ru

---

References

1. Bobrov A.N. Is there any reason to single out penitentiary law in the system of Russian law? // Penitentsiarnaya nauka. Permskiy institut FSIN Rossii (Penitentiary Science. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia). 2022. No. 2 (58). P. 118–126. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49100684_33638131.pdf (access date: 02.09.2023).
2. Bochkova M.N. Deviant behavior of employees of internal affairs bodies: A review of research in modern Russian psychology // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika (Applied Psychology and Pedagogy). 2023. Vol. 8, No. 1. P. 29–46. DOI: 10.12737/2500-0543-2023-8-1-29-46
3. Bochkova M.N., Shapoval V.A., Meshkova N.V., Enikopolov S.N. Features of antisocial creativity and emotional intelligence among employees of internal affairs bodies depending on education and work experience // Organizatsionnaya psikhologiya (Organizational Psychology). 2021. Vol. 11, No. 2. P. 154–168. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47114003_91352059.pdf (access date: 02.09.2023).

4. Vologdina P.E. Research of the tendency to deviant behavior. In: Proceedings of the 5th International scientific and practical conference "Current directions of scientific research: prospects for development" / Ed. by O.N. Shirokov [et al.]. Barnaul, 2018. P. 100–101. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_34980506_26050698.pdf (access date: 02.09.2023).
5. Gnevasheva V.A. Deviant behavior: features of definition // Globalnyy nauchnyy potentsial (Global Scientific Potential). 2017. No. 12 (81). P. 59–62. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32537315_55006539.pdf (access date: 02.09.2023).
6. Zlokazov K.V. Representation of the causes of deviant behavior by the social environment of the subject. In: Proceedings of the International scientific and practical conference "Russian deviantological panorama: theory and practice". Saint Petersburg, 2022. P. 39–44. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49464302_74287545.pdf (access date: 02.09.2023).
7. Zudaev A.K., Badonov A.M. Features of the level of aggressiveness of penitentiary system employees as a professional deformation // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost. Obshchestvo (Bulletin of the Buryat State University. Education. Personality. Society). 2015. No. 3. P. 35–40. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27631603_53262460.pdf (access date: 02.09.2023).
8. Kleiberg Yu.A. Provocative behavior: psychological and deviantological discourse // Psikhologiya. Istoriiko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya (Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research). 2020. Vol. 9, No. 1A. P. 269–277. DOI: 10.34670/AR.2020.45.1.032
9. Kleiberg Yu.A. Psychology of social behavior, risk and personal security. London; Moscow: Academy of Education of Great Britain, 2020. 408 p.
10. Kleiberg Yu.A. Trans-prospective analysis as a predictor of deviantology development // Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoy deyatel'nosti (Psychology and Pedagogy of Service Activity). 2020. No. 3. P. 100–102. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44270353_64686868.pdf (access date: 02.09.2023).
11. Kuznetsova M.N. Review of theoretical aspects of destructive personality behavior // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta (Scientific Notes of Lesgaft University). 2018. No. 2 (156). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzorteoriticheskikh-aspektov-destruktivnogo-povedeniyalichnosti> (access date: 05.09.2023).
12. Maryin M.I., Bochkova A.A. Deviant behavior of law enforcement officers: causes, diagnosis and prevention. In: Proceedings of the 4th International Penitentiary Forum "Crime, punishment, correction" (to the 140th anniversary of the penal enforcement system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia). Moscow: Federal Penitentiary Service; Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia; Board of Trustees of the UIS. 2019. P. 33–38. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41818188_33625771.pdf (access date: 02.09.2023).
13. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and deviance: communication and interaction // Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of the Higher School of Economics). 2018. Vol. 15, No. 2. P. 279–290. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-2-279-290
14. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Creativity and deviance: the current state of the problem in psychology // Psikhologiya i pravo (Psychology and Law). 2020. Vol. 10, No. 3. P. 86–107. DOI: 10.17759/psylaw.2020100307
15. Meshkova N.V., Shapoval V.A., Gerasimenko E.A., Potarykina M.S., Meshkov I.A. Personality traits and antisocial creativity on the example of cadets and employees of the Ministry of Internal Affairs // Psikhologiya i pravo (Psychology and Law). 2018. Vol. 8, No. 3. P. 83–96. DOI: 10.17759/psylaw.2018080306
16. Mironenkova O.L., Erofeeva M.A., Evseeva I.G., Doroshenko O.M. Formation of moral stability as an integral professional important quality of the personality of police officers // Perspektivy nauki i obrazovaniya (Prospects of Science and Education). 2020. No. 2 (44). P. 149–162. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42846827_38741280.pdf (access date: 02.09.2023).

17. Orel A.N. Determination of the tendency to deviant behavior. In: Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2002. P. 362–370.
18. Petrova N.A., Egorova T.V. Psychological and acmeological conditions for the prevention of deviant behavior in employees of penitentiary institutions // *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* (Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application). 2013. No. 31. P. 36–40. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20801895_34913918.pdf (access date: 02.09.2023).
19. Potemkin P.V. Deviant manifestations in employees of the penitentiary system against the background of stress exposure. In: Proceedings of the 3rd All-Russian Symposium of Psychologists with international participation dedicated to the 30th anniversary of the formation of the Psychological Faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia “Psychology of the 21st century: challenges, searches, vectors of development”. Ryazan, 2022. P. 63–66. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47979952_37848641.pdf (access date: 02.09.2023).
20. Sorokoumova S.N., Gordeeva P.A. Deviant personality behavior: analysis of Russian and foreign concepts. In: Proceedings of the 4th International Symposium of Psychologists “Psychology of the 21st century: challenges, searches, vectors of development”. In 3 Parts / Ed. by T.P. Skripkina, S.N. Sorokoumova. Ryazan, 2022. P. 155–159. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49313922_50253579.pdf (access date: 02.09.2023).
21. Tarasova S.A. Structure and content of deviantological competence of an employee of the penitentiary system // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* (Bulletin of the Samara Law Institute). 2020. No. 4 (40). P. 107–112. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_44079764_13321664.pdf (access date: 02.09.2023).
22. Khusainova S.V., Khakimzyanov R.N. Investigation of psychological characteristics of a person prone to deviant behavior // *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* (Kazan Pedagogical Journal). 2019. No. 6 (137). P. 195–201. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42379149_81145760.pdf (access date: 02.09.2023).
23. Cherkesov B.A. Social norms and deviant behavior // *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental Research). 2007. No. 9. P. 112–116. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_12956189_22478768.pdf (access date: 02.09.2023).
24. Schwartz T.Yu. The need for sensations: On the diagnostic validity of M. Zuckerman’s methodology // *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 2016. No. 2. P. 188–195.
25. Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50. P. 248–287.
26. Zheng X. et al. Will creative employees always make trouble? Investigating the roles of moral identity and moral disengagement // *J. Bus. Ethics*. 2019. Vol. 157. P. 653–672. DOI: 10.1007/s10551-017-3683-3

УДК 159.99

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ)

Т.В. Шестакова (Красноярск, Россия)

М.В. Сафонова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье анализируются исследования в области профессионального самоопределения современных старшеклассников. Среди спектра изучаемых проблем выделяется недостаточность практических методов, способствующих профессиональному самоопределению старшеклассников, в то время как одним из показателей эффективности образования является профессиональное самоопределение обучающихся. *Цель* статьи – проанализировать, систематизировать и обобщить исследования в области профессионального самоопределения современных старшеклассников.

Методологию исследования составляют анализ и обобщение научно-исследовательских работ зарубежных и отечественных ученых, признанных научным сообществом, а также нормативно-правовых документов, связанных с профессиональным самоопределением старшеклассников. Исследование имеет теоретический характер, чем обоснованы используемые методы: анализ, синтез, систематизация научных идей.

Результаты. В ходе исследования выделены особенности профессионального самоопределения современных старшеклассников, которые состоят в поверхностном отношении старшеклассников к выбору профессии, низкой мотивации к обучению, нежелании думать о будущем, недостаточном информировании о мире профессий.

Заключение. На основании полученных результатов сделан вывод о том, что при организации работы, направленной на профессиональное самоопределение старшеклассников, необходимо учитывать потребности современных школьников, а также выстраивать работу по профессиональному самоопределению старшеклассников целенаправленно, с учетом факторов, влияющих на профессиональное самоопределение в современном мире.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, самоопределение, современные старшеклассники.

Шестакова Татьяна Владимировна – аспирант кафедры психологии института психолого-педагогического образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: tatyana.streltsova.97@mail.ru

Сафонова Марина Вадимовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии начального образования, КГПУ им. В.П. Астафьева; ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-код: 8787-9993; AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

Постановка проблемы. Стратегия развития профессиональной ориентации населения в Красноярском крае до 2030 г., утвержденная Распоряжением Правительства Красноярского края от 05.03.2021 № 127-р, гласит, что решение задачи по укреплению межведомственного и межинституционального взаимодействия при организации профориентационной работы является актуальным на данный момент. Стратегия обращает внимание на то,

что профориентационная работа с обучающимися общеобразовательных организаций слабо ориентирована на знакомство с профессиями будущего, новыми компетенциями, современными и перспективными социально-трудовыми ролями. Также подчеркивается тот факт, что при развитии системы профориентации необходимо разработать и реализовать серии инновационных проектов, а также отказаться от неэффективных форм и методов образовательной

профориентации по мере реализации инновационных проектов [Стратегия..., 2021].

В настоящее время остро стоит проблема подготовки молодого поколения к успешной социализации, поиску профессии, что будет важно и необходимо для развития экономики и, как следствие, повышения качества жизни в мире высоких технологий, который стремительно развивается и усложняется. Более того, подготовка подрастающего поколения к выбору профессии остается главной задачей воспитания [Radetskaya et al., 2020].

Также в современном мире остроте проблемы профессионального самоопределения содействует ряд тенденций: ускорение темпа жизни, изменение круга профессий и их содержания (ряд профессий уходит с рынка труда, часть – приобретает новое содержание деятельности благодаря инновационным технологиям, появляются новые профессии, в том числе находящиеся на стыке нескольких областей деятельности). Изменение содержания и характера профессиональной деятельности, возникающие запросы со стороны рынка труда приводят к тому, что человек может и должен пробовать себя в различных профессиях на протяжении всей жизни. Как следствие, профессиональное самоопределение не является однократным, достижением преимущественно юношеского возраста, напротив, на протяжении всего профессионального пути личности происходит его уточнение и изменение. Даже вполне осознанный, мотивированный выбор профессии старшеклассниками не означает, что процесс профессионального самоопределения завершен, поскольку для этого необходим практический опыт в выбранной профессии. Следовательно, процесс самоопределения длительный и неоднократный, что делает важной задачу развития. Необходимо развивать у старшеклассников компетентности, обеспечивающие совершение профессионального самоопределения на основе знания индивидуальных особенностей и склонностей, требований рынка труда, умения соотнести «хочу-могу-надо» при совершении выбора дальнейшего профессио-

нального пути, так как они будут востребованы личностью на протяжении всего периода профессиональной деятельности.

Методологию исследования составляют научные концепции, отражающие закономерности профессионального развития личности, в том числе профессионального самоопределения. Проблема профессионального самоопределения основывается на ряде фундаментальных и прикладных исследований, в том числе:

– профессиональное самоопределение находится во взаимосвязи с исследованиями жизненного пути (В.Б. Ананьев, В.Б. Рубинштейн) [Долгушина, Юревич, 2013];

– самоопределение является мотивацией к деятельности, а также центральным компонентом в социальной ситуации развития обучающихся в старшей школе [Долгушина, Юревич, 2013];

– профессиональное самоопределение связано с возрастными особенностями, а также с закономерностями развития на определенном этапе. Данный подход разработан на основе теоретических концепций профессиональной ориентации (А.Е. Голомшток, Н.Н. Захаров, А.Д. Сазонов) [Мальцева, 2008];

– профессиональное самоопределение находится во взаимосвязи с формированием человека как субъекта профессиональной деятельности, психологической готовностью к профессиональному самоопределению в подростковом и юношеском возрасте (Е.А. Климов, Э.Ф. Зеер, Н.С. Пряжников, В.В. Чебышева, Е.Н. Чистякова) [Долгушина, Юревич, 2013];

– профессиональное самоопределение в контексте формирования профпригодности, профотбора, профессиональных способностей, а также условия, в которых происходит их формирование (К.К. Платонов, В.Д. Шадриков) [Мальцева, 2008];

– гуманистическая психология рассматривала профессиональное самоопределение в рамках подхода «профессионального развития» и концепций профориентации. Представителями данного подхода являются А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс [Долгушина, Юревич, 2013];

– зарубежные исследователи рассматривали профессиональное самоопределение с точки зрения выражения себя через деятельность: Д. Сьюпер, Э. Хейвигхерст, Дж. Холланд, К. Ясперс [Долгушина, Юревич, 2013];

– профессиональное самоопределение рассматривается в концепции свободного развития личности. Суть данной теории заключается в том, что, по мнению исследователей, профессиональный выбор обусловлен врожденными задатками (Э. Гинзберг) [Мальцева, 2008];

– профессиональное самоопределение рассматривается авторами с точки зрения влияния социальных факторов. Согласно данной теории, профессиональный выбор зависит от усваиваемых ценностей, принятых в обществе, в котором развивается индивид (А. Лоуренс, М.И. Томас) [Мальцева, 2008].

Исследование имеет теоретический характер, чем обоснованы используемые методы: анализ, синтез, систематизация научных идей, а также системный; структурный, функциональный и генетический анализ проблемы.

Обзор научной литературы. Рассматривая особенности профессионального самоопределения современных старшеклассников, необходимо обратить внимание на возрастные характеристики, так как эффективность работы, направленной на профессиональное самоопределение, находится во взаимосвязи с возрастными особенностями.

Старший школьный возраст охватывает период между подростковым возрастом и взрослостью. В отечественной науке старший школьный возраст определен в границах от 14 до 18 лет и считается самостоятельным периодом развития человека, его личности и индивидуальности, на данном возрастном этапе происходит переход от детства к взрослости.

Е.С. Юдина в своем исследовании обращает внимание на то, что старший школьный возраст является периодом активного поиска смысла жизни, сопровождающимся проявлением характера, которое может повышать вероятность возникновения отклоняющегося поведения. Главным личностным новообразованием в данном

возрасте является социально-психологическая готовность к жизненному самоопределению, также происходит формирование ценностных ориентаций и системы представлений об окружающем мире, действительности, других людях, о себе [Юдина, 2019].

Профессиональное самоопределение является одной из составляющих кризиса идентичности и важной задачей развития в старшем школьном возрасте. Решение этой задачи предполагает достаточно осознанный, мотивированный, желательно самостоятельный выбор профессии или сферы деятельности, подготовку к которой старшеклассник хотел бы осуществить, продолжая обучение после окончания школы, и развитие в которой он видит на некотором отрезке профессионального пути после окончания школы. Необходимость выбора будущей профессии продиктована социальной ситуацией развития старшеклассников и является традиционной задачей развития, но в современном мире приобретает новое содержание. Сегодня принцип профессионального самоопределения единственный раз уже не актуален. Современных молодых людей необходимо готовить к тому, что однажды выбранную профессию, возможно, придется сменить несколько раз в течение трудовой жизни [Toshmatova, 2023].

На современном этапе развития общества и в свете текущей социально-экономической ситуации в Российской Федерации можно сказать, что жизненная предопределенность больше не является устойчивым понятием. Это влечет за собой необходимость формирования более гибкого, мобильного профессионального самоопределения молодежи, в частности формирования их конкурентоспособности, быстрой адаптации к новым, постоянно меняющимся условиям труда в ситуации неопределенности [Shmeleva, 2020].

С.Н. Казначеева, Н.В. Быстрова, Е.А. Уракова также подчеркивают динамичность современного рынка труда, его требований. Данный процесс способствует возникновению трудностей при выборе профессии, так как выбранная профессия должна учитывать способности и навыки

старшеклассника, являться для него привлекательной и в то же время отвечать запросам рынка труда как можно более длительный период. Вышеперечисленное провоцирует неуверенность старшеклассников в том, что выбранная профессия будет актуальна в будущем. Следовательно, возникает дефицит высококвалифицированных кадров, связанный с быстрым темпом появления новых профессий, что расширяет круг профессий и, соответственно, возникают трудности с ее выбором [Казначеева, Быстрова, Уракова, 2019].

Ученые подчеркивают, в современном мире профессиональное самоопределение происходит после получения образования, это подтверждает факт того, что выбор профессии обучающимися происходит случайным образом [Долгушина, Юревич, 2013].

Сегодня проблема профессионального самоопределения является значимой составляющей образования. В связи с быстрыми изменениями в мире профессиональное самоопределение становится непрерывным процессом, который личность выстраивает, используя свои возможности и потребности, а также профессиональную траекторию.

Рассмотрим существующие проблемы, оказывающие влияние на эффективность работы, направленной на профессиональное самоопределение современных школьников.

Т.И. Касьянова, А.В. Мальцев, Д.В. Шкурин выделяют следующие проблемы: 1) отсутствие регулирования процесса сопровождения профессионального самоопределения со стороны государства; 2) недостаточная готовность (научно-методическая и организационная) образовательных учреждений к осуществлению данной деятельности; 3) недостаточное понимание педагогами содержания предпрофильной подготовки и профильного обучения школьников; 4) неактуальные и неэффективные подходы, используемые в процессе сопровождения процесса профессионального самоопределения, а также имитирование данного процесса; 5) недостаточное взаимодействие с учреждениями, осуществляющими профессиональную подготовку, предприятиями экономической

и социальной сферы, службами занятости; 6) неготовность современного общества воспринимать обучающихся в качестве субъектов рынка труда и услуг профессионального образования; 7) неготовность педагогов к поддержке профессионального самоопределения школьников [Касьянова, Мальцев, Шкурин, 2018].

В.Н. Иванов, О.Г. Якимов к проблемам, оказывающим влияние на эффективность работы, направленной на профессиональное самоопределение школьников, относят: 1) недостаточное внимание образовательных организаций к индивидуально-психологическим особенностям обучающихся; 2) отсутствие руководства – процессом профессионального самоопределения обучающихся, необходимого для самостоятельного анализа вариантов будущего профессионального выбора; 3) влияние на профессиональный выбор обучающихся авторитетного педагога, что, в свою очередь, предъявляет требования к профессионализму педагогических кадров; 4) влияние на профессиональный выбор обучающихся родителей, законных представителей, которые часто не располагают информацией, необходимой для осуществления профессионального выбора [Иванов, Якимов, 2018].

Также авторы в своих исследованиях подчеркивают тот факт, что наиболее эффективной на сегодняшний день является целенаправленная систематическая работа по формированию готовности к профессиональному самоопределению школьников, которую осуществляют многие субъекты педагогического взаимодействия: психолог, классный руководитель, представители городских или районных служб занятости, школы и высшие учебные заведения. При этом каждый предмет педагогического взаимодействия выполняет свои специфические функции. Однако, как показывает опыт, эффективность профориентационной работы не всегда соответствует ожиданиям выпускников, поскольку зачастую носит эпизодический и формальный характер, игнорируя индивидуальные особенности, способности и возможности обучающихся, а также потребности государства и региона в отдельных специалистах [Kurochkina, 2018].

Проанализируем особенности профессионального самоопределения современных старшеклассников.

Исследователи отмечают, что отношение современных подростков к выбору будущей профессии достаточно поверхностное. Среди подростков нередко низкая мотивация к обучению, нежелание думать о будущем, многие обучающиеся недостаточно информированы о мире профессий. Исследователи, изучая процесс самоопределения старшеклассников, пришли к выводу, что этот процесс в настоящее время не организован. Отмечается низкая заинтересованность общества в развитии соответствующих навыков у молодежи, недостаточная активность тех предметов, которые влияют на качество самоопределения студентов, поэтому необходимо сосредоточить усилия именно на грамотном формировании социального и профессионального самоопределения старшеклассников [Sergushina et al., 2020].

Ученые выделяют причины ошибочного выбора старшеклассниками будущей профессии, которые состоят в следующем: неосведомленности о современном мире профессий; давление со стороны окружающих; отсутствие собственного мнения; недостаточное количество времени для осуществления осознанного выбора, а также отсутствие взаимодействия социальных институтов, организующих работу, направленную на профессиональное самоопределение старшеклассников [Иванова и др., 2019].

При проведении исследования, которое позволило увидеть взгляд старшеклассников на работу, направленную на профессиональное самоопределение, получены следующие результаты. На вопрос «Какие из перечисленных мероприятий следует чаще проводить в вашей школе?» 40 % старшеклассников ответили, что им нужно больше заниматься с педагогом-психологом, 40 % – нужно больше дней открытых дверей в вузах и средних профессиональных училищах, 55 % респондентов хотели бы пройти стажировку в выбранной организации. Респонденты чаще выбирали практическую сторону профориентации, меньшинство выбрали мероприятия, состоящие в информировании.

На вопрос о слабых сторонах работы по профессиональному самоопределению в школе подавляющее большинство респондентов ответили, что мероприятия проводятся редко, являются неэффективными и поверхностными.

Отсутствие информации о ситуации на рынке труда, недостаточное знание о профессиях не позволили большинству респондентов ответить на вопрос о своем профессиональном самоопределении. Трудности большинства старшеклассников с профессиональным выбором свидетельствуют о том, что информация, которая преобладает сегодня в школах, неэффективна, а деятельность, осуществляемая в рамках этой модели, устарела. Раньше обучающимся было достаточно собственных знаний, советов родителей и учителей, опыта их друзей и родственников по выбору профессии, но на данном этапе важно проинформировать обучающихся обо всех возможностях и перспективах дальнейшего построения карьеры в условиях многообразия профессий, также важно активно внедрять в школах новую практико-ориентированную модель, которая позволит связать теоретические знания с практическим опытом [Ташпулатов, Купешова, Мейерханова, 2019].

Процесс профессионального самоопределения в современных социально-экономических условиях становится непрерывным. Непрерывное профессиональное самоопределение на протяжении всей жизни обусловлено вынужденной или целенаправленной сменой в ходе трудовой деятельности нескольких видов профессиональной деятельности, высокой внутри- и межпрофессиональной мобильностью. В таких условиях профессиональное самоопределение и успех профессиональной карьеры зависят от накопления индивидуального социального, интеллектуального, цифрового капитала работника [Kostina, Vannukh, 2019].

Авторы приходят к выводу, что школьники должны иметь представление о как можно большем количестве вариантов профессионального выбора и спектре будущих карьерных путей. Важно помочь молодому человеку в реализации его потребностей, способностей, интересов,

склонностей, ценностей. Методы профориентации должны быть дополнены современными технологиями дифференцированной адресной психолого-педагогической помощи, которая оказывается школьникам с учетом их возрастных и личностных особенностей. Для эффективной поддержки профессионального самоопределения школьников необходимо решить проблему с кадрами путем подготовки специалистов по профориентации, а также систематического обучения всех педагогических, административно-управленческих кадров в области профориентационной работы [Maltsev et al., 2020].

Рассмотрим, чем руководствуются современные старшеклассники при выборе профессии.

С.Н. Казначеева, Н.В. Быстрова, Е.А. Уракова выделяют факторы, влияющие на выбор профессии старшеклассников, которые состоят в престижности, популярности, современности, выборе профессии родителями, что свидетельствует о несформированности навыка профессионального самоопределения и, следовательно, приводит к неудовлетворенности выбранной профессией [Быстрова, Уракова, Коротеева, 2019].

А.Э. Попович в своем исследовании в качестве мотивов выбора профессии выделяет: высокую оплату труда, отсутствие трудностей при получении профессии, интерес, возможность применения умений и знаний в профессиональной деятельности. Исследователь подчеркивает, что мотивы выбора профессии состоят в возможности творческого труда, становлении высококвалифицированным специалистом, получении опыта в выбранной профессии, возможность быть уважаемым не была указана респондентами [Попович, 2014].

Е.А. Голубева утверждает, что при выборе профессии старшеклассники ориентированы на такие факторы, как престижность будущей профессии, а также возможность повышения по карьерной лестнице. Важно подчеркнуть, что современные школьники понимают необходимость добиваться успехов, преодолевать сложности, возникающие в процессе профессиональной деятельности для достижения данных результатов [Голубева, 2017].

Н.А. Лызь, И.С. Лабынцева изучили мотивы выбора профессии, в результате чего выделили: высокий заработок, интересная деятельность, возможность карьерного роста, получение высшего образования, перспектива трудоустройства по специальности, соответствие способностям и индивидуальным особенностям, а также престиж профессии. Исследователи пришли к выводу о том, что преобладают мотивы, связанные с престижем, материальным и карьерным аспектами, что отражает ценностные ориентиры современных старшеклассников [Лызь, Лабынцева, 2020].

Также фактором, оказывающим влияние на мотивацию к выбору профессии современными старшеклассниками, является информация, транслируемая в социальных сетях, которая не во всех случаях соответствует действительности, так как часто в данных источниках фокус внимания смещается на внешние проявления профессии, выражающиеся в материальном благополучии, карьерном росте, социальном статусе, что, в свою очередь, оказывает влияние на формирование представлений современного старшеклассника об успешном человеке [Гришина, Абакумова, Данченко, 2019].

И.В. Цыганкова, В.Ф. Потуданская, Я. Цзывэй также изучали факторы, оказывающие влияние на выбор профессии. В результате исследования ученые выделили факторы, являющиеся важными для процесса самоопределения, которые выражаются в соответствии профессии способностям личности, интересе к определенной профессиональной сфере, возможности трудоустройства, популярности выбранной профессии, уровне оплаты труда. Важно отметить, что современное поколение рассматривает возможность осуществления профессиональной деятельности не по полученной профессии, что исследователи связывают с быстрым развитием рынка труда, появлением новых профессий. Ученые подчеркивают, что ошибочный выбор профессии связан с ориентацией на внешние факторы при выборе профессии (популярность, престижность, возможность трудоустройства) [Цыганкова, Потуданская, Цзывэй, 2019].

С.В. Мильситова в своих исследованиях изучала профессиональные намерения обучающихся 8–11-х классов. Результаты проведенного исследования позволили авторам прийти к выводу о том, что обучающиеся 8–9-х классов испытывают трудности в определении жизненных целей и профессиональных перспектив, которые состоят в отсутствии знаний о профессиях, себе, востребованности профессиональных кадров в своем регионе, в недостаточно развитой способности к самопознанию, а также, ответственности, целенаправленности. Таким образом, по результатам исследования не готовы к совершению профессионального выбора почти половина обучающихся 8–9-х классов. Исходя из этого, автор делает вывод, что выбор профессионального пути осуществляется на основе впечатлений, полученных из средств массовой информации (книги, телепередачи, фильмы), а также информации, поступающей от окружающих. Важно заметить, что исследователь обращает внимание на тот факт, что обучающиеся 10–11-х классов осуществляют профессиональный выбор более осознанно. Более осознанный выбор проявляется в соотношении своих способностей с необходимыми умениями для осуществления профессиональной деятельности, а также проводится на основе интереса к той или иной области знаний, но при этом при выборе профессионального пути обучающиеся старших классов ориентированы на получение высшего образования независимо от вышеперечисленных факторов.

Исследователь приходит к выводу о том, что в современном мире произошли изменения, которые связаны с отношением к образованию, в связи с чем профессиональный выбор старшеклассников обусловлен социально-экономическими условиями [Мильситова, 2011].

Н.А. Кондратенко, С.Н. Шашкова проводили опрос старшеклассников, касающийся значимых ценностей при выборе профессии. Наиболее значимыми критериями для старшеклассников по результатам опроса являются высокая оплата труда, а также возможность заниматься тем, что нравится, карьерный рост и польза обществу. Помимо этого, исследователи отмечают,

что на профессиональный выбор современных старшеклассников оказывают влияние такие факторы, как возможность получения профессии в соответствии со своими интересами и способностями, высокая оплата труда, престиж профессии, а также ее востребованность [Кондратенко, Шашкова, 2018].

Е.Е. Данилова в исследовании обращает внимание на то, что современные обучающиеся при выборе профессии ориентированы на ее смену на протяжении всей трудовой деятельности, что связано с быстрым темпом развития профессиональной сферы, влиянием запросов общества и развития новых информационных и коммуникационных технологий, что свидетельствует о необходимости современным старшеклассникам быть готовыми к смене профессии [Данилова, 2021].

Ряд авторов рассматривают условия, являющиеся оптимальными для успешного самоопределения, они состоят в личностной зрелости, умении оценить свои способности, информированности о профессии, эффективности организации психолого-педагогического сопровождения процесса самоопределения [Фролова, Чирковская, 2016].

Исследователи в своих трудах акцентируют внимание на том, что большая часть методик, направленных на оказание помощи старшеклассникам в профессиональном самоопределении, являются неэффективными в связи с тем, что они не ориентированы на индивидуальные особенности современных старшеклассников, связанных со значительными переменами в современном обществе. Диагностические методики не вызывают интереса у старшеклассников, являются для них непонятными, что влечет за собой отсутствие осознания старшеклассниками своей роли в данном процессе, они не соотносят результаты со своими предпочтениями, а следовательно, результат тестирования не является для обучающегося информацией, вызывающей доверие [Шолохов, Желнов, Яроцкая, 2014].

Большая часть современных старшеклассников к окончанию школы еще не совершили профессиональный выбор, поскольку не располагают

достаточным количеством достоверной информации об актуальных потребностях современного рынка труда, а также не имеют представления о будущей профессии. Исследователи связывают данный факт с тем, что современная школа не может обеспечить качественное выполнение функции профессиональной ориентации, так как особенности современного общества, современных старшеклассников требуют изменений деятельности, направленной на профессиональное самоопределение. Важно отметить, что современный рынок труда требует специалиста, не только выполняющего свои профессиональные обязанности, но и способного решать нестандартные задачи, требующие высокого уровня развития социально-психологических качеств, обеспечивающих эффективное взаимодействие специалиста с окружающими [Быстрова, Казначеева, Казначеев, 2019].

Особенность современного общества состоит в широком использовании информационных технологий, а также в том, что оно основано на рыночных отношениях, что приводит к высоким требованиям к выпускникам школ, которые выражаются в способности оценивать свои способности и социальные навыки, осуществлять осознанный выбор будущей профессии, эффективно выстраивать взаимодействие с социальными институтами.

Исследователи отмечают, что в современном мире происходит расширение возможностей выбора профессии, которое дает шанс осуществить профессиональный выбор с учетом своих способностей и интересов, однако возлагает на обучающихся большую ответственность за профессиональный выбор.

Значительное влияние на успешность вхождения будущих выпускников в систему общественных отношений оказывают их конкурентоориентированность и конкурентоспособность. Современные требования состоят не только в способности воспроизводить определенный объем знаний, касающихся учебной или будущей профессиональной деятельности, но и в готовности к саморазвитию, ориентации на поиск новых путей решения поставленных задач в ситуации,

когда профессиональные интересы выступают детерминантами непрерывного расширения сферы собственных возможностей и компетенций [Шафранов-Куцев, Гуляева, 2019].

Следовательно, в процессе профессионального самоопределения у старшеклассников вырабатывается конкурентоориентированная модель поведения, наиболее актуальная для процесса включения в жизнь социума после окончания учебы в школе.

Также авторы выделяют трудности, с которыми сталкиваются современные старшеклассники в процессе профессионального самоопределения, состоящие в недоступности получения высшего образования на платной основе для большей части населения; отсутствии мотивации получать высшее образование; приоритете престижа профессии, а не ее востребованности [Кондратенко, Шашкова, 2018].

Г.Ф. Шафранов-Куцев, Л.В. Гуляева выделяют индикаторы профессионального самоопределения старшеклассников. Рассмотрим, как они проявляются.

1. Сформированность профессиональных интересов, которая выражается в осознании своей склонности к какой-либо деятельности с учетом личных особенностей и предпочтений.
2. Наличие стратегии продолжения обучения после окончания школы, которая предполагает информированность обучающегося о специфике выбранной деятельности, требованиях к ее представителям, а также наличие способностей обучающегося, необходимых в данной сфере деятельности.
3. Желание получить образование, являющееся качественным, востребованным, с возможностями трудоустройства и профессионального роста.
4. Ориентация на возможность профессиональной самореализации, готовность к саморазвитию и повышению квалификации [Шафранов-Куцев, Гуляева, 2019].

Таким образом, исследователи пишут о том, что профориентационную работу необходимо выстраивать исходя из следующих принципов: связь профориентационной работы с системой обучения и рынком труда, которая обеспечивает помощь в профессиональном самоопределении

в единстве с региональными потребностями в квалифицированных кадрах; наличие профессиональной и иной информации, необходимой для выбора или смены профессии, формы обучения и трудоустройства; равные возможности для получения услуг профориентации независимо от места жительства, школы, возраста, пола [Юдина, 2019].

Результаты исследования. Обзор исследований, посвященных профессиональному самоопределению современных старшеклассников позволил сделать следующие выводы.

1. Профессиональное самоопределение рассматривается авторами с различных точек зрения, что свидетельствует об актуальности данной проблемы.

2. Необходимо развивать у обучающихся компетентности, способствующие профессиональному самоопределению, а также формировать более гибкое, мобильное профессиональное самоопределение молодежи в связи с динамичностью современного рынка труда.

3. При организации работы, направленной на профессиональное самоопределение, необходимо отказаться от неэффективных форм и методов. Целенаправленная систематическая работа по формированию готовности к профессиональному самоопределению школьников является наиболее эффективной, однако, как показывают исследования, данная работа зачастую носит эпизодический и формальный характер.

4. Для эффективной поддержки профессионального самоопределения школьников необходимо решить проблему с кадрами путем подготовки специалистов по профориентации, а также систематического обучения всех кадров в области профориентационной работы.

5. Необходимо разработать методики, ориентированные на индивидуальные особенности современных старшеклассников.

Заключение. В представленном обзоре проанализированы результаты исследований особенностей профессионального самоопределения современных старшеклассников.

Обобщим основные особенности профессионального самоопределения современных старшеклассников. Отношение современных подростков к выбору будущей профессии достаточно поверхностное. Среди подростков нередко низкая мотивация к обучению, нежелание думать о будущем, многие обучающиеся недостаточно информированы о мире профессий, поэтому необходимо сосредоточить усилия именно на грамотном формировании социального и профессионального самоопределения старшеклассников.

Ученые акцентируют внимание на трудности профессионального самоопределения современных старшеклассников. Среди них авторы выделяют: недоступность получения высшего образования на платной основе для большей части населения; отсутствие мотивации получать высшее образование, приоритет престижа профессии, а не ее востребованности.

В результате обзора исследований сделан вывод о том, что при организации работы, направленной на профессиональное самоопределение, необходимо ориентироваться на потребности современных школьников, а также выстраивать работу, направленную на профессиональное самоопределение целенаправленно, в соответствии с последовательным планом работы, с учетом факторов, влияющих на профессиональное самоопределение в современном мире.

Следовательно, особенности современного общества, а также современных старшеклассников требуют изменений деятельности, направленной, на профессиональное самоопределение современных старшеклассников.

Библиографический список

1. Быстрова Н.В., Казначеева С.Н., Казначеев Д.А. Повышение эффективности профориентационной работы среди обучающихся в системе профилизации школы // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-4. С. 81–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-proforientatsionnoy-raboty-sredi-obuchayuschih-sya-v-sisteme-profilizatsii-shkoly>

2. Быстрова Н.В., Уракова Е.А., Коротеева О.Д. Психологическое благополучие школьников в системе современного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-1. С. 47–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-shkolnikov-v-sisteme-sovremennogo-obrazovaniya>
3. Голубева Е.А. Поколение Z: ценностные ориентиры при выборе карьеры // Аспекты и тенденции педагогической науки. 2017. С. 150–152. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/273/13461/>
4. Гришина А.В., Абакумова И.В., Данченко И.В. Интернет-блоги как фактор инициации выбора профессии российскими школьниками // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 6. С. 106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-blogi-kak-faktor-initsiatsii-vybora-professii-rossiyskimi-shkolnikami>
5. Данилова Е.Е. Мотивация выбора будущей профессии у старшеклассников мегаполиса // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 1–2. С. 31–38. URL: <https://psy.su/feed/9561/>
6. Долгушина Т.Н., Юревич С.Н. Профессиональное самоопределение как компонент профессионального становления личности // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2013. № 3–4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-kak-komponent-professionalnogo-stanovleniya-lichnosti>
7. Иванов В.Н., Якимов О.Г. К вопросу о сущности профессионального самоопределения современных школьников // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2018. № 3 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennyh-shkolnikov>
8. Иванова Н.Г. и др. Профессиональное самоопределение, ошибки и их последствия // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2019. № 5 (171). С. 137–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-podgotovki-studentov-pedagogicheskogo-vuza-k-prosvescheniyu-roditeley-porazvitiyu-koordinatsionnyh-sposobnostey-detey>
9. Казначеева С.Н., Быстрова Н.В., Уракова Е.А. Проблема выбора профессии современными старшеклассниками // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65-1. С. 138–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-professii-sovremennymi-starsheklassnikami-1>
10. Касьянова Т.И., Мальцев А.В., Шкурин Д.В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 7. С. 168–187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-starsheklassnikov-kak-obschestvennaya-problema>
11. Кондратенко Н.А., Шашкова С.Н. Профессиональное самоопределение учащейся молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 71–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-uchascheysya-molodezhi>
12. Лызь Н.А., Лабынцева И.С. Мотивы выбора образовательно-профессиональной траектории и ожидания первокурсников от обучения в вузе // Проблемы современного образования. 2020. № 5. С. 96–105. С. 99–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-vybora-obrazovatelno-professionalnoy-traektorii-i-ozhidaniya-pervokursnikov-ot-obucheniya-v-vuze>
13. Мальцева Л.В. Теоретические подходы к изучению сущности профессионального самоопределения в отечественной и зарубежной психологии // Вестник Курганского государственного университета. 2008. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-suschnosti-professionalnogo-samoopredeleniya-v-otchestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii>
14. Мильситова С.В. Проблема подготовки старших школьников к выбору профессии в условиях профильного обучения // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2011. № 1. С. 97–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podgotovki-starshih-shkolnikov-k-vyboru-professii-v-usloviyah-profilnogo-obucheniya>

15. Попович А.Э. К вопросу о профессиональном самоопределении выпускников общеобразовательных школ // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 2. С. 169–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-professionalnom-samoopredelenii-vypusknikov-obscheobrazovatelnyh-shkol>
16. Стратегия развития профессиональной ориентации населения в Красноярском крае до 2030 г. Красноярск, 2021. 36 с. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574648660>
17. Ташпулатов Ш., Купешова С., Мейрханова Е. Практика и модели формирования профессиональной ориентации школьников // Вестник КазНУ. Сер.: Экономическая. 2019. Вып. 128, № 2, С. 197–203. DOI: <https://doi.org/10.26577/be.2019.v128.i2.018>
18. Фролова С.В., Чирковская Е.Г. Психологические особенности профессионального самоопределения старшеклассников. М.: Московский психолого-социальный ин-т. 2016. 160 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28326206>
19. Цыганкова И.В., Потуданская В.Ф., Цзывэй Я. Факторы мотивации молодежи при выборе профессии // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 4. С. 1545–1554. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-motivatsii-molodezhi-pri-vybore-professii>
20. Чистякова С.Н. Профессиональное самоопределение обучающихся: проблемы и пути решения // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru>
21. Шафранов-Куцев Г.Ф., Гуляева Л.В. Профессиональное самоопределение как ведущий фактор развития конкурентоориентированности и конкурентоспособности старшеклассников // Интеграция образования. 2019. Т. 23, № 1 (94). С. 100–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-kak-veduschiy-faktor-razvitiya-konkurentoorientirovannosti-i-konkurentosposobnosti>
22. Шолохов М.Я., Желнов И.И., Яроцкая Л.В. Психодиагностика в профориентационной работе с подростками и старшеклассниками // Мир науки. Педагогика и психология. 2014. № 1. С. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihodiagnostika-v-proforientatsionnoy-rabote-s-podrostkami-i-starsheklassnikami>
23. Юдина Е.С. Возрастные и психологические особенности детей старшего школьного возраста // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXXIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 20 декабря 2019 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 295–297. EDN ODLIHA. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41545030>
24. Keler V.V., Martynova O.V. (2020). Programs of career guidance work at the Krasnoyarsk State Agrarian University. In: I.V. Kovalev, A.A. Voroshilova, G. Herwig, U. Umbetov, A.S. Budagov, Y.Y. Bocharova (Eds.), Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society (ICEST 2020), European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 90. P. 717–725. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.84>
25. Kostina S., Bannykh G. Features of professional self-determination in the course of life in the digital economy. In: ICERI2019 Proceedings. IATED, 2019. P. 2872–2879. DOI: 10.21125/iceri.2019.0734
26. Kurochkina L.V. et al. Training of students for supervisory support of schoolchildren in professional self-determination // Baltic Journal of Career Education and Management. 2018. Vol. 6, is. 1. P. 15–29. DOI: 10.33225/bjcem/18.6.15; URL: <http://oaji.net/articles/2019/453-1554094136.pdf>
27. Maltsev A. et al. Career guidance at school: Opinions of teachers, parents, and school graduates. In: INTED2020 Proceedings. IATED, 2020. P. 978–983. DOI: 10.21125/inted.2020.0353
28. Nagpaul T., Chen J. Self-determination theory as a framework for understanding needs of youth at-risk: Perspectives of social service professionals and the youth themselves // Children and Youth Services Review. 2019. Vol. 99. P. 328–342. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.02.015>

29. Radetskaya I.V. et al. Educational quest as an innovative form of professional self-determination of the youth // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2020. Vol. 9, No. 4. P. 186.
30. Sergushina E.S. et al. Relationship of professional and social self-determination of personality in modern conditions // PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2020. Vol. 17, No. 7. P. 7955–7965. URL: <https://archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/3492>
31. Shmeleva Zh.N. The facilitation of students' professional self-determination in the training direction 38.03.03 "Personnel Management" at the Krasnoyarsk SAU // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of Scientific Studies: Pedagogy and Psychology). 2020. Vol. 9, No. 1 (30). P. 317–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-facilitation-of-students-professional-self-determination-in-the-training-direction-38-03-03-personnel-management-at-the>
32. Toshmatova M. Formation of communicative competencies of future primary school teachers // Science and Innovation. 2023. Vol. 2, No. B4. P. 117–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formation-of-communicative-competencies-of-future-primary-school-teachers-1>

STUDIES ON PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF MODERN HIGH SCHOOL STUDENTS (REVIEW ARTICLE)

T.V. Shestakova (Krasnoyarsk, Russia)

M.V. Safonova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article analyzes research in the field of professional self-determination of modern high school students. Among the range of problems being studied, the insufficiency of practical methods that promote professional self-determination of high school students stands out, while one of the indicators of the effectiveness of education is the professional self-determination of students.

The purpose of the article is to analyze, systematize and summarize research in the field of professional self-determination of modern high school students.

Methodology (materials and methods). The research methodology consists of the analysis and synthesis of research works of foreign and Russian scientists recognized by the scientific community, as well as regulatory documents related to the professional self-determination of high school students. The research is theoretical in nature and dictates the methods used: analysis, synthesis, and systematization of scientific ideas.

Research results. The article presents a theoretical analysis of approaches to the problem of professional self-determination of modern high school students. The study highlights the features of professional self-determination of modern high school students, which consist in the superficial attitude of high school students to the choice of profession, low motivation to study, unwillingness to think about the future, insufficient information about the world of professions.

Conclusion. Based on the data obtained, it is concluded that when organizing work aimed at professional self-determination of high school students, it is necessary to take into account the needs of modern schoolchildren, as well as to build work aimed at professional self-determination purposefully, in accordance with a consistent work plan, taking into account factors affecting professional self-determination in the modern world.

Keywords: *professional self-determination, self-determination, modern high school students.*

Shestakova, Tatyana V. – PhD Candidate, Department of Psychology, Institute of Psychological and Pedagogical Education, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tatyana.streltsova.97@mail.ru

Safonova, Marina V. – PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Pedagogics and Psychology of Primary Education, Faculty of Primary Classes, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-7925-274X; SPIN-код: 8787-9993; AuthorID: 430620; e-mail: marina.safonova@mail.ru

---

References

1. Bystrova N.V., Kaznacheeva S.N., Kaznacheev D.A. Increasing the effectiveness of career guidance work among students in the school vocational system // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education). 2019. No. 65-4. P. 81–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-proforientatsionnoy-raboty-sredi-obuchayuschih-sya-v-sisteme-profilizatsii-shkoly>
2. Bystrova N.V., Urakova E.A., Koroteeva O.D. Psychological well-being of schoolchildren in the system of modern education // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education). 2019. No. 63-1. P. 47–50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-blagopoluchie-shkolnikov-v-sisteme-sovremennogo-obrazovaniya>
3. Golubeva E.A. Generation Z: value guidelines when choosing a career. In: Aspects and trends of pedagogical science. 2017. P. 150–152. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/273/13461/>
4. Grishina A.V., Abakumova I.V., Danchenko I.V. Internet blogs as a factor in initiating the choice of profession by Russian schoolchildren // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and Psychology). 2019. Vol. 7, No. 6. P. 106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-blogi-kak-faktor-initsiatsii-vybora-professii-rossiyskimi-shkolnikami>
5. Danilova E.E. Motivation for choosing a future profession among high school students in a metropolis // Aktualnye problemy psikhologicheskogo znaniya (Current Problems of Psychological Knowledge). 2021. No. 1–2. P. 31–38. URL: <https://psy.su/feed/9561/>

6. Dolgushina T.N. Yurevich S.N. Professional self-determination as a component of professional personal-ity development // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov (Scientific Support of the System of Advanced Training of Personnel). 2013. No. 3–4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-kak-komponent-professionalnogo-stanovleniya-lichnosti>
7. Ivanov V.N., Yakimov O.G. On the question of the essence of professional self-determination of modern schoolchildren // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. IYa Yakovleva (Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev). 2018. No. 3 (99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-suschnosti-professionalnogo-samoopredeleniya-sovremennyh-shkolnikov>
8. Ivanova N.G. et al. Professional self-determination, mistakes and their consequences // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta (Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgaft). 2019. No. 5 (171). P. 137–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-podgotovki-studentov-pedagogicheskogo-vuza-k-prosvescheniyu-roditeley-po-razvitiyu-koordinatsionnyh-sposobnostey-detey>
9. Kaznacheeva S.N., Bystrova N.V., Urakova E.A. The problem of choosing a profession by modern high school students // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya (Problems of Modern Pedagogical Education). 2019. No. 65-1. P. 138–142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-vybora-professii-sovremennymi-starsheklassnikami-1>
10. Kasyanova T.I., Maltsev A.V., Shkurin D.V. Professional self-determination of high school students as a social problem // Obrazovanie i nauka (Education and Science). 2018. Vol. 20, No. 7. P. 168–187. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-starsheklassnikov-kak-obschestvennaya-problema>
11. Kondratenko N.A., Shashkova S.N. Professional self-determination of students // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki (News of Tula State University. Humanitarian sciences). 2018. No. 1. P. 71–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-uchascheysya-molodezhi>
12. Lyz N.A., Labyntseva I.S. Motives for choosing an educational and professional trajectory and the expectations of freshmen from studying at a university // Problemy sovremennogo obrazovaniya (Problems of Modern Education). 2020. No. 5. P. 96–105, 99–100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivy-vybora-obrazovatelno-professionalnoy-traektorii-i-ozhidaniya-pervokursnikov-ot-obucheniya-v-vuze>
13. Maltseva L.V. Theoretical approaches to studying the essence of professional self-determination in Russian and foreign psychology // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kurgan State University). 2008. No. 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-izucheniyu-suschnosti-professionalnogo-samoopredeleniya-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-psihologii>
14. Milsitova S.V. The problem of preparing senior schoolchildren to choose a profession in the conditions of specialized education // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya (Bulletin of the Buryat State University. Philosophy). 2011. No. 1. P. 97–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podgotovki-starshihshkolnikov-k-vyboru-professii-v-usloviyah-profilnogo-obucheniya>
15. Popovich A.E. On the issue of professional self-determination of graduates of secondary schools // Sotsialno-gumanitarnye znaniya (Social and Humanitarian Knowledge). 2011. No. 2. P. 169–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-professionalnom-samoopredelenii-vypusknikov-ob-scheobrazovatelnyh-shkol>
16. Strategy for the development of vocational guidance of the population in the Krasnoyarsk Territory until 2030. Krasnoyarsk, 2021. 36 p. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574648660>
17. Tashpulatov Sh., Kupeshova S., Meirkhanova E. Practice and models of forming vocational guidance for schoolchildren // Vestnik KazNU. Seriya Ekonomicheskaya (Bulletin of KazNU. Economic series). 2019. Vol. 128, No. 2. P. 197–203. DOI: <https://doi.org/10.26577/be.2019.v128.i2.018>
18. Frolova S.V., Chirkovskaya E.G. Psychological features of professional self-determination of high school students. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute. 2016. 160 p. URL: <https://www.elibrary.ru/i>

19. Tsygankova I.V., Potudanskaya V.F., Ziwei Ya. Motivational factors for young people when choosing a profession // *Ekonomika truda (Labor Economics)*. 2019. Vol. 6, No. 4. P. 1545–1554. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-motivatsii-molodezhi-pri-vybore-professii>
20. Chistyakova S.N. Professional self-determination of students: problems and solutions // *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom (Professional Education in Russia and Abroad)*. 2015. No. 2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru>
21. Shafranov-Kutsev G.F., Gulyaeva L.V. Professional self-determination as a leading factor in the development of competitiveness and competitiveness of high school students // *Integratsiya obrazovaniya (Integration of Education)*. 2019. Vol. 23, No. 1 (94). P. 100–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-kak-veduschiy-faktor-razvitiya-konkurentoorientirovanosti-i-konkurentosposobnosti>
22. Sholokhov M.Ya., Zhelnov I.I., Yarotskaya L.V. Psychodiagnostics in career guidance work with adolescents and high school students // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya (World of Science. Pedagogy and Psychology)*. 2014. No. 1. P. 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihodiagnostika-v-proforientatsionnoy-rabote-s-podrostkami-i-starsheklassnikami>
23. Yudina E.S. Age and psychological characteristics of children of senior school age. In: Proceedings of the 33rd International Scientific and Practical Conference “Modern education: current issues, achievements and innovations”, Penza, December 20, 2019. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. P. 295–297. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41545030>
24. Keler V.V., Martynova O.V. (2020). Programs of career guidance work at the Krasnoyarsk State Agrarian University. In: I.V. Kovalev, A.A. Voroshilova, G. Herwig, U. Umbetov, A.S. Budagov, Y.Y. Bocharova (Eds.), *Economic and Social Trends for Sustainability of Modern Society (ICEST 2020)*, European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 90. P. 717–725. URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.84>
25. Kostina S., Bannykh G. Features of professional self-determination in the course of life in the digital economy. In: *ICERI2019 Proceedings. IATED, 2019*. P. 2872–2879. DOI: 10.21125/iceri.2019.0734
26. Kurochkina L.V. et al. Training of students for supervisory support of schoolchildren in professional self-determination // *Baltic Journal of Career Education and Management*. 2018. Vol. 6, is. 1. P. 15–29. DOI: 10.33225/bjcem/18.6.15; URL: <http://oaji.net/articles/2019/453-1554094136.pdf>
27. Maltsev A. et al. Career guidance at school: Opinions of teachers, parents, and school graduates. In: *INTED2020 Proceedings. IATED, 2020*. P. 978–983. DOI: 10.21125/inted.2020.0353
28. Nagpaul T., Chen J. Self-determination theory as a framework for understanding needs of youth at-risk: Perspectives of social service professionals and the youth themselves // *Children and Youth Services Review*. 2019. Vol. 99. P. 328–342. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.02.015>
29. Radetskaya I.V. et al. Educational quest as an innovative form of professional self-determination of the youth // *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2020. Vol. 9, No. 4. P. 186.
30. Sergushina E.S. et al. Relationship of professional and social self-determination of personality in modern conditions // *PalArch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology*. 2020. Vol. 17, No. 7. P. 7955–7965. URL: <https://archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/3492>
31. Shmeleva Zh.N. The facilitation of students' professional self-determination in the training direction 38.03.03 “Personnel Management” at the Krasnoyarsk SAU // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya (Azimuth of Scientific Studies: Pedagogy and Psychology)*. 2020. Vol. 9, No. 1 (30). P. 317–320. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-facilitation-of-students-professional-self-determination-in-the-training-direction-38-03-03-personnel-management-at-the>
32. Toshmatova M. Formation of communicative competencies of future primary school teachers // *Science and Innovation*. 2023. Vol. 2, No. B4. P. 117–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formation-of-communicative-competencies-of-future-primary-school-teachers-1>

УДК 811.58

ЭМОДЗИ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ВИРТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

М.Н. Дубинина (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Вопросы виртуальной картины мира и ее объективации, позиционирования и самопрезентации виртуальной языковой личности занимают важное место в современных лингвистических исследованиях. Они представляют собой интерес, так как в виртуальном пространстве происходят, с одной стороны, определенный процесс стандартизации, с другой – расслоение и перераспределение всего: языков, национальностей, мнений. Однако в то же время влияние реальности не так зыбко, обнаруживается связь виртуальной языковой картины мира и национальной картины мира, подчеркивается национально-культурная специфика мира виртуального. Эмодзи становится фактом репрезентации национальной картины мира в цифровую эпоху. Феномен эмодзи является обладателем различных статусов: языка информационного сообщества, параграфического средства оформления текста, невербального средства репрезентации концептов, аналога китайских иероглифов. Актуальность исследования феномена эмодзи обусловлена возникающими сложностями декодирования национально-специфичных изображений.

Цель статьи. В рамках данного исследования проводится анализ потенциала эмодзи как лингвокультурного феномена виртуальной реальности. Для достижения поставленной цели автор решает ряд задач. Во-первых, рассмотреть роль эмодзи в явлении креолизации виртуального пространства. Во-вторых, выявить возможность эмодзи демонстрировать культурные различия. В-третьих, проследить возможности китайских эмодзи в привнесении культурного национального колорита в виртуальное пространство. Научная новизна определяется необходимостью исследования семиотически гетерогенных текстов виртуального пространства.

Методология. Исследование выполнено на материале китайских эмодзи-приложений Sina Weibo и WeChat. Проведенная работа включает рассмотрение роли эмодзи в креолизации виртуального пространства, выявлении возможности эмодзи демонстрировать культурные различия, анализе потенциала китайских эмодзи в создании культурного колорита и в привнесении национального колорита в виртуальное пространство.

Результаты. Исследование показало, что эмодзи представляют собой особый код цифровой коммуникации, а исследование лингвокультурных характеристик эмодзи виртуального дискурса дает возможность проследить, как национальные и культурные особенности жителей Поднебесной отражаются в невербальных элементах интернет-коммуникации. В результате получено подтверждение, что эмодзи могут иметь разные социокультурные ассоциации и приводить к коммуникативным неудачам, тем самым становясь преградой в межкультурном общении.

Выводы. Эмодзи – это своеобразный лингвокультурный код, перцепция и декодирование которого определяются концептуальной картиной мира коммуникантов.

Ключевые слова: эмодзи, креолизованный текст, виртуальная языковая картина мира, национальная картина мира, межкультурная коммуникация.

Дубинина Мария Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва); e-mail: maria_solomatina@mail.ru

Постановка проблемы. Информационные технологии являются проводниками в виртуальное пространство, пребывая в котором человек осмысливает новые явления, приобщается к ним и формирует определенные представления об устройстве иной реальности, концептуализирует и категоризирует

виртуальность. Тем самым знания и опыт фиксируются и хранятся в языке, формируя виртуальную языковую картину мира. О.В. Лутовинова определяет виртуальный мир как новую социокультурную среду, которая характеризуется набором собственных ценностей, например, неограниченная доступность получения информации

и установление контактов, скорость получения информации и завязывания знакомств, анонимность, отсутствие пространственных границ, свобода самовыражения и т.д. [Лутовинова¹, 2009, с. 10]. Однако то, как мы подходим к осмыслению виртуальности и ее феноменов, зависит от многих факторов: политических, культурных, социокультурных, индивидуальных. Эти факторы могут раскрываться на уровне нашего знания о технологиях, проводниках в виртуальную реальность; на уровне присутствия цензуры и степени свободы в сети Интернет; на уровне личных предпочтений – от желания стать продвинутым пользователем и погоней за последними новинками до тенденции медиааскетизма. Не все ценности, которые были присущи виртуальности при ее зачатии, остаются актуальными и по сей день; виртуальная реальность трансформируется, изменяя наши представления не только о самой себе, но и о реальном мире в целом.

На наш взгляд, отдельного рассмотрения требуют лингвокультурная составляющая виртуальной языковой картины мира и ее взаимосвязь с национальной картиной мира, так как, даже будучи явлением глобальным, виртуальная реальность обусловлена культурой народа, культурой пользователя. Виртуальная языковая картина мира способна отражать представления о стереотипах поведения и общения, ценностях и традициях представителей разных наций.

Лингвокультурные особенности возможно отследить в тексте. О.В. Лутовинова пишет, что «текстовая специфика виртуального дискурса проявляется через гипертекст и креолизованный текст» [Лутовинова, 2009, с. 5], что заставляет нас обратиться не столько к вербальной составляющей коммуникации в сети, сколько к ее невербальным аспектам, которые демонстрируют культурные различия. Большую ценность представляют исследования Г.Г. Молчановой, прослеживающие возможность невербальных средств коммуникации отражать специфику национальной и региональной идентичности.

Автор подчеркивает, что «значение невербальных сигналов в разных культурах может не только не совпадать, но быть противоположным по смыслу» [Молчанова, 2014, с. 22]. Электронная эпоха принесла изменения в средства коммуникации и в сеть Интернет, графические и иллюстративные компоненты стали своеобразным расширением невербалики языка в виртуальное пространство. Графические элементы коммуникации эволюционируют и принимают различные вариации: от эмодзи, стикеров и смайлов до стикеров (намечается тенденция частого использования стикеров, обычно представляющих собой наборы нарисованных персонажей, в переписке и комментариях), мемов, которые могут создать сами пользователи. Сегодня использование эмодзи остается актуальным. Это доказал период пандемии, когда, например, платформа ВКонтакте в качестве поддержки во время самоизоляции предложила пользователям рядом со своим никнеймом поставить эмодзи. Это было активно использовано, возможно, потому, что эмодзи является еще одним средством невербального самовыражения виртуальной языковой личности: пользователи через эмодзи-статусы активно делились во время пандемии, гуляли ли они на балконе, работали ли из дома, имели ли привилегию выгуливать собаку и т.д. Очевидна также тенденция с помощью эмодзи структурировать тексты и выделять параграфы, использовать их в качестве знаков препинания. Таким образом, частотность передачи сообщений или публикации постов с эмодзи или с помощью только эмодзи в сети Интернет говорит о важности анализа этого явления в вопросе рассмотрения самопрезентации виртуальной языковой личности и ее культурного бэкграунда.

Сегодня практически любое средство коммуникации содержит виртуальную *Emoji keyboard*, некий набор эмодзи, который имеет отдельную клавиатуру или интегрированную систему со структурой ввода для автозамены вербального текста. Несмотря на то что существует определенный унифицированный набор эмодзи в различных мессенджерах, явно

¹ Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 40 с.

намечается тенденция по обогащению эмодзи за счет появления национально и культурно обусловленных символов. Данный факт может вызвать ряд вопросов: может ли пользователь правильно декодировать существующие эмодзи и соответственно их употреблять. Цель исследования заключается в рассмотрении эмодзи как лингвокультурного феномена виртуальной реальности. Научная новизна исследования состоит в попытке осмысления эмодзи как факта репрезентации виртуальной языковой картины мира и выявления потенциала описания культуры через эмодзи.

Методологическую базу исследования составляют труды в области изучения виртуального дискурса (О.В. Лутовинова), семиотических особенностей интернет-пространства (О.И. Максименко, Н.А. Ахренова), невербальной коммуникации (Г.Г. Молчанова), работы в области изучения особенностей интернет-коммуникации в китайских социальных сетях отечественных авторов (А.Н. Сбоев, М.В. Рубец) и иностранных коллег (Тянь Лифан, Ян Хуэй, Чжань Хаожань, Jieun Kiaer). Однако недостаточность исследований роли пиктографических элементов в рамках виртуальной коммуникации и выделения их особенностей и особенностей употребления в разных регионах и приложениях определяет актуальность работы.

Итак, эмодзи – это особая знаковая система, невербальные средства языка, которые компенсируют отсутствие невербальных средств аудиовизуальной непосредственной коммуникации в случае коммуникации в интернет-пространстве. Понимание эмодзи как феномена виртуальности прошло путь развития от средств репрезентации эмоций до средств самоидентификации языковой личности в сети. Анализ заключался в выявлении социокультурного значения китайских эмодзи и связи с национальной картиной мира пользователя. Вслед за С.Г. Тер-Минасовой, утверждающей, что «иностранные слово – это перекресток культур» [Тер-Минасова, 2008, с. 64], мы полагаем, что эмодзи – это перекресток культур в интернет-коммуникации, а его значение может быть обусловлено видением мира

определенного коллектива. Эмодзи становится культурно маркированным знаком.

Обзор научной литературы. Поликодовость виртуального пространства. Виртуальное пространство представляет собой сложную семиотическую систему, а общение сегодня сложно представить гомогенностью знаковых систем. Большинство элементов являются семиотически осложненными, обладают поликодовостью и интерактивностью. Поликодовость является одним из признаков развлекательного, политического, рекламного и другого контента в сети.

Н.А. Ахренова пишет, что виртуальная реальность воплощена «в тексте, который совмещает в себе не только вербальное высказывание, но и различные лингвокреативные поликодовые элементы, способствующие высокой степени креолизации текстов» [Ахренова², 2019, с. 87]; а язык Интернета представляет собой «особую поликодовую знаковую систему смешанного типа с определенным соотношением вербальных, пиктографических и аудиовизуальных компонентов» [Ахренова, 2019, с. 292]. Сегодня такое взаимодействие знаков, проявление интерактивности, характерны для всех СМИ цифровой эпохи. Например, телевидение становится более интерактивным и задействует в трансляциях паралингвистические средства, когда в азиатских телевизионных шоу используются звуковые и графические средства для усиления эмоций: подписываются вероятные мысли и реакции, подрисовываются смайлы и т.д. Графические элементы моделируют, направляют и искажают то, что видит зритель. Так, рассматривая возможности рекламы, О.И. Максименко отмечает, «что креолизованный текст воспринимается быстрее и запоминается на более долгий срок, поскольку воздействует на несколько органов восприятия человека» [Максименко, 2011, с. 51]. Подобные креолизованные тексты задействуют зрительный канал, например, с помощью эмодзи (рис. 1), и слуховой канал, например с помощью междометий и звукоподражаний (рис. 2).

² Ахренова Н.А. Доминанты современной интернет-лингвистики: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2019. 363 с.

Рис. 1. Фрагмент телепередачи 非诚勿扰
Fig. 1. Fragment of TV show 非诚勿扰

Рис. 2. Фрагмент телепередачи 非诚勿扰
Fig. 2. Fragment of TV show 非诚勿扰

Сегодня креолизованный текст становится неотъемлемой частью коммуникации в сети и во многом благодаря эмодзи, а их восприятие граничит с восприятием иероглифов, что подтверждает размышления М. Маклюэна о чувственных изменениях вслед за изменениями форм коммуникационных технологий. Иероглиф является областью взаимодействия чувств, не происходит распада визуального и других чувств, про которое говорит канадский философ в языках с фонетическим алфавитом: «Пикториальное письмо всех видов – это своего рода балет из таких положений (риторические фигуры, как гипербола, ирония, литота, уподобление или паронимазия. – *Авт.*), который восхищает нас в силу нашей тяги к синестезии и аудиотактильному богатству опыта в гораздо большей степени, чем просто абстрактные алфавитные формы» [Маклюэн, 2004, с. 70].

Эмодзи выступают невербальным средством визуальной репрезентации виртуальной языковой личности. Как полагает О.В. Лутовинова, «при помощи авербальных элементов креолизованного текста физически представленная партнерам по коммуникации виртуальная языковая личность стремится создать у них определенное впечатление о себе, заставить воспринимать вербальную часть созданного ею текста под тем или иным углом зрения» [Лутовинова, 2009, с. 17]. Смайлы помогают достраивать образ коммуниканта. Особенно сегодня популярны эмодзи-статусы, и наряду с никнеймами они способны говорить об идентичности и самопрезентации. В то же вре-

мя их некорректное употребление может озадачить реципиентов. Например, популярным является эмодзи ритуальных ворот в синтоистское святилище Тории (рис. 3). Однако наблюдается их использование в текстах о Китае. Вероятно, пользователи путают их с китайскими триумфальными воротами пайфан, или пайло³. Получается, что недостаточное знание культуры и традиции страны изучаемого языка приводит к путанице, когда вербальный компонент сообщения может вступить в противоречие с невербальным. Более того, эмодзи, становясь неотъемлемой частью креолизованных текстов постов, новостей, чатов, являются важной частью объективации. Исследователи А.А. Алексеева и А.А. Лукашевич, анализируя посты международной социальной сети, раскрывают потенциал эмодзи в реализации концептов на параграфическом уровне. Анализ примеров демонстрирует возможность метонимического и метафорического переноса с помощью эмодзи, например, для передачи цвета [Алексеева, Лукашевич, 2018, с. 110]. Данный факт подчеркивает необходимость исследования невербального компонента виртуального пространства, которое также является способом представления виртуальной языковой личности.

Эмодзи не существуют как статический и неизменный феномен виртуальной среды.

³ Пайлоу (кит. 牌楼), или пайфан (кит. 牌坊) – резные орнаментированные триумфальные ворота из камня или дерева, возводившиеся в Китае в честь правителей, героев, выдающихся событий [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D0%B9%D0%BB%D0%BE%D1%83> (дата обращения: 21.09.2021).

Они реагируют на общественные изменения. Например, пандемия положила начало распространению эмодзи в медицинской экипировке (рис. 4), эмодзи в поддержку пострадавших районов, таких как Ухань (рис. 5).

Рис. 3. Ритуальные ворота
Fig. 3. Shinto Shrine / Torii

Рис. 4. Больной
Fig. 4. Sick

Рис. 5. Ухань, держись!
Fig. 5. Come on, Wuhan!

Рис. 6. Зажги оранжевым
Fig. 6. Light up orange

Более того, эмодзи отражают мировые тренды и акции. Например, акция ООН «Окрась мир в оранжевый цвет» была поддержана китайскими сетями, в результате чего появился эмодзи 点亮橙色 (рис. 6).

Проблема использования эмодзи как феноменов цифровой коммуникации не ограничивается их прагматической функцией. Исследование этих знаков позволяет вдуматься в более глубокие процессы, происходящие с нашим языком в рамках интернет-коммуникации, а именно возвращение к пиктографической письменности в электронную эпоху. Н.П. Береснев довольно четко подметил, что эмодзи являются иероглифами цифрового века [Береснев, 2020]. Н.В. Афанасова считает, что современные креолизованные тексты «напоминают наскальную живопись древнего человека» [Афанасова, 2016]. По мнению М.В. Рубец, использование пиктограмм в интернет-коммуникации «можно расценивать как своеобразный возврат к архаическому взгляду на мир» [Рубец, 2015, с. 55], и автор делает этот вывод не только по отношению к использованию эмодзи, но и использованию иероглифов в интернет-коммуникации как пиктограмм, что даже в условиях интернет-коммуникации подчеркивает «характерный для носителей китайского языка и китайской культуры пространственно-образный тип мышления с присущим ему оперированием визуальными репрезентациями» [Рубец, 2015, с. 57]. Такое пространственно-образное мышление условно называется правополушарным, характерным для носителей китайской культуры. М.В. Рубец пишет, что «при восприятии сообщения, оформленного эмодзи, задействуются оба полушария, как и при живом межличностном общении: текстовая информация обрабатывается левым полушарием, графическая – правым,

которое в живом общении включено в распознавание эмоциональной, жестовой и интонационной составляющей речи» [Рубец, 2018, с. 13]. Е.А. Кольцова и Ф.И. Карташкова также отмечают, что «слияние вербальной и иконической составляющих запускает механизм двойного фокусирования, при котором восприятие обеспечивается всеми когнитивными механизмами, с подключением рациональной и эмоционально-бессознательной составляющей» [Кольцова, Карташкова, 2022, с. 779]. По мнению М. Маклюэна, «фонетически записанное слово приносит в жертву миры смысла и восприятия, оберегаемые такими формами, как иероглиф и китайская идеограмма» [Маклюэн, 2003, с. 94]. В то время как «для пространственно-образного мышления характерна холистическая стратегия, которая позволяет сопоставить целостные образы, «гештальты» и создать многозначный контекст (например, мозаичную или калейдоскопическую картину) с множественными «размытыми» связями» [Меркулов, 2005, с. 64]. Эмодзи – это знак, который помогает алфавитным культурам приблизиться к пониманию и восприятию иероглифического знака китайцами. Стоит отметить, что китайские иероглифы уже оказали воздействие на появление интернациональной языковой системы графических символов – блиссим-волики, которая рассматривалась его создателем как мировой язык [Evans, 2017, p. 128].

Эмодзи как отражение национальной картины мира. Виртуальное пространство не является универсальным и однородным, оно

способно нести национально-культурную нагрузку, идентифицируя пользователя в сети как представителя лингвокультурной общности. В современном мире наиболее живо национальная специфика находит отражение в поликодовом тексте, например мемах, демотиваторах. Эмодзи также становятся носителями национально-культурной информации. Они используются в своем стандартизированном виде практически во всех мессенджерах. Однако существует тенденция создания эмодзи, имеющих культурный фон. Таким образом, обращение к эмодзи в виртуальной коммуникации способно акцентировать культурную и национальную принадлежность и выявить значимость определенного феномена для пользователя, повышается привлекательность употребления таких эмодзи и их аттрактивность.

Эмодзи утверждается как значимая единица невербальной семиотики виртуального пространства. Мы согласны с Н.А. Ахреновой, которая считает, что визуальный невербальный компонент становится определяющим в восприятии мира, т.е. «первичным становится не вербальный знак или символ, а продвигаемый зрительный образ, который ведет за собой текст, делая его воздействие на человека особенно проникающим и всеобъемлющим» [Ахренова, 2021, с. 6]. Например, в Твиттере каждый пятый твит в 2021 г. содержит эмодзи⁴. А современные мессенджеры сами подсказывают по мере набора слов вариант эмотикона или эмодзи для замены. Их использование может быть обусловлено различными причинами. Как полагает китайский исследователь Чжань Хаожань, эмодзи стали языком жестов интернет-коммуникации, так как именно они помогают передать информацию о выражении лица, движении, расстоянии, внешнем виде и т.д. [张皓然, 2018, с. 76]. В большинстве случаев функции эмодзи перекликаются

с функциями невербальной коммуникации, выделенными Г.Г. Молчановой: замещающая функция, регулирующая функция, проявляющая функция, усиливающая функция, сопровождающая функция, дополняющая функция, отменяющая функция [Молчанова, 2014, с. 17]. Во-первых, эмодзи способны кодировать или замещать слова, словосочетания, предложения и даже существуют попытки кодирования литературных произведений⁵. Во-вторых, среди эмодзи есть регулирующие иллюстративные и графические элементы: эмодзи, изображающие жесты, направление и т.д. В-третьих, эмодзи кодируют и быстро и эффективно транслируют эмоции собеседника. Как пишут А.Г. Сонин и Д.С. Мичурин, «необходимость появления и частотность использования эмотиконов связана главным образом с решением центральной проблемы опосредованного взаимодействия – проблемы передачи эмоции, стоящей за сообщением» [Сонин, Мичурин, 2012, с. 167]. Если при непосредственном контакте проявляющая функция невербалики чаще всего бывает произвольной (человек краснеет от смущения), тем самым проявляя подспудные эмоции и истинное отношение [Молчанова, 2014, с. 17], то выбор эмодзи чаще всего произвольный и обдуманый. В-четвертых, эмодзи усиливают эмоциональность, характеризуются повторяемостью и множественностью, тем самым создавая эффект избыточности информации. Как полагает О.И. Максименко, «именно соотношение собственно информации и информационной избыточности, то есть пропорция между новыми, оригинальными сообщениями и теми, что уже известны зрителю или слушателю, способствует относительно адекватному восприятию большинством той информации, что содержится в поликодовом аудиовизуальном продукте» [Максименко, 2011]. В-пятых, эмодзи сопровождают вербальный компонент, коррелируют с ним. В-шестых, сообщения без пиктограмм воспринимаются «жесткими» и отрывистыми во многом благодаря восприятию коммуникации в сети как симбиоза «устно-письменной речи». Так, Н.В. Селезнева и Яо Сун

⁴ Emoji use at all-time high [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.emojipedia.org/emoji-use-at-all-time-high/> (дата обращения: 21.09.2021).

⁵ Русская классика в эмодзи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/materials/255760/test-russkaya-klassika-v-emodzi> (дата обращения: 25.03.2022).

относят эмодзи к паралингвистическим средствам контаминации устной и письменной речи [Селезнева, Яо, 2021]. В-седьмых, эмодзи способны придать нужный оттенок высказыванию, вплоть до противоположного значения вербального компонента сообщения. Более того, нам хотелось бы обратить внимание на дифференцирующую роль невербалики. Так же, как использование жестов может выдать представителя другой культуры, так и неадекватное использование эмодзи могут выявить коммуниканта как «чужака», не принадлежащего тому обществу, в которое он хочет попасть. Эмодзи, с одной стороны, способны оживить общение, с другой – сегодня распространение приложений разных стран и незнание их культурного фона, отраженного в пиктографическом коде, может ввести коммуникантов в заблуждение.

По мнению А. Роулингса, большинство современных людей имеют доступ к эмодзи-

Рис. 7. Улыбающийся смайл
Fig. 7. Smiling face

Существуют разные представления о статусе эмодзи. И.В. Космарская предполагает, что «эмодзи – это информативный коммуникативный знак», который обладает присущими ему свойствами, как то: форма (имеет обозначающее), содержание (имеет обозначаемое), условные договоренности о том, как понимать знак, и наличие других знаков, составляющих определенную систему [Космарская, 2021, с. 119]. Возникают рассуждения о том, можно ли называть эмодзи независимым языком цифрового общества или они остаются паралингвистическим средством языка, демонстрируя основные тенденции в особенностях восприятия информации пользователями виртуального пространства. Создаются энциклопедии эмодзи, например, широко известная emojiopedia предоставляет обзор эмодзи и их обновлений в социальных сетях и приложениях разных стран; корпус эмодзи, например emojitracker, в котором можно

клавиатуре, однако эмодзи – это не панацея от недопонимания. Понимание или декодирование того сообщения, которое мы передаем, отправляя эмодзи, может различаться в зависимости от культуры, языка и поколения. Так, если эмодзи ангела в западных культурах символизирует невинность и благодеяние, то в Китае – угрозу (怪物). Или аплодисменты из-за омонимии (啪啪啪) могут ассоциироваться у носителей китайского языка с половым актом [Rawlings⁶]. По данным платформы ЭКД, другим эмодзи, который может стать причиной недопонимания, является обычный улыбающийся смайл (рис. 7). Для одних пользователей он кажется отталкивающим, а для других может обрести следующий смысл: «веришь или нет, а я тебя сейчас зарежу». Поэтому китайцы предпочитают использовать другой эмодзи (рис. 8), так как он улыбается и глазами, и щеками⁷.

Рис. 8. Улыбающийся смайл с улыбающимися глазами
Fig. 8. Smiling face with smiling eyes

отследить частотность употребления; словари⁸, например dictionary.com. И, самое главное, эмодзи продолжают развиваться и пополнять свои ряды. Организация emojiination⁹ помогает разрабатывать новые эмодзи и отстаивает возможность добавления новых к стандарту Unicode. На наш взгляд, существует две тенденции. С одной стороны, создаются эмодзи, которые способны удовлетворить запросы глобальной общности,

⁶ Alex Rawlings Why emoji mean different things in different cultures [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20181211-why-emoji-mean-different-things-in-different-cultures> (дата обращения: 26.08.2021).

⁷ Гид по китайским эмодзи. Загадочные, прикольные, необходимые [Электронный ресурс]. URL: <http://ekd.me/2020/04/gid-po-kitajskim-emodzi-zagadochnye-prikolnye-neobxodimye/> (дата обращения: 29.08.2021).

⁸ Emoji Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dictionary.com/e/emoji/> (дата обращения: 29.08.2021).

⁹ Emojiination [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emojiination.org/>

например гендерно нейтральные эмодзи. С другой стороны, существует тенденция отразить самоидентичность и культурную специфику носителя национально-культурных ценностей.

Более того, разные платформы и приложения совершенствуют и изменяют свои эмодзи. Так, эмодзи, отправленное с Android-устройства на Apple-устройство может принимать иной вид. Интересный пример приводит профессор В. Эванс в книге «Код эмодзи», когда 2016 г. на устройствах Apple эмодзи револьвер принял вид водяного пистолета, а отправленный эмодзи с устройства Apple на устройство Андроид по-прежнему отражался как настоящий пистолет. Впоследствии крупные платформы осуществили подобную замену в 2018 г. Такие примеры дают возможность говорить о появлении диалектов эмодзи [Evans, 2017, с. 48].

Существует определенный этикет использования эмодзи и определенные негласные правила. Как отмечают А.Г. Сонин и Д.С. Мичурин, «использование эмодзи в интернет-коммуникации не кодифицировано, однако, оценивая их использование в печатных текстах, корректоры ориентируются на принятые негласные правила. Например, правило неиспользования точки после смайла, завершающего предложение, или отсутствия пробела между смайлом и следующим за ним знаком препинания» [Сонин, Мичурин, 2012, с. 168]. По замечанию В. Эванс, эмодзи расширяют человеческий потенциал к коммуникации, представляют собой систему коммуникации, но все же не являются языком [Evans, 2017, с. 10]. Автор аргументирует свои мысли, приводя пример сообщений, когда эмодзи часто повторяются, тем самым визуально акцентируя какой-либо феномен, что, например, не будет уместно при повторении слов [Evans, 2017, р. 9].

Общеизвестно, что «одной из ключевых задач современной лингвистики является изучение языка как способа описания культуры» [Ахренова, 2021, с. 6]. На наш взгляд, эмодзи также имеют богатый потенциал в раскрытии особенностей видения той или иной культурной общности. В.В. Колесникова и А.Г. Лагойко считают,

что «каждая страна имеет свою уникальность, которой она может поделиться с другими». Авторы приводят яркие примеры эмодзи «финская любовь», шерстяные носки [Колесникова, Лагойко, 2019, с. 422]. Эмодзи имеют свои национальные и культурные особенности. В данном случае можно выделить два показателя: частотность употребления в разных странах тех или иных пиктографических элементов и виды невербального компонента. Так, в Японии до сих пор достаточно популярными являются именно эмодзи. При этом эмодзи восточных и европейских или американских пользователей будут отличаться, например, способом изображения глаз. М. Сид отмечает, что для считывания эмоций для азиатов важно считывать эмоции в глазах, а для европейцев – эмоции считываются с губ. А само название, как считает автор, подчеркивает эту разницу: эмодзи – отражение эмоций, а смайлик – актуализирует важность формы губ для восприятия¹⁰. Другое интересное отличие между эмодзи восточных и западных культур отмечает Е.Б. Китова. По наблюдениям автора, если в Америке и Европе эмодзи «ориентированы горизонтально, т.е. как бы „лежат на боку“, например, :-)), то эмодзи, используемые в странах Азии, всегда ориентированы вертикально, например, (-_-) zzz („спящий“). Автор приходит к выводу, что подобная разница может быть обусловлена техникой чтения, т.е. «носители европейских языков читают слева направо, а носители восточных используют иероглифы, которые воспринимаются сразу как единое слово и могут располагаться в тексте один под другим» [Китова, 2016, с. 660].

Существуют разные классификации эмодзи. Выделяют текстовые и графические смайлы [Вишнякова, Симененко, 2021]. Китайский исследователь Тянь Лифан выделяет два периода в развитии эмодзи: знаковый период (符号阶段) и графический период (图形阶段) [田丽芳, 2014, с. 200]. И если современные графические изображения

¹⁰ Микк Сид. Какие эмодзи популярны в разных странах? А в России? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iphones.ru/iNotes/kakie-emoji-populyarny-v-raznyh-stranah-01-07-2020> (дата обращения: 25.08.2021).

характеризуются образностью и живостью, то изображения первого периода могли в основном изображать животных (*рыба* <。)#)) ≅); передавать приветствие или вопрос (*Вперед!* (p(ˆoˆ)q)); передавать движения, действия и поступки (*Как же холодно* (>_<)); передавать эмоции (*Растроган* (≥◇≤)). А.Н. Сбоев, ссылаясь на данные китайских исследователей о семантико-тематических группах интернет-лексики, пишет об эмограммах как идеограммах, изображающих эмоции, и разделяет на символные, символно-цифровые, символно-буквенные и графические [Сбоев, 2020, с. 34].

Эмодзи как возможность самопрезентации китайской виртуальной языковой личности. По мнению китайского исследователя Ян Хуэй, период развития эмодзи в Китае можно разделить на три этапа. Первый – этап появления (登陸阶段) – характеризуется появлением первых элементов, представляющих композиции из знаков. На втором этапе локализации (本土化阶段) повышается частотность использования эмодзи в интернет-коммуникации, особенно это ярко прослеживается в субкультурах (网络亚文化), создаются собственные изображения. Третий этап «культурного экспорта» (文化输出阶段) характеризуется широким использованием эмодзи в виртуальной коммуникации, процессом знакомства и заимствования изображения культурных феноменов на иностранных платформах [杨祎, 2021, с. 34].

Особенность функционирования эмодзи китайского сектора Интернета определяется несколькими ключевыми факторами. Во-первых, использование пиктографических средств, а точнее, взаимодействие иероглифов (ключей) и эмодзи в китайском виртуальном пространстве имеет свои особенности. Иероглиф – это знак, символ, код, а эмодзи уподобляется ему в электронную эпоху. Группа исследователей проводит параллель между эмодзи и китайскими иероглифами (ключами), называя их original emoji. Они предлагают новый термин hanmoji, соединив два термина emoji и han (汉). Дж. Ли в рамках лекции «Hanmoji: Analyzing Chinese Radicals to Determine Semantic Gaps in Emoji» рассматри-

вает взаимосвязь китайских радикалов и современных эмодзи и выделяет три категории¹¹:

- 1) прямые эквиваленты 日
- 2) не прямые эквиваленты 力
- 3) ассоциативные эквиваленты 甘

Автор соотнесла 214 китайских радикалов с эмодзи. Результаты ее исследования показали, что 84 радикала (39,2 %) являются прямыми эквивалентами эмодзи, 71 радикал (33,2 %) является непрямым эквивалентом эмодзи, 21 радикал (9,8 %) является ассоциативным эквивалентом эмодзи. И только 17,8 % не имеют соответствующего эквивалента среди эмодзи. По наблюдениям автора, к таким радикалам относятся те, которые обозначают размер (大小高長), «принадлежность частному» (己 亼 自). Также отсутствуют эмодзи, обозначающие текстуру (皮 髟 毛 彡) или обозначающие предметы, которые потеряли свою ценность в современном мире (玉 戈 白 鼎). Большой интерес вызывают слова Дж. Ли о том, почему отсутствуют соответствия данных радикалов и эмодзи: сегодня очень многие люди в соцсетях стремятся выразить своя «Я», отсюда и бум эмодзи инклюзивных, гендерно нейтральных.

Во-вторых, использование пунктуационных знаков, символов, букв латинского алфавита и т.д. получившее распространение в сети Интернет, в Китае приобрело известность как марсианский язык.

В-третьих, интернет-коммуникация подвержена цензуре, что отражается на эмодзи и их употреблении. Так, WeChat убрал кровь с эмодзи тесак, а эмодзи Commando потерял свою сигару. В эмодзи Head-hit-by hammer молоток заменен на сковородку с глазуньей¹². В то же время подобная цензура прослеживается и в других социальных сетях. Так, Facebook Instagram блокируют эмодзи баклажана, персика, капель

¹¹ Jennifer Lee presents any analysis of Chinese radical to inform where there may be gaps in the standard set of emoji Hanmoji: Analyzing Chinese Radicals to Determine Semantic Gaps in Emoji [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jymXiQrSihs> (дата обращения: 25.08.2021).

¹² China's Annual Emoji Censorship [Электронный ресурс] URL: <https://blog.emojipedia.org/chinas-annual-emoji-censorship/> (дата обращения: 25.08.2022).

воды с сексуальным подтекстом, многие крупные платформы заменили изображение револьвера на водный пистолет. Но существует цензура политическая. Например, в годовщину трагических событий на площади Тяньаньмэнь 1989 г. блокируют эмодзи свеча и торт.

В китайских социальных сетях можно встретить разнообразные эмодзи, позволяющие задуматься об их значении в китайской культуре.

Традиционные феномены китайской культуры. Одним из таких феноменов является красный фонарик (红灯笼). Фонарь на рис. 9 символизирует благополучие, благосклонность судьбы, процветание и соединение семьи. Дело в том, что красный фонарь является обязательным украшением на многих праздниках, от площадей до жилья простых граждан Поднебесной, когда члены семьи собираются в родном доме за одним столом. Интересно отметить, что красный бумажный фонарь был внесен в систему Unicode 6.0 под именем «Izakaya Lantern», фонарь, который висит на входе в японские питейные заведения. Красный конверт (рис. 10) является также неотъемлемой частью китайской культуры. А с приходом информационных технологий и он подвергся оцифровке. Так, в WeChat пользователи имеют возможность послать красный конверт (电子红包) не только индивидуально, но в общую беседу, обычные конверты (普通红包)

с установленной денежной суммой и красные конверты фортуны (拼手气红包). В языке появляется выражение 抢红包 – получить красный конверт, урвать красный конверт. Красный конверт могут подарить и большие корпорации¹³.

Иероглифы. Наиболее часто встречающийся эмодзи в виде иероглифов – это два иероглифа 喜 или 双喜 – двойное счастье (рис. 11). Иероглиф 喜 присутствует в доме жениха и невесты. Так, молодожены приглашают гостей 喝喜酒. Также присутствуют эмодзи с изображением перевернутого иероглифа 福 (счастье, благополучие) и иероглифы 给力 (супер, круто).

Жесты. Еще одной особенностью китайских эмодзи является более частое использование рук или реквизита¹⁴. Согласно теории Э. Холла, китайская культура является высококонтекстуальной. Для представителей данной культурной общности важны зрительный контакт, что также находит отражение в эмодзи-нах и на что было указано выше, и невербальное общение. В китайской сети присутствует большое количество эмодзи, иллюстрирующих жесты. Представлены как традиционные жесты, например жест приветствия 作揖 (рис. 14), так и новые жесты, например китайский лайк 中国赞 (рис. 13), появившийся в 2018 г. и изображающий жест соединенных рук с поднятыми большими пальцами.

Рис. 9. Красный фонарь

Fig. 9. Red Paper Lantern

Рис. 10. Красный конверт

Fig. 10. Red envelope

Рис. 11. Счастье

Fig. 11. Happiness

Рис. 12. Круто

Fig. 12. Awesome

Рис. 13. Китайский лайк

Fig. 13. Chinese like

Рис. 14. Приветствие цзю
Fig. 14. To make a bow
with hands folded in front

Рис. 15. Карп

Fig. 15. Carp

Рис. 16. До дна!
Ваше здоровье!

Fig. 16. Cheers

Рис. 17. Ем арбуз

Fig. 17. Eat watermelon

Животные. Эмодзи животных выступают как знаки-символы, которые выражают для китайцев значимые ценности. Например, карп (锦鲤) – символ удачи. Обращение к эмодзи-животным является достаточно распространенным.

¹³ From Red Packet to Virtual Hongbao: Lucky Envelopes in China's Digital Era [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whatsonweibo.com/from-red-packet-to-virtual-hongbao-lucky-envelopes-in-chinas-digital-era/> (дата обращения: 25.08.2021).

¹⁴ Smoking and Violence Removed from WeChat Emojis [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.emojipedia.org/smoking-and-violence-removed-from-wechat-emojis/> (дата обращения: 25.08.2021).

Еда и напитки. Интересным является эмодзи двух кружек пива (干杯 – до дна), которые в определенной степени представляют культуру тоста и культуру вина в Китае. Употребление алкоголя представляет собой строгий ритуал с определенными регламентами, включает представления о том, как предложить употребление вина, принять или отказаться. А пиво на сегодня самый популярный алкогольный напиток Китая. Также распространено употребление эмодзи, изображающих еду (лунный пряник) или кухонную утварь (палочки).

Поведение. Использование эмодзи данной категории характеризует поведение пользователей в сети. Так как в коммуникацию или в обсуждение вступает не каждый пользователь, то появился такой типаж, как зеваки, или дословно «толпа, поедающая арбуз», – 吃瓜群众.

Популярные интернет-выражения. Среди популярных интернет-выражений, которые характерны для китайской культуры, можно обнаружить следующие. На рис. 18 изображен эмодзи с цифрами 666, обозначающими «крутой, потрясающий». Более того, национальный колорит изображения подчеркивается жестом руки для цифры 6, так как в Китае существует особая система обозначения цифр жестами. Другое выражение 打 call («горячо поддерживать») было привнесено в китайский язык

Рис. 18. Крутой
Fig. 18. Awesome

Рис. 19. Поддерживаю
Fig. 19. Support

Рис. 20. Могуущественный
Fig. 20. Mighty

Рис. 21. Лама
Fig. 21. Lama

Рис. 22. Ультрамен
Fig. 22. Ultraman

Заключение. Количество пиктографических изображений в виртуальном пространстве становится больше с каждым обновлением приложений. Телевизионные шоу, чаты, стримы и прямое общение через различные платформы наполнено эмодзи и стикерами. Несмотря на глобальность виртуального комьюнити, человеку сложно забыть свои корни. Появляются эмодзи, которые становятся способом самоидентификации виртуальной языковой личности и индентификации культурной принадлежности.

от японских фанатов. Эмодзи на рис. 19 демонстрирует горячую поддержку выступления любимого певца или группы, используя светящиеся палочки. Эмодзи на рис. 20, согласно платформе 百度百科, появился благодаря популярному аниме «Некий научный реилган», в котором персонаж обладает сверхспособностью с наивысшим уровнем 5 (level 5, постепенно упростившийся до Lv5 и V5) и поэтому используется для характеристики человека с большими способностями. По другой версии, V5 звучно 威武 (wēiwǔ), что обозначает «могущественный, бравый»¹⁸.

Ругательства и оскорбления. В современном виртуальном пространстве, в социальных сообществах существуют определенные правила поведения, этикет, и, соответственно, цензура, когда за оскорбление в сообществе пользователь может получить бан. Эмодзи стали средством обхода такой цензуры. И связано это во многом с омонимичностью китайских иероглифов. Так, 草泥马 cǎonímǎ (лама) и 禽你妈 qín nǐ mā (оскорбление) являются неполными омонимами. Другое слово 奥特曼 àotèmàn созвучно английскому outman и указывает на отсталого человека, того, кто не в курсе дела. Само слово 奥特曼 пришло из одноименного японского телесериала про Ультрамена, что находит отражение в изображении эмодзи (рис. 22).

Подчеркнем, что носители китайского языка придают большое значение нюансам невербальной коммуникации, чью функцию онлайн во многом выполняют эмодзи. Их использование становится обусловлено культурой и традициями общения, а желание пользователей выразить свое «Я» в глобальном Интернете подталкивает разработчиков к созданию новых изображений

¹⁸ 网络流行词语 百度百科 [Электронный ресурс]. URL: <https://baike.baidu.com/item/v5/8922304?fr=aladdin> (дата обращения: 25.08.2021).

с оглядкой на их прецедентность. Появление таких эмодзи может привести к псевдопониманию. Эмодзи – это лингвокультурный феномен виртуального пространства, его значение может быть обусловлено многими факторами, что в рамках межкультурной коммуникации в сети Интернет может привести к оппозиции «свой – чужой». Более того, эмодзи представляют собой уникальный феномен, восприятие которого

уподобляется восприятию иероглифического письма. Сегодня необходимо изучать особенности использования эмодзи при изучении иностранного языка, и наряду с особенностями невербальной коммуникации этот феномен виртуального общения должен стать неотъемлемой частью программ обучения. Особенно это важно для представителей европейских культур, изучающих восточные языки.

Библиографический список

1. Алексеева А.А., Лукашевич А.А. Вербальная, параграфическая и визуальная реализация концептов в креолизованных текстах наивного дискурса (на материале instagram.com) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 105–114. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-105-114
2. Афанасова Н.В. «Наскальный» текст Интернета и его значение в формировании орфографической грамотности школьников // Казанский педагогический журнал. 2016. № 2-1 (115). С. 137–141.
3. Ахренова Н.А. Невербальная презентация концепта COVID-19 в интернет-пространстве // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 1 (56). С. 5–14. DOI: 10.37724/RSU.2021.56.1.001
4. Береснев Н.П. «Эмодзи» – иероглифы цифрового века // Студенческий форум. 2020. № 181 (111). С. 78–80.
5. Вишнякова А.В., Симененко А.А. Лингвистический потенциал эмотиконов в англоязычном интернет-пространстве // Оригинальные исследования. 2021. Т. 11, № 5. С. 112–115.
6. Китова Е.Б. Общение в интернет-среде и «универсальный язык» эмодзи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 4. С. 654–664. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).654-664
7. Колесникова В.В., Лагойко А.Г. Финские эмодзи – просто о сложном // Неделя науки СПбПУ: матер. науч. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 19–24 ноября 2018 г. СПб.: Санкт-Петербург. политех. ун-т Петра Великого, 2019. С. 420–423.
8. Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 3. С. 769–783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783
9. Космарская И.В. Формирование строевых элементов письменной интернет-речи (на материале смайлика и эмодзи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). С. 110–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_3_845_110
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: Ника-Центр, 2004. 432 с.
11. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. 464 с.
12. Максименко О.И. Семиотические особенности медиатекста Интернета // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 1. С. 50–58.
13. Меркулов И.П. Когнитивные особенности архаического мышления // Противоречие и дискурс. М., 2005. С. 63–78 [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/elib/Prot_discurs_4.html (дата обращения: 26.09.2021).

14. Молчанова Г.Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 13–30.
15. Рубец М.В. Визуальное оперирование письменными знаками в китайской культуре: от традиции к кибер-культуре // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2018. № 2 (15). С. 4–24. DOI: 10.17726/phillT.2018.2.15.1
16. Рубец М.В. Влияние процессов модернизации на некоторые аспекты современного китайского языка // История философии. 2015. Т. 20, № 2. С. 47–60.
17. Сбоев А.Н. Язык китайского интернета / Восточный ин-т. Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. М.: Наука. Вост. лит., 2020. 174 с.
18. Селезнева Н.В., Яо С. Способы контаминации устной и письменной речи в русскоязычных и китайскоязычных мессенджерах // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2021. Т. 11, № 1. С. 40–53.
19. Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 16. С. 164–173.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2008. 352 с.
21. Evans. The emoji code. How Smiley faces, Love hearts and Thumbs up are changing the way we communicate. Michael O'Mara Books Limited. 2017.
22. Kiaer J. Emoji Speak: Communication and Behaviours on Social Media. Bloomsbury Academic. 2023. 216 p.
23. 田丽芳. 网络表情符号分析 [J]. 价值工程. 2014年06期: 200–201.
24. 杨祎. 中国网络表情符号演变研究 [J]. 衡阳师范学院学报 (社会科学). 低2卷第2期 2021年.
25. 张皓然. Emoji表情符号在互联网人际传播中的作用 [J]. 新闻研究导刊. 2018年02月第9卷第4期: 76–77.

EMOJI AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON OF THE VIRTUAL LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE LANGUAGE)

M.N. Dubinina (Moscow, Russian)

Abstract

Statement of the problem. Questions of the virtual picture of the world and its objectification, positioning and self-presentation of the virtual linguistic personality occupy an important place in modern linguistic research. Nowadays they are of a particular interest because in the virtual space, on the one hand, there is a certain process of standardization, on the other hand, stratification and redistribution of everything: languages, nationalities, and opinions. However, at the same time, the influence of reality is not so shaky, the connection between the virtual linguistic picture of the world and the national picture of the world is revealed, the national-cultural specificity of the virtual world is emphasized. Emoji becomes a fact of representing the national picture of the world in the digital age. The phenomenon of emoji is the possessor of various statuses: the language of the information community, means of text design, a non-verbal means of representing concepts, an analogue of Chinese characters. The relevance of the study of the emoji phenomenon is due to the emerging difficulties in decoding nationally-specific images. The scientific novelty of the research consists in an attempt to comprehend emoji as a fact of representing a virtual linguistic picture of the world and in revealing the potential of describing culture through emoji.

The purpose of the article is to consider emoji as a linguocultural phenomenon of virtual reality.

Methodology (materials and methods). The work carried out includes considering the role of emoji in the creolization of the virtual space, identifying the potential of emoji to demonstrate cultural differences, analyzing the ability of Chinese emoji in creating cultural coloring and in bringing national flavour to the virtual space.

Research results. The study showed that emoji represent a special code for digital communication, and the study of the linguocultural characteristics of emoji in virtual discourse makes it possible to trace how the national and cultural characteristics of the inhabitants of the Middle Kingdom are reflected in the non-verbal elements of Internet communication. As a result, it was confirmed that emoji can have different sociocultural associations, thereby becoming an obstacle in intercultural communication.

Conclusion. Emoji is a kind of linguocultural code, the perception and decoding of which is determined by the conceptual picture of the world of the communicants.

Keywords: *emoji, creolized text, virtual language worldview, national worldview, intercultural communication.*

Dubinina, Maria N. – PhD (Pedagogy), Associate Professor, School of Foreign Languages, HSE University (Moscow, Russia); e-mail: maria_solomatina@mail.ru

---

References

1. Alekseeva A.A., Lukashovich A.A. Verbal, paragraphic and visual implementation of concepts in creolized texts of naive discourse (based on instagram.com) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology). 2018. Vol. 17, No. 9. P. 105–114. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-9-105-114
2. Afanasova N.V. “Rock” text of the Internet and its significance in the formation of spelling literacy of schoolchildren // Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal (Kazan Pedagogical Journal). 2016. No. 2-1 (115). P. 137–141.
3. Akhrenova N.A. Non-verbal presentation of the COVID-19 concept in the Internet space // Inostranye yazyki v vysshey shkole (Foreign Languages in Higher Education). 2021. No. 1 (56). P. 5–14. DOI: 10.37724/RSU.2021.56.1.001
4. Beresnev N.P. “Emoji” – hieroglyphs of the digital age // Studencheskiy forum (Student Forum). 2020. No. 181 (111). P. 78–80.
5. Vishnyakova A.V., Simenenko A.A. Linguistic potential of emoticons in the English-speaking Internet space // Originalnye issledovaniya (Original Research). 2021. Vol. 11, No. 5. P. 112–115.
6. Kitova E.B. Communication in the Internet environment and the “universal language” emoji // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki (Questions of Theory and Practice of Journalism). 2016. Vol. 5, No. 4. P. 654–664. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).654-664

7. Kolesnikova V.V., Lagoiko A.G. Finnish emojis are simply about the complex. In: Proceedings of the Scientific conference with international participation "SPbPU Science Week", St. Petersburg, November 19–24, 2018. St. Petersburg: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University", 2019. P. 420–423.
8. Koltsova E.A., Kartashkova F.I. Multimodal nature of digital communication: the functioning of emoji in interpersonal communication // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika (Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics). 2022. Vol. 13, No. 3. P. 769–783. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783
9. Kosmarskaya I.V. Formation of building elements of written Internet speech (on the material of emoticon and emoji) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki (Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences). 2021. No. 3 (845). P. 110–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_3_845_110
10. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Kiev: Nika-Tsentr, 2004. 432 p.
11. McLuhan H.M. Understanding Media: The Extensions of Man. Moscow: Kanon-press-Ts, Kuchkovo Pole, 2003. 464 p.
12. Maksimenko O.I. Semiotic features of the media text of the Internet // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika (Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics). 2011. No. 1. P. 50–58.
13. Merkulov I.P. Cognitive features of archaic thinking. In: Contradiction and discourse. Moscow, 2005. P. 63–78. URL: https://iphras.ru/elib/Prot_discurs_4.html (access date: 26.09.2021).
14. Molchanova G.G. Cognitive nonverbalism as a polycode means of intercultural communication: kinesics // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya (Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication). 2014. No. 2. P. 13–30.
15. Rubets M.V. Visual handling of written characters in Chinese culture: from tradition to cyber-culture // Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologiy i kiberprostranstva (Philosophical Problems of Information Technologies and Cyberspace). 2018. No. 2 (15). P. 4–24. DOI: 10.17726/phillT.2018.2.15.1
16. Rubets M.V. Influence of modernization processes on some aspects of the modern Chinese language // Istoriya filosofii (History of Philosophy). 2015. Vol. 20, No. 2. P. 47–60.
17. Sboev A.N. The language of the Chinese Internet / Eastern in-t. School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University. Moscow: Nauka – Vost. lit., 2020. 174 p.
18. Selezneva N.V., Yao S. Methods of contamination of oral and written speech in Russian and Chinese messengers // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika (Bulletin of the South-Western State University. Series: Linguistics and Pedagogy). 2021. No. 11 (1). P. 40–53.
19. Sonin A.G., Michurin D.S. Evolution of polycode texts: from influence to interaction // Voprosy psikholingvistiki (Questions of Psycholinguistics). 2012. No. 16. P. 164–173.
20. Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. Moscow: Moscow State University Press, 2008. 352 p.
21. Evans V. The emoji code. How Smiley faces, Love hearts and Thumbs up are changing the way we communicate. Michael O'Mara Books Limited. 2017.
22. Kiaer J. Emoji Speak: Communication and Behaviours on Social Media. Bloomsbury Academic. 2023. 216 p.
23. Tian Lifang. Analysis of Network Emoji // Value Engineering. 2014. No. 6. 200–201 (In Chinese).
24. Yang Zhi. Research on the Evolution of Chinese Internet Emojis // Journal of Hengyang Normal University (Social Sciences). 2021. Vol. 2, No. 2 (In Chinese).
25. Zhang Haoran. The role of Emoji in interpersonal communication on the Internet // Journal of Journalism and Research. 2018. Is. 9 (4). P. 76–77 (In Chinese).

УДК 81-13

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н.Н. Казыдуб (Красноярск, Россия)

Го Сяотун (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Рекламная коммуникация является актуальной областью исследования в современной лингвистике, что объясняется широким распространением рекламной деятельности во всех лингвокультурах, возрастающей значимостью грамотного позиционирования рекламного продукта и необходимостью расширения методологического инструментария лингвоаксиологического моделирования как способа конструирования коммуникативной среды.

Цель исследования заключается в системном описании концептуальной и стратегической составляющих речевого воздействия в рекламной коммуникации, а также в выявлении и систематизации вербальных единиц, обеспечивающих прагматический эффект воздействия на адресата.

Методология исследования основывается на обобщении теоретических положений в области лингвистической аксиологии, лингвистической прагматики, маркетинговой лингвистики и теории коммуникации.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования обоснована значимость аксиологической составляющей рекламной коммуникации. Установлено, что лингвоаксиологическое моделирование воздействующего потенциала рекламного текста включает три компонента: 1) конструирование аксиологической перспективы как привлекательного для реципиента образа будущего; 2) формирование аксиосферы – совокупности лингвокультурных концептов; 3) реализация стратегий коммуникативного воздействия на целевую аудиторию. Смоделированы три аксиологических концептуальных кластера: 1) ценности рекламной коммуникации как разновидности маркетингового воздействия; 2) культурные ценности; 3) ценности целевой аудитории.

Заключение. Рассмотрение рекламной коммуникации в призме ее лингвоаксиологического моделирования эксплицирует способы конструирования эффекта воздействия рекламного текста на целевую аудиторию. Содержание лингвоаксиологического моделирования коммуникативной среды обосновывается положением о центральности моделирующей функции языка и включает концептуальные и стратегические инструменты продвижения рекламного контента. Концептуальный компонент представлен тремя кластерами аксиологических концептов, формирующих аксиосферу коммуникативного события. Стратегический компонент включает набор аксиологических стратегий (легитимирующей, позиционирующей и оптимизирующей), решающих задачу вовлечения адресата в коммуникативное пространство и обеспечивающих запланированный перлокутивный эффект.

Ключевые слова: аксиосфера, аксиологический концепт, аксиологическая перспектива, коммуникативное пространство, коммуникативная стратегия, культурные ценности, лингвоаксиологическое моделирование, маркетинговая коммуникация, рекламная коммуникация, рекламный текст.

Казыдуб Надежда Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru

Го Сяотун – аспирант кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: 1205969259@qq.com

Постановка проблемы. Широкое распространение рекламной деятельности как способа продвижения продуктов, товаров и услуг ставит задачу теоретического осмысления принципов, механизмов и стратегий ориентирующего воздействия в рекламной

коммуникации. В данной работе проблема конструирования эффекта воздействия рекламного текста рассматривается в плоскости лингвоаксиологического моделирования, что позволяет эксплицировать ценностное содержание рекламного контента.

Методология исследования основывается на научных положениях: 1) о центральной моделирующей функции языка и, соответственно, эвристической ценности лингвистического моделирования реальности [Болдырев, 2013; Лакофф, 2004; Васильева, Васильев, 2022; Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни, 2023; Croft, Cruse, 2004; Trnka, Poláčková Šolková, Tavel, 2018]; 2) о фундаментальной значимости аксиологического компонента языковой концептуализации и речевой коммуникации [Афанасьева и др., 2019; Викулова и др., 2018; Казыдуб, 2021; 2022; Лингвистика и аксиология, 2011; Серебренникова, 2021; Culture Matters, 2000; Kolmogorova, Kozachina, 2020]; 3) о комплексном характере речевого воздействия в медиакоммуникации [Желтухина, 2021; Ухова, 2020; Brusenskaya, Belayeva, Kulumbegova, 2023; Chang, 2019; Kulikova, Barabash, Tedeeva, 2023; Reynolds, 2019; Matheson, 2005]; о рекламной коммуникации как разновидности маркетинговой коммуникации [Борисова, 2019; Кафтанджиев, 2008; Ухова, Аниськина, 2019; Ухова, 2020].

Исследование выполнено в рамках методологической триады: *культура – язык – человек – личность*. Эта триада вбирает в себя широкий спектр фундаментальных связей языка и культуры, главным актором-креатором которых является человек как личность. Такие связи раскрывают глубинные механизмы взаимодействия и корреляции культуры, языка и человеческого фактора [Зыкова, 2017, с. 59].

Обзор научной литературы. В современной лингвистической литературе уделяется значительное внимание изучению рекламной коммуникации как *медийного* пространства, в рамках которого *моделируется* комплексное речевое воздействие на целевую аудиторию. В этом плане основополагающими являются работы, раскрывающие сущность и содержание медиакоммуникации [Желтухина, 2021; Ухова, 2020; Chang, 2019; Reynolds, 2019; Matheson, 2005]. В трудах Х. Кафтанджиева, Е.Г. Борисовой, Л.В. Уховой и Н.В. Аниськиной уточняется статус рекламной деятельности как разновидности маркетинговой коммуникации, что обосновывает

рассмотрение рекламных сообщений как «продвигающих» текстов, реализующих широкий диапазон стратегий воздействия на целевую аудиторию [Борисова, 2019; Кафтанджиев, 2008; Ухова, Аниськина, 2019]. Методологическую значимость имеют исследования, которые содержат описание принципов и инструментов лингвистического моделирования фактов и событий реального мира [Болдырев, 2013; Лакофф, 2004; Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни, 2023; Croft, Cruse, 2004]. Особое значение имеет аксиологический компонент речевой коммуникации, о чем свидетельствуют исследования в области лингвистической аксиологии [Викулова и др., 2018; Лингвистика и аксиология, 2011; Серебренникова, 2021; Culture Matters, 2000; Kolmogorova, Kozachina, 2020].

Результаты исследования и обсуждение. В ходе проведенного исследования обоснована значимая роль лингвоаксиологического моделирования как эффективного инструмента воздействия на целевую аудиторию в рекламной коммуникации. Сущность лингвоаксиологического моделирования заключается в целенаправленном выборе и актуализации аксиологических концептов посредством реализации дискурсивных стратегий, включенных в аксиологическую перспективу речевого воздействия.

Опорным для настоящего исследования является положение о центральной моделирующей функции языка [Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни, 2023], что позволяет рассматривать рекламную коммуникацию как объект лингвистического моделирования. Сценарий моделирования с необходимостью включает ценностный компонент, представленный корпусом аксиологических концептов и стратегий, объективируемых функционально-специализированными языковыми единицами.

В фокусе исследования находится лингвоаксиологическое моделирование рекламной коммуникации, то есть процесс конструирования определенной аксиосферы как совокупности лингвокультурных концептов, приобретающих актуальную значимость в рамках реализации дискурсообразующей стратегии.

Представляется, что содержание аксиосферы рекламной коммуникации формируется, с одной стороны, прагматическими установками соответствующей коммуникативной практики, ориентированной на позиционирование и продвижение рекламного продукта, а с другой – актуальными ценностями культуры и языковых личностей – коммуникатора и реципиента рекламного контента.

Важно отметить, что рекламная деятельность относится к маркетинговым коммуникациям. С учетом их целевого назначения рекламные сообщения приобретают характеристики «продвигающих» текстов, то есть коммуникативных единиц, которые служат целям эффективного воздействия на целевую аудиторию и обладают системой релевантных вербальных и невербальных средств его усиления/оптимизации [Ухова, Аниськина, 2019, с. 49–50]. Характерными чертами рекламных текстов являются образность, экспрессивность и субъективность [Желтухина, 2021, с. 144].

Основной принцип маркетинга – ориентация на эффективное решение проблем конкретного потребителя. Следовательно, критическую значимость для рекламной коммуникации приобретает фактор адресата. Главная цель рекламных текстов заключается в реализации определенного воздействия на адресата, что с необходимостью предполагает расширение диапазона эмоционального воздействия как способа активации ассоциативных связей, конструирования и актуализации имплицитных смыслов-триггеров. Рекламная коммуникация в отношении адресата обладает рядом особенностей, а именно: 1) одной из главных задач является привлечение внимания; 2) адресат обычно подвергает сомнению объективность и точность источника информации; 3) не предполагается обратная связь: воздействие на адресата носит более опосредованный и многоэтапный характер; 4) участие языковых личностей в рекламной коммуникации имеет определенные черты игры [Борисова, 2019, с. 57–59].

Аксиосфера рекламной коммуникации как составляющая концептосферы культуры формируется и развивается посредством переживания и осмысления мира.

Переживание мира – способ отражения в процессе познания действительности определенного психического состояния человека. выступающего как «событие» его собственной жизни. Основные модусы переживания мира: 1) эмоционально-чувственное переживание; 2) душевное переживание; 3) эстетическое переживание [Зыкова, 2017, с. 259]. Эмоционально-чувственное переживание мира формирует широкий диапазон чувств и эмоций, отражающих базовые характеристики духовной культуры как информационной системы и, как следствие, обладающих значительным ориентирующим потенциалом. Основу душевного переживания составляют нравственные (этические, или духовные) чувства: добродетель, долг, достоинство, милосердие, ответственность, свобода. Эстетическое переживание действительности – восприятие реальности в модусе очарования и восхищения [Там же, с. 268]. Осмысление мира – способ систематизации полученной и/или выработанной в процессе познания информации о мире в целом.

Аксиосфера коммуникативного воздействия в рекламной коммуникации включает три кластера аксиологических концептов: 1) концепты, воплощающие ценности рекламной коммуникации как способа воздействия на адресата; 2) концепты, наделенные особой значимостью в соответствующей лингвокультуре; 3) концепты, имеющие значимость для языковых личностей, участвующих в коммуникации, прежде всего для адресата как объекта коммуникативного воздействия.

Кластер аксиологических концептов, моделируемых прагматическими установками рекламной коммуникации, содержит такие ценностные смыслы, как: *аттрактивность, лингвокреативность, позиционирование, оптимизированность, эффективность*.

Аттрактивность рекламного текста формируется посредством актуализации широкого набора аттракторов – средств притяжения внимания целевой аудитории и ее вовлечения в интерпретативное поле коммуникативного события. Особую значимость имеют аксиологические аттракторы, воплощающие наиболее

значимые для культуры в целом и отдельной языковой личности смыслы. Установлено, что в рекламной коммуникации наиболее частотными концептами-аттракторами являются:

Инновационность – *новый взгляд; новые методы; новые возможности; новая коллекция; новая серия; новая эра; новая формула; новый образ; инновация; новинка; инновационная технология; революционное открытие.*

Натуральность (естественность, экологичность) – *натуральный продукт; естественное сияние; экотехнологии; сила природы; щедрость природы.*

Позитивное эмоциональное переживание: *вдохновение; восхищение; гармония; наслаждение; радость; удовольствие.*

Высокое качество: *безупречный уход; нежная забота; длительная защита; идеальный баланс; экспертный уровень.*

Лингвокреативность осмысливается как заложенный в языке потенциал его разнообразного использования, включая возможность создания посредством специальных средств особых форм интеллектуальной творческой деятельности – языковых игр [Зыкова, 2017, с. 598–599]. Например:

Умные сумки для умных мам и пап [Комфорт Беби¹].

Позиционирование представляет собой обозначение выгодных позиций товара/продукта/услуги: *бренд № 1; специальное предложение; эксклюзивная технология; экстраординарное решение; уникальная технология.*

Оптимизированность – свойство аксиогенной коммуникативной среды – предполагает уплотнение коммуникативного пространства путем его насыщения значительным количеством языковых дескрипций, обеспечивающих повышение внимания и интереса к рекламному сообщению.

Эффективность включает достижение определенного (запланированного адресантом) эффекта воздействия на целевую аудиторию: от привлечения внимания до осуществления

покупки рекламируемого продукта. Ср.: *эффективность; двойная эффективность; двойное действие; мгновенный эффект; эффектный объем; (двойное) преобразование.*

Второй кластер аксиологических концептов представлен смыслами, восходящими к фундаментальной аксиологии лингвокультуры. Логично предположить, что лингвоаксиологическое моделирование рекламного контента с необходимостью должно учитывать и широко использовать воздействующий потенциал культурных концептов, воплощающих наиболее значимую культурную информацию. Приведем пример.

Квас «Хлебный край» – до краев наливай! [Хлебный край²].

Этот слоган приобретает аксиологическую значимость за счет актуализации одного из самых значимых концептов русской культуры – хлеб. Ср.: *Хлеб – всему голова* [Жуков³, 1998, с. 341]. Атрибутивное словосочетание «хлебный край» моделирует культурные ассоциации: бескрайнее пространство, золотые колосья пшеницы, жизненная сила. Этот образ конструирует вектор интерпретации рекламируемого товара как натурального и питательного продукта.

Третий кластер аксиологических концептов отражает приоритеты целевой аудитории – потребителя соответствующих товаров и услуг.

Этот кластер тесно связан с социокультурными индексами (социальный статус, престиж, имидж), атрибутами человеческого бытия (продукты, одежда, жилище и т.п.), желаниями и переживаниями целевой аудитории. Например:

Путешествие – мечта! [Astoria Grande⁴].

Актуализация аксиологических концептов в рекламной коммуникации осуществляется в рамках реализации дискурсообразующих стратегий. К наиболее значимым относятся стратегии легитимации, позиционирования и оптимизации.

Стратегии легитимации моделируют диапазон воздействия рекламного контента посредством валоризации (наделения особой

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=OxehOji88zA>

³ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1998. 544 с.

⁴ URL: <https://astoriagrande.com/>

¹ Жду малыша. 2011. № 11. С. 23.

значимостью) отдельных смыслов. Легитимация определяется как процесс обозначения значимости того или иного феномена на основе установления его соответствия аксиологическим моделям лингвокультурного сообщества [Козачина, 2021⁵]. Стратегии позиционирования моделируют параметр уникальности рекламируемого продукта, обозначают его наиболее выгодные характеристики. Различаются такие виды позиционирования, как: 1) позиционирование базового субъекта, обладающего определенным авторитетом; 2) позиционирование продукта с учетом характеристик целевой аудитории (социокультурных параметров, когнитивных моделей, прагматических установок); 3) позиционирование по наиболее актуальным критериям: новизны, престижа, выгоды, качества.

Стратегии оптимизации, или оптимизирующие стратегии, моделируют положительную оценку рекламируемого продукта со стороны целевой аудитории путем формирования оптимальной коммуникативной среды за счет ее насыщения аксиологически маркированными языковыми единицами.

Важно отметить, что моделирование аксиосферы рекламной коммуникации в рамках продвижения рекламного продукта обязательно вписывается в аксиологическую перспективу коммуникативного воздействия. Аксиологическая перспектива определяется как образ будущего, ядро которого формируется содержанием ценностного концепта, выполняющего роль триггера разнообразных переживаний: эмоционально-чувственных, душевных или эстетических (подробнее см.: [Казыдуб, 2022]). Проанализируем пример.

Красота будущего: устойчивое и экологичное сырье; ответственный подход к формулам; научно-доказанная эффективность [Clarins⁶].

В приведенном выше примере аксиологическая перспектива конструируется посредством

актуализации аксиологических концептов *красота* и *будущее*, вербализованных аксиологемой-словосочетанием «красота будущего». Данное словосочетание указывает на инновационный характер косметических продуктов этой компании и, соответственно, формирует ожидания целевой аудитории: предполагается новый, более значительный эффект. Иллокутивный диапазон аксиологемы-триггера расширяется путем включения в ее интерпретативное поле дополнительных концептуальных признаков: *экологичность* (экологичное сырье); *ответственность* (ответственный подход); *эффективность* (научно-доказанная эффективность). Тем самым реализуется стратегия позиционирования косметического бренда как социально ответственной, ориентированной на будущее компании-производителя инновационных, экологически безопасных и эффективных косметических средств.

Таким образом, в ходе исследования выявлены три кластера аксиологических концептов, моделирующих аксиосферу рекламной коммуникации: 1) концепты, формирующие параметры маркетингового дискурса; 2) концепты, отражающие наиболее значимые для лингвокультуры смыслы; 3) концепты, конгруэнтные переживаниям целевой аудитории. Эксплицированный моделирующий потенциал дискурсообразующих стратегий: легитимирующей, позиционирующей и оптимизирующей.

Заключение. Рекламная коммуникация как область формирования и продвижения определенных ментальных схем и поведенческих сценариев с необходимостью включает аксиологическую составляющую. Соответственно, лингвоаксиологическое моделирование рекламного контента является одним из важных инструментов реализации эффекта воздействия на целевую аудиторию. Это сложный процесс, который представляет собой конструирование аксиосферы – коммуникативной среды, обладающей значительным воздействующим потенциалом. Выбор и актуализация аксиологических концептов в коммуникативном событии предопределяются интенциональностью коммуникатора, воплощенной в стратегической иллокуции.

⁵ Козачина А.В. Стратегии и средства легитимации институционализированных ценностей в педагогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Красноярск, 2021. 25 с.

⁶ URL: <https://www.clarins.ru/>

Библиографический список

1. Афанасьева О.В., Баранова К.М., Машошина В.С., Чупрына О.Г. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство: монография. М.: Диона, 2019. 112 с.
2. Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.А. Беседина. С. 18–30.
3. Борисова Е.Г. Рекламный текст с позиции адресата // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: кол. монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 57–65.
4. Васильева С.П., Васильев А.Д. Языковая картина мира профессиональной группы «педагог» Красноярского края // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 2. С. 166–180. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-60-2-341>
5. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Вострикова О.В., Герасимова С.А. Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur/value*: сравнительно-сопоставительный подход // Филологические науки. 2018. № 1. С. 3–13. DOI: 120339/PhS.1-18.003
6. Желтухина М.Р. Межкультурная полилоговая медиапопуляризация в XXI веке // Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу: кол. монография / отв. ред. Л.Г. Викулова, Е.Г. Тарева. М.: Издательский дом ВКН, 2021. С. 138–171.
7. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: КОНСТАНТЫ И ВАРИАНТЫ. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
8. Казыдуб Н.Н. Аксиологические концепты в интерпретирующем дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. № 2. С. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-60-2-342>
9. Казыдуб Н.Н. Проблема культурно-языковых контактов в изменяющемся мире: коды и стратегии // Динамика и статика в познании реальности языка: монография / под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
10. Кафтанджиев Х. Герои и красавицы в рекламе. СПб.: Питер, 2008. 223 с. (Маркетинг для профессионалов).
11. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
12. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: кол. монография / отв. ред. Л.Г. Викулова. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с.
13. Серебренникова Е.Ф. Лингвоаксиологические операции: в пространстве между миром реальным и мирами дискурсивного позиционирования // Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации: монография / под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. С. 10–29. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
14. Ухова Л.В., Аниськина Н.В. Коммуникативно-стилевая мимикрия как важный прием создания «продвигающего» текста // Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста: коллективная монография / под ред. Е.Г. Борисовой, Л.Г. Викуловой. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 48–56.
15. Ухова Л.В. Маркетинговый дискурс: «продвигающий текст» в цифровой среде // Человек и его дискурс – 6: дигитализация коммуникативных практик: кол. монография / отв. ред. М.Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. М.; Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2020. С. 117–127.

16. Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни: монография / под науч. ред. д-ра филол. наук. проф. Н.А. Боженковой, д-ра филол. наук, проф. М.Р. Желтухиной. М.: ИНФРА-М. 2023. 294 с. (Научная мысль). DOI: 10.12737/1946199
17. Brusenskaya L., Belayeva I., Kulumbegova L. Quantitative evaluation as an expressive means in media discourse // Media Education (Mediaobrazovanie). 2023. 19 (2). P. 205–211. DOI: 10.13187/me.2023.2.205
18. Chang W.Y. Media discourse and perception of game regulatory issues // The Communication Review. 2019. Vol. 22, No. 2. P. 139–161. DOI: <https://doi.org/10.1080/10714421.2019.1581046>
19. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
20. Culture Matters: how values shape human progress / L.E. Harrison, S.P. Huntington (Ed.). New York: Basic Books, 2000. 348 p.
21. Kolmogorova A.V., Kozachina A.V. Discursive strategies of legitimating of institutionalized values in educational settings: Experience of Japan // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. No. 13 (12). P. 1985–1994. DOI: 10.17516/1997-1370-0698
22. Kulikova E., Barabash V., Tedeeva Z. The pragmatic component of semantics and its role in media texts // Media Education (Mediaobrazovanie). 2023. 19 (2). P. 302–309. DOI: 10.13187/me.2023.2.302
23. Matheson D. Media discourses. Analysing media texts // Issues in Cultural and Media Studies / S. Allan (Ed.). Berkshire, England: Open University Press, 2005. 219 p.
24. Reynolds Ch. Building theory from media ideology: Coding for power in journalistic discourse // Journal of Communication Inquiry. 2019. Vol. 43 (1). P. 47–69. DOI: 10.1177/0196859918774797
25. Trnka R., Poláčeková Šolková I., Tavel P. Component of cultural complexity relating to emotions: A conceptual framework // New Ideas in Psychology. 2018. Vol. 51. P. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.Newideapsych.2018.05.001>

LINGUO-AXIOLOGICAL MODELLING OF ADVERTISING COMMUNICATION: CONCEPTUAL AND STRATEGIC ASPECTS

N.N. Kazydub (Krasnoyarsk, Russia)

Go Syaotun (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Advertising communication is an urgent area of research in modern linguistics, which is explained by the wide spread of advertising activities in all linguistic cultures, the increasing importance of competent positioning of an advertising product and the need to expand the methodological tools of linguo-axiological modeling as a way of constructing a communicative environment.

The purpose of the study is to systematically describe the conceptual and strategic components of speech influence in advertising communication, as well as to identify and systematize verbal units that provide a pragmatic effect of influence on the addressee.

Methodology (materials and methods). The research methodology is based on the generalization of theoretical positions in the field of linguistic axiology, linguistic pragmatics, marketing linguistics and communication theory.

Research results. As a result of the conducted research, the importance of the axiological component of advertising communication is substantiated. It is established that the linguo-axiological modeling of the influencing potential of the advertising text includes three components: 1) the construction of an axiological perspective as an attractive image of the future for the recipient; 2) the formation of the axiosphere – a set of linguistic and cultural concepts; 3) the implementation of strategies of communicative impact on the target audience. Three axiological conceptual clusters are modeled: 1) the values of advertising communication as a kind of marketing impact; 2) cultural values; 3) the values of the target audience.

Conclusions. Consideration of advertising communication in the prism of its linguo-axiological modeling explicates the ways of constructing the effect of advertising text on the target audience. The content of linguo-axiological modeling of the communicative environment is justified by the provision on the centrality of the modeling function of the language and includes conceptual and strategic tools for promoting advertising content. The conceptual component is represented by three clusters of axiological concepts that form the axiosphere of a communicative event. The strategic component includes a set of axiological strategies (legitimizing, positioning, and optimizing) that solve the problem of involving the addressee in the communicative space and provide the planned perlocative effect.

Keywords: *axiosphere, axiological concept, axiological perspective, communicative space, communicative strategy, linguo-axiological modelling, marketing communication, advertising communication, advertising text.*

Kazydub, Nadezhda N. – DSc (Philology), Professor, Department of English, Faculty of Foreign Languages, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: nadejda_kazydoub@mail.ru

Go, Syaotun – Postgraduate student, Department of Foreign Languages, School of Philology and Language Communication, SibFU (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: 1205969259@qq.com

---

References

1. Afanasieva O.V., Baranova K.M., Mashonina V.S., Chupryna O.G. American culture and language XIX century view of the world: time, freedom, fate, solitude, dignity: monograph. Moscow: Diona, 2019. 112 p.
2. Boldyrev N.N. Structuring of experience and integrating of meaning in an utterance. In: Cognitive studies of language / series editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. Vol. 13. The cognitive basis of language as a functional system: collection of papers / Ed. by N.A. Besedina. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2013. P. 18–30.

3. Borisova E.G. Advertising text from the addressee's perspective. In: Marketing linguistics. Typical patterns of the "advancing" text: collective monograph / E.G. Borisova, L.G. Vikulova (Ed.). Moscow: FLINTA, 2019. P. 57–65.
4. Vasilieva S.P., Vasilyev A.D. Language picture of the world of professional group "teacher" of the Krasnoyarsk territory // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev). 2022. No. 2 (60). P. 166–180. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-60-2-341>
5. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Vostrikova O.V., Gerasimova S.A. Linguistic axiological analysis of the lexemes valeur / value: comparative-contrastive approach // Filologicheskie nauki (Philological Sciences). 2018. No. 1. P. 3–13. DOI: 10.20339/PhS.1-18.003
6. Zheltukhina M.R. Intercultural polylogue media popularisation in the 21st century. In: Interaction of languages and cultures: from dialogue to polylogue: collective monograph / L.G. Vikulova, E.G. Tareva (Ed.). Moscow: VKN, 2021. P. 138–171.
7. Zykova I.V. Metalanguage of linguoculturology: CONSTANTS AND VARIANTS. Moscow: Gnozis, 2017. 752 p.
8. Kazydub N.N. Axiological concepts in interpretative discourse // Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva (Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev). 2022. No. 2 (60). P. 181–189. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2022-60-2-342>
9. Kazydub N.N. On the problem of cultural and language contacts in the changing world: codes and stratagems. In: Dynamics and statics in learning the reality of the language: approaches, phenomena, means of representation / monograph / E.F. Serebrennikova (Ed.). Irkutsk: ISU, 2021. P. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
10. Kaftandzhiev H. Heroes and beauties in advertising. St. Petersburg: Piter, 2008. 223 p. (Series "Marketing for professionals").
11. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind: translated from the English language by I.V. Schatunovsky. Moscow: Yazyki slavyanskoy kulturi, 2004. 792 p.
12. Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value senses: collective monograph / L.G. Vikulova (Ed.). Moscow: Tezaurus, 2011. 352 p.
13. Serebrennikova E.F. Linguo-axiological operations between real world and worlds of discourse positioning. In: Dynamics and statics in learning the reality of the language: approaches, phenomena, means of representation: monograph / E.F. Serebrennikova (Ed.). Irkutsk: ISU, 2021. P. 10–29. DOI: <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1920-6.2021.1-285>
14. Ukhova L.V., Aniskina N.V. Communicative-stylistic mimicry as an important means of "advancing" text construction. In: Marketing linguistics. Typical patterns of the "advancing" text: collective monograph / E.G. Borisova, L.G. Vikulova (Ed.). Moscow: FLINTA, 2019. P. 48–56.
15. Ukhova L.V. Marketing discourse: "advancing" text in the digital environment. In: Person and his Discourse – 6: Digitalisation of Communicative Practices: collective monograph / M.R. Zheltukhina (Ed.), VSSPU, IL RAS. Moscow; Volgograd: PrinTerra-Dizayn, 2020. P. 117–127.
16. Language: life of senses vs sense of life: monograph / N.A. Bozhenkova, DSc (Philology), Professor, M.R. Zheltukhina, DSc (Philology), Professor (Ed.). Moscow: INFRA-M, 2023. 294 p. DOI: 10.12737/1946199
17. Brusenskaya L., Belayeva I., Kulumbegova L. Quantitative evaluation as an expressive means in media discourse // Media Education (Mediaobrazovanie). 2023. 19 (2). P. 205–211. DOI: 10.13187/me.2023.2.205
18. Chang W. Y. Media discourse and perception of game regulatory issues // The Communication Review. 2019. Vol. 22, No. 2. P. 139–161. DOI: <https://doi.org/10.1080/10714421.2019.1581046>
19. Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

20. Culture Matters: how values shape human progress / L.E. Harrison, S.P. Huntington (Ed.). New York: Basic Books, 2000. 348 p.
21. Kolmogorova A.V., Kozachina A.V. Discursive strategies of legitimating of institutionalized values in educational settings: Experience of Japan // J. Sib. Fed. Univ. Humanit. Soc. Sci. 2020. No. 13 (12). P. 1985–1994. DOI: 10.17516/1997-1370-0698
22. Kulikova E., Barabash V., Tedeeva Z. The pragmatic component of semantics and its role in media texts // Media Education (Mediaobrazovanie). 2023. 19 (2). P. 302–309. DOI: 10.13187/me.2023.2.302
23. Matheson D. Media discourses. Analysing media texts // Issues in Cultural and Media Studies / S. Allan (Ed.). Berkshire, England: Open University Press, 2005. 219 p.
24. Reynolds Ch. Building theory from media ideology: Coding for power in journalistic discourse // Journal of Communication Inquiry. 2019. Vol. 43 (1). P. 47–69. DOI: 10.1177/0196859918774797
25. Trnka R., Poláčková Šolková I., Tavel P. Component of cultural complexity relating to emotions: A conceptual framework // New Ideas in Psychology. 2018. Vol. 51. P. 27–33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.Newideapsych.2018.05.001>

УДК 81.243; 811.161.1

МОТИВАЦИЯ ИНДОНЕЗИЙЦЕВ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА: ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЕЕ МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ¹

Е.В. Осетрова (Красноярск, Россия)

И.В. Ревенко (Красноярск, Россия)

С.П. Васильева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Система мотивации является двигателем осознанной активности, реализации человека в любой сфере, в том числе в сфере образовательной и учебной деятельности. Рассматривая феномен мотивации в различных аспектах, исследователи не оставляют попыток представить его в виде той или иной модели. Однако известные опыты создания подобных структур показывают, что в качестве мотивирующих в них учитываются элементы преимущественно рациональной природы: карьера, успех, авторитет, финансовое и социальное благополучие и т.п. Между тем и отдельные теоретические выкладки, и гуманитарная практика, в частности методика обучения иностранным языкам, заставляют обратить внимание на то, что при формировании установок к деятельности существенную роль играют компоненты эмоционально-ценностной природы.

Цель исследования – создание модели мотивации обучающихся из Индонезии к изучению РКИ с учетом мотивационных факторов эмоционально-ценностной природы.

Методология (материалы и методы) исследования базируется на положениях коммуникативно-деятельностного и этноориентированного подходов, в границах которых использованы универсальные методы анализа и синтеза, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Предложенная модель мотивации РКИ включает шесть компонентов: мотивируемый субъект, мотивирующий субъект, объект мотивации, мотивационная оценка, мотивационный мodus, мотивированное действие, которые рассмотрены в динамике их развития и одновременно в приложении к процессу обучения русскому языку как иностранному индонезийских студентов. Данная модель структурирована по трем уровням: базовый уровень (I) отражает первичное стереотипное представление обучающихся о России, которое укладывается в набор общеизвестных концептов-характеристик, определено как «экзотичное „другое“» и которое будет «интересно узнать»; формируемый уровень (II) соответствует периоду погружения обучающихся в образовательный процесс, постижение русского языка и русской культуры, межнациональные контакты, которые охарактеризованы как «похожее и хорошее» либо как «отличное, но не плохое» – то, что хочется «изучать и узнавать»; результирующий уровень (III) соответствует завершающему этапу обучения, когда у иностранных граждан формируется интегрированное представление о России, подержанное разносторонним опытом, а также устойчивым отношением сопричастности к освоенным культуре и языку, успешными стать «своими» и/или «дружескими» и активирующими мотивационные установки через ключевые предикаты «сотрудничать», «изучать» и «узнавать».

Выводы. Эмоционально-ценностный компонент в общей структуре мотиваций – с учетом принципов коммуникативно-деятельностного и этнокультурного подходов – является значимым и влияющим на эффективность процессов языкового обучения и социальной адаптации индонезийцев, обучающихся РКИ.

Ключевые слова: Индонезия, русский язык, межкультурная коммуникация, моделирование, мотивация, эмоционально-ценностный компонент.

Осетрова Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

Ревенко Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

Васильева Светлана Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

¹ Исследование выполнено по проекту «Исследование механизмов мотивации обучающихся Индонезии к изучению русского языка как средства межкультурной коммуникации», который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ, в рамках государственного задания № 073-00018-23-02.

Постановка проблемы. Моделирование как процесс и/или результат создания схемы какого-либо объекта или явления [Крысин, 1998, с. 447] заимствуется гуманитарными науками из математических и естественнонаучных областей знания и активно используется в лингвистике, педагогике, психологии, социологии, теории коммуникации и др. Достаточно сослаться, например, на широко известную линейную модель коммуникации Г. Лассуэлла [Lasswell, 1960] или на модель «смысл ↔ текст» И.А. Мельчука [Мельчук, 1999], во многом определившую концепцию отечественной языковой семантики. Преимущество данного способа предъявления исследовательских достижений состоит в том, что целевая аудитория имеет возможность воспринимать содержание реконструируемого феномена (элементы, их взаимосвязи, динамику их развития) в целостном, обобщенном и концентрированном виде с опорой на визуализацию предъявляемой идеи.

Лингвистические направления с большим «практическим» компонентом – юрислингвистика, психолингвистика, лингвистическая имиджология, лингвокультурология – тем более ориентированы на моделирование, поскольку последнее позволяет наглядно продемонстрировать деятельностную составляющую, принципиально важную при освоении той или иной области в функциональном отношении. К числу таких практико-ориентированных направлений относятся теория и методика обучения иностранным языкам, в том числе русскому языку как иностранному (РКИ).

Обзор научной литературы. Основой мотивационного моделирования регулярно становится структура мотивации как универсального феномена. В этой структуре авторы, ориентируясь на различные аспекты мотивации, выделяют множество компонентов – от нацеленности на результат до принуждения [Додонов, 1984], от физиологических, в том числе сексуальных, потребностей до удовлетворения агрессии и поддержания чувства собственного достоинства [Argyle, 1954].

Структура мотивации учебной и образовательной деятельности учитывает, как правило, факторы – обстоятельства, стимулы, целеполага-

ния, – имеющие социальную природу и обретающие при осмыслении их человеком характеристику некой объективности, «рациональности», а именно: практические, карьерные, интеллектуальные установки, причины и задачи обучения [Ильин, 2000], содержание образования, его результат, долг и польза [Илюшин, 2004], дополняемые этническим, религиозным, возрастным и др. квалификаторами.

Между тем общий анализ мотивации (с использованием формулировок «эмоционально-эстетическая потребность», «эмоциональный характер общения» [Якобсон, 1969], «удовольствие» [Додонов, 1984]), а также исследование образовательных мотиваций (с использованием формулировок «радостные ощущения», субъективно-переживаемые отношения» [Илюшин², 2004], «бодрое и жизнерадостное настроение», «доброжелательность» [Куликова³, 2008], «положительное отношение», «удовлетворенность» [Овчинников, 2008]) подтверждают наличие в ее структуре среди прочих эмоционально-ценностного компонента.

В частности, авторы пособий по методике школьного обучения иностранным языкам указывают на необходимость вовлекать в этот процесс «эмоции, чувства и ощущения» ребенка, создавая для него комфортную и свободную атмосферу [Гальскова, 2003, с. 97]. Ученые, развивающие теорию обучения иностранному языку, применимую к целям высшего образования, также говорят об эффективности подключения эмоций, «драматизирующих» ситуацию языковой коммуникации [Войтович, 2016, с. 34].

При этом мотивационный и эмоционально-ценностный компоненты – два самостоятельных, но одновременно тесно взаимосвязанных фактора. Отмечена значимость последнего при формировании коммуникативной компетенции, в том числе умения общаться на иностранном языке: «Эмоциональный положительный настрой и эмо-

² Илюшин Л.С. Методология и методика кросс-культурного исследования образовательной мотивации современных школьников: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2004. 368 с.

³ Куликова О.В. Особенности мотивации учения иностранных студентов: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2008. 192 с.

циональная готовность личности к межкультурной коммуникации будут способствовать быстрой ее аккультурации, что позволит индивиду быть готовым к взаимодействию с представителями другой лингвокультуры» [Нурмухамбетова, 2017, с. 235].

Мы разделяем данную точку зрения, определяя эмоционально-ценностный компонент как важнейший фактор языкового обучения. Положительная эмоция, позитивное отношение к изучаемому предмету, отношение к осваиваемому языку как к приобретаемой ценности – компетенции, позволяющей раскрыть новую культуру, традицию, расширить собственные социальные и коммуникативные возможности, – являются мощной и активной мотивационной базой, на которой основана деятельность в период всего освоения иностранного языка.

Лингвистика конкретизирует эмоционально-ценностный компонент в границах двух категорий. Здесь имеются в виду:

– «оценочность», семантика которой сводится к выражению разнообразных вариантов положительного/отрицательного/нейтрального отношения к какому-либо объекту [Вольф, 2019];

– «со/причастность», которая состоит в переживании и выражении внутренней психической нематериальной связи, ощущаемой субъектом по отношению к какому-либо объекту [Ким, 2009].

Обе категории, в свою очередь, проявляются через дихотомии «хорошо – плохо» [Философия, 2004] и «свое – чужое» [Степанов, 2004, с. 126–143; Revenko, Osetrova, 2022] соответственно.

Отвлекаясь от богатой научной традиции, дающей понимание структуры этих категорий, детализирующей их содержание, определяющей значимое присутствие каждой в картине мира носителя языка, обратим внимание лишь на одну их характеристику – высокую степень функциональности, которая не только проявляется при формировании эмоционально-ценностного представления об окружающей действительности и ее отдельных фрагментах, но и имеет ощутимый деятельностный потенциал: ориентируясь на то, что «свое» и «нравится», и учитывая то, что «чужое» и «не нравится», субъект обычно планирует свою активность и совершает либо не совершает кон-

кретные действия. В нашем случае – это деятельность обучающегося с целью освоения русского языка как иностранного.

Значение эмоционально-ценностной составляющей в структуре мотивации подтверждают, кроме прочего, данные ассоциативного цепочечного эксперимента, проведенного в рамках реализации проекта «Исследование механизмов мотивации обучающихся Индонезии к изучению русского языка как средства межкультурной коммуникации». Полученные ассоциации респондентов, слушателей из Республики Шри-Ланка, относящейся к общему с Индонезией Азиатско-Тихоокеанскому региону, дали возможность проанализировать лингвострановедческую, этно- и социолингвистическую информацию и продемонстрировали наличие большой доли оценочных реакций (ср.: *хороший, красивый, любимый, живой, честный, интересно, прекрасно – трудно, сложно, скрытно*). На уровне языковой семантики это может быть сведено к элементарным значениям ‘нравиться – не нравится’, ‘любить – не любить’, ‘интересно – не интересно’, ‘хорошо – плохо’.

Что касается сопричастности, то особо остро иностранными студентами переживается недостаток внутренней связи с осваиваемым новым социокультурным пространством и языком. Тогда у многих возникают ощутимые трудности, причины которых кроются, с одной стороны, в регулярных и необходимых контактах с нетипичным «чужим», а с другой – в отсутствии привычного «своего» [Гришаева, Цурикова, 2006, с. 118]. Очевидно влияние всего этого на осмысление действительности и на формирование навыков межкультурной коммуникации в процессе изучения РКИ.

В результате обозначим оценочность и сопричастность как мотивационные факторы эмоционально-ценностной природы, одновременно квалифицировав их как ключевые элементы модели мотивации, представленной ниже.

Методология исследования базируется на положениях коммуникативно-деятельностного и этноориентированного подходов, в границах которых использованы универсальные методы анализа и синтеза, а также сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования. Учитывая сказанное, а также сущность коммуникации и содержание обучения иностранному языку, покажем компонентный состав эмоционально-ценностной модели мотивации и далее – саму мотивационную модель.

Модель мотивации включает следующие компоненты.

– Мотивируемый субъект – далее S_m («коммуникатор», по А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1996]) – иностранные граждане, обучающиеся неродному языку; в данном случае индонезийцы, осваивающие русский язык как иностранный.

– Мотивирующий субъект – далее Ag_m («другой человек», «общество», по А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1996]) – активно действующие участники и их группы, вовлеченные в процесс обучения и шире – социально-культурной адаптации; в данном случае преподаватели русского языка как иностранного, кураторы учебной группы, российские студенты, организаторы внеучебной деятельности образовательного учреждения и др.

– Объект мотивации – далее O_m («объект», по А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1996]) – содержательная область, которая осваивается в процессе обучения; в данном случае русский язык, сфера социального взаимодействия и коммуникации, а также русская (возможно шире – многонациональная российская) культура, познаваемая посредством языка как средства межкультурной коммуникации.

– Мотивационная оценка (далее – $Mark_m$) – знак аксиологического отношения мотивируемого субъекта к объекту/ам мотивации; в данном случае оценка индонезийскими обучающимися русского языка, русской культуры и социального взаимодействия;

– Мотивационный модус (далее – Mod_m) – показатель уровня сопричастности, имеющейся у мотивируемого субъекта в отношении к объекту мотивации; в данном случае степень психоэмоциональной вовлеченности индонезийских граждан в учебу, языковые занятия, общение с русскоязычной аудиторией, степень приобщения к ценностям русской культуры.

– Мотивированное действие – далее Act_m («цель», «интересы», по А.А. Леонтьеву [Леонтьев, 1996]) – генеральная деятельностная установка, каузируемая мотивационной оценкой и мотивационным модусом, возникающая и развивающаяся с участием двух названных факторов.

Предваряя демонстрацию модели, заострим внимание еще на одном атрибуте – степени ее динамичности [Овчинников, 2008], отражении «подвижной» сущности образовательной деятельности, изменений, прогнозируемых в ходе освоения РКИ.

Итак, «Модель мотивации обучения индонезийцев русскому языку как средству межкультурной коммуникации» включает три уровня, названных базовым, формируемым и результирующим.

Базовый уровень – I

Формируя модель эмоционально-ценностной мотивации, а также принимая во внимание основные положения этноориентированного подхода, находящего все большую методическую популярность и теоретическую обоснованность [Шабаайти, Гао, 2021], опишем базовое представление обучающихся о стране изучаемого языка. Поскольку именно страна как геополитический феномен, объект, определяемый неповторимым историческим и современным содержанием, составляет первоначальный интерес для человека, решившего расширить свое знание об окружающем мире.

Представления такого рода для индонезийцев, которые собираются в Россию либо только что приехали в страну, имеют очевидное качество неопределенности. В современных условиях они могут быть конкретизированы выборочными сведениями, добытыми из общедоступных информационных источников, но одновременно личностно не освоены, поскольку лишены качества «пережитого»: последнее приобретается только после более или менее длительного, эмоционально прочувствованного, желательного прямого контакта с объектом интереса.

Наверняка же освоенным, поскольку составляет обыденную картину мира социума, коллектива, обычного человека – ту ее часть, которая связана с представлениями о «странах, континен-

тах, цивилизациях», – является стереотипное знание. Это знание о России, которое укладывается в набор общеизвестных концептов-характеристик (*очень далекая, очень холодная, самая большая страна*), суммированных с несколькими шаблонными предметными образами (*Москва, Кремль, матрешка, медведь, Сибирь, снег, тайга*).

С учетом больших различий между Россией и Индонезией в историческом, государственном, культурном развитии, особенностей религиозной и ментальной идентификации народов, очевидной климатической разницы, а также пространственной отдаленности двух стран мотивационный модус, распространяемый обучающимся субъектом мотивации на объект, может быть определен здесь следующим образом: ‘Россия –

это «другое», малознакомое, необычное и далекое пространство, непохожее на «мой» («свой для меня) привычный мир’; иными словами, это экзотичное «другое».

Экзотика, в свою очередь, провоцирует эмоцию удивления. Строго говоря, удивление еще не может считаться оценкой. Однако оно есть впечатление, возникшее от восприятия чего-то, не укладывающегося в привычную для субъекта норму, а значит, провоцирует его на формирование отношения к вызывающему удивление объекту, выделяя его особым образом из ряда прочих. В образовательном процессе, один из главных ориентиров которого – узнавать новое, удивление пробуждает и развивает интерес, последний же сопряжен с эмоциональной оценкой (рис. 1).

Компоненты модели	Содержание модели
Мотивированное действие Act_m	Узнать ↑
Мотивационная оценка $Mark_m$	<i>Интересное</i> <i>Удивительное</i> ↑
Мотивационный модус Mod_m	<i>Экзотичное «другое»</i> ↑
Объект мотивации O_m	<i>Россия</i> ↑
Субъект мотивации S_m	Индонезийцы

Рис. 1. Мотивационная модель: базовый уровень I

Fig. 1. Motivational model: Basic level

Формируемый уровень – II

Второй уровень мотивационной модели соответствует временному периоду присутствия иностранных граждан в стране изучаемого языка, когда активную роль в их жизни и деятельности начинают играть так называемые мотивирующие субъекты: в первую очередь преподаватели РКИ, а кроме того, кураторы учебных групп, студенты, привлекаемые для проведения различных мероприятий, другие лица, сообщества и институции, цель которых – способствовать быстрой и эффективной академической, социокультурной и физической адаптации обучающихся.

Представление о России быстро конкретизируется с освоением трех главных направлений деятельности: изучением русского языка, постижением русской (в целом российской) культуры

и межкультурной коммуникацией. Коммуникация становится тренинговым пространством для испытания и применения языковой компетенции, а кроме того, предлагает естественную среду, типовые речевые ситуации, частные обстоятельства и конкретные инструменты для знакомства с историей, традициями, искусством, современным социальным укладом России.

При этом важно не только формировать новый информационный и социально-культурный фон, поддерживать установки студента рациональной направленности (карьера, долг, польза, перстиж и т.п.), но и, как было указано выше, влиять на мотивировки эмоционально-ценностной природы.

«Культурный шок», переживаемый иностранцем, впервые приехавшим в страну изучае-

мого языка, создает опасность демотивации. Тогда положительные рациональные мотивы и стимулы к учебе могут быть разрушены переживанием эмоционального дискомфорта, возникающего при столкновении с новой культурой и непривычными обстоятельствами жизни и обучения. Тогда же окружающая среда, коммуникация, язык обучения могут восприниматься как частично «чуждые» либо полностью «чужие».

Задача обучающихся субъектов состоит в корректировке представлений о чужеродности среды и, напротив, в поддержке представлений о дружественности, культивировании состояния сопричастности к происходящему вокруг.

Использование этноориентированного подхода помогает преодолеть описанную проблему в данном случае за счет учета национально-культурной и психологической специфики обучающихся из Индонезии.

Особенностью индонезийской культуры является ее многоконфессиональность, контаминация множества культур и религий – ислама, буддизма, индуизма, христианства и др. Индонезийцы привычно воспринимают окружающий мир как разнообразно устроенный, но не хаотичный, а стремящийся к гармонии. Такое понимание поддерживается философией яванцев, одного из самых представленных в стране этносов, основные положения которой – идеи всеобщей гармонии и равенства, высокая ценность дружбы и взаимопомощи, взаимоуважения, скромности и под. [Оглоблин, 1988].

Развивает толерантность к различным «языкам и культурам», давая проявиться всем в равной степени, еще одна психологическая особенность индонезийцев, обусловленная историей развития их государственности, так называемая «упругая податливость» – готовность принять чужую точку зрения, не поступившись своей [Щербакова, 2017].

Приведенные данные создают предпосылку для прогноза, который состоит в том, что *интерес* обучающихся индонезийцев к объектам мотивации будет преимущественно трансформироваться в оценку *хорошее* или, по крайней мере, *не плохое*.

Развивать как устойчивый этот эмоционально-ценностный фон поможет целенаправленная работа преподавателей РКИ и кураторов над формированием мотивационного модуля.

Мы предлагаем подавать языковой, культурный и коммуникативный материал, который ориентирован на индонезийских обучающихся, регулярно выделяя в нем события, явления, предметы, категории или свойства, имеющие индонезийский аналог. Если возникнет эффект узнавания и будут активированы логические операции сравнения, подобия или отождествления, тогда соответствующие факты начнут восприниматься как «свое» или похожее, а значит, близкое, привычное, как то, с чем человек не раз сталкивался, чему привык доверять и к чему поэтому относится положительно.

В языковой сфере это можно, например, реализовывать через элементарное выделение и анализ сходных грамматических явлений (в системе частей речи, морфологических категорий) и одинаковых концептов (*любовь, дружба, родина, семья, дети, жизнь, смерть, бог*). В коммуникативной сфере удобно сосредоточить внимание на универсальных феноменах вежливости, этикета, правил речевого поведения, типов и стилей общения; социальных сетях и мессенджерах как подтверждении глобализации. В культурной сфере естественно делать акценты на повсеместном существовании профессионального, традиционного и неформального творчества, на экологических проектах, многополярности как векторе развития современной цивилизации и т.д. и т.п.

Полезно было бы несколько первых учебных занятий специально посвятить таким темам, чтобы сформировать устойчивое первоначальное впечатление о сходном в языках и языковых картинах мира.

Отличное и непривычное также должно обсуждаться и комментироваться – по инициативе преподавателей и кураторов либо по инициативе самих обучающихся, однако с непременной актуализацией и оперативным закреплением идеи толерантности/терпимости в отношении ко всему непохожему в изучаемом языковом явлении, фрагменте мира или коммуникативной ситуации (рис. 2).

Компоненты модели	Содержание модели
Act_m	Изучать + Узнавать ↑
Mark_m	<i>Хорошее</i> <i>Не плохое / скорее хорошее</i> ↙ ↗
Mod_m	<i>Как «свое»/похожее</i> <i>Отличное/непривычное</i> <i>'У них, как у нас'</i> <i>'У них по-другому'</i> ↙ ↗
O_m	Русский язык + русская культура + межкультурная коммуникация ↑
Ag_m	Преподаватели РКИ, кураторы учебной группы, российские студенты, организаторы внеучебной деятельности... ↑
S_m	Индонезийцы

Рис. 2. Мотивационная модель: формируемый уровень II
Fig. 2. Motivational model: Generated level II

Результирующий уровень – III

Третий уровень модели по преимуществу соответствует периоду, когда систематическое и интенсивное обучение РКИ завершено. Преподаватели и организаторы внеучебной деятельности еще могут оставаться в социальном поле обучающегося в ролях советчика или эксперта, однако присутствие это скорее факультативно.

Как итог в результате целенаправленных и совместных усилий всех участников процесса у обучающихся – с помощью используемого ими нового языкового инструмента (русский язык), сформированных речевых компетенций, приобретенного коммуникативного опыта и воспринятой через это культурой – возникает не только личностное, более или менее целостное и конкретизиро-

ванное представление о России, но и знаковое эмоционально-ценностное отношение к ней.

Главные содержательные составляющие этого отношения коррелируют с положительной оценкой, которая поддерживается устойчивым отношением сопричастности к освоенным культуре и языку, успевшими стать «своими» или, по крайней мере, ощущаемыми как «свойское».

Таким образом сформированные мотивационные факторы эмоционально-ценностной природы будут способствовать развитию у индонезийской аудитории рациональных – социальных, карьерных, практических – установок и устремлений, разноплановому сотрудничеству с российскими коллегами, а также расширению эффективного диалога в границах поликультурной среды (рис. 3).

Компоненты модели	Содержание модели
Act_m	Сотрудничать + Изучать + Узнавать ↑
Mark_m	<i>Хорошее</i> ↙ ↗
Mod_m	<i>«Свое»/освоенное</i> <i>Дружеское/свойское</i> <i>'У вас, как у нас'</i> <i>'У вас по-другому'</i> ↙ ↗
O_m	Россия = (русский язык + русская культура + межкультурная коммуникация) ↑
Ag_m	Преподаватели РКИ, кураторы учебной группы, российские студенты, организаторы внеучебной деятельности... ↑
S_m	Индонезийцы

Рис. 3. Мотивационная модель: результирующий уровень III
Fig. 3. Motivational model: Resulting level III

Общая структура модели

«Мотивация обучения индонезийцев РКИ»

Итоговая модель мотивации обучения индонезийцев русскому языку как средству межкуль-

турной коммуникации, включающая мотивирующие компоненты эмоционально-ценностной природы (мотивационную оценку и мотивационный модус), представлена ниже (рис. 4).

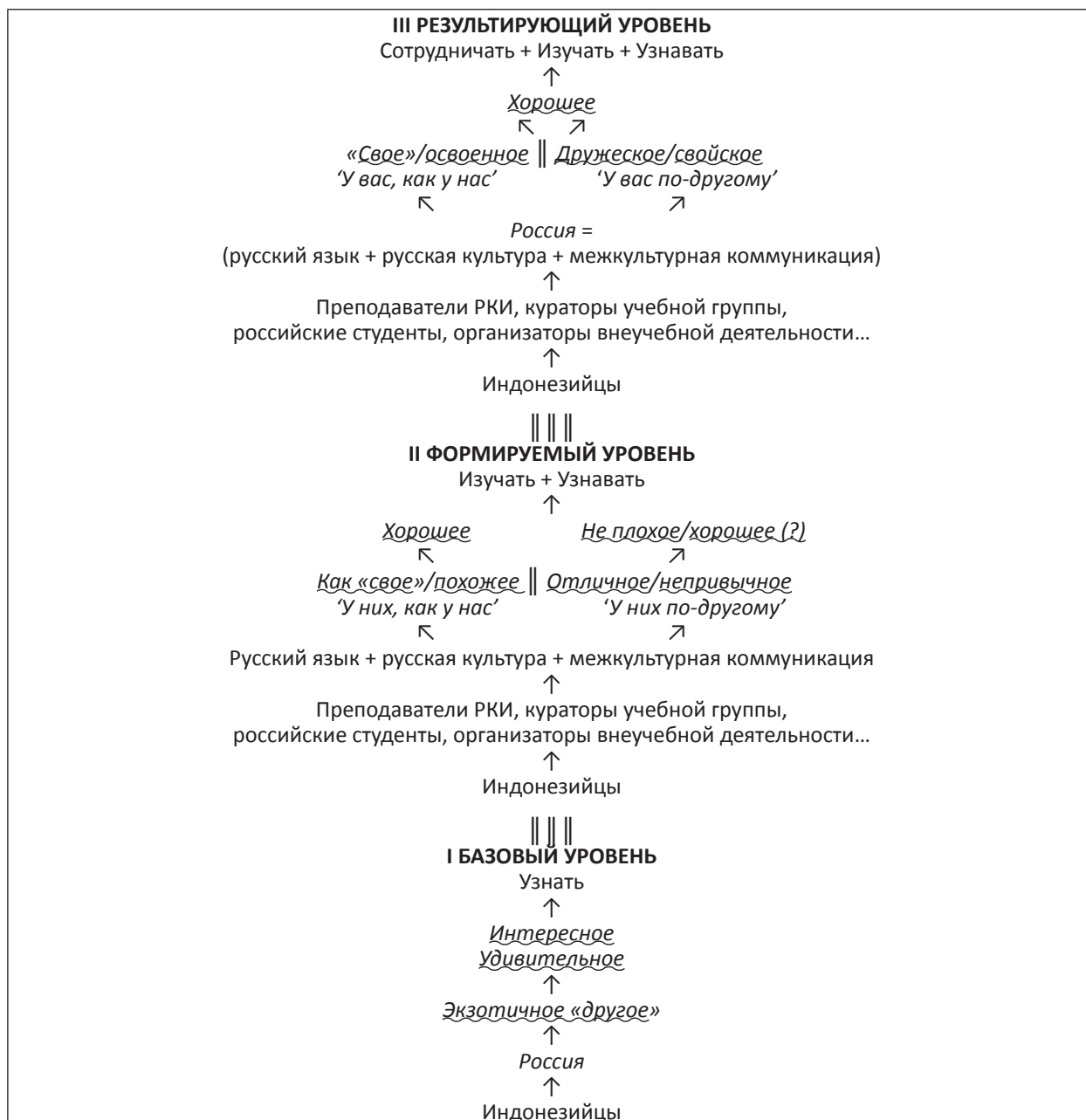

Рис. 4. Мотивационная модель: общая структура
Fig. 4. Motivational model: General structure

Выводы. Завершая исследование, отметим следующее:

– представленная мотивационная модель демонстрирует: а) значение эмоционально-ценностного компонента как структурной части коммуникативно-деятельностного подхода, влияющего на процессы языкового обучения и со-

циальной адаптации, на положительное отношение обучающегося к этим процессам и на итоговые результаты, а также б) теоретический и методический потенциал этноориентированного подхода в области РКИ, дающего возможность создавать мотивационные модели обучения, ориентированные на целевую национальную аудиторию;

– структура представленной модели – ее признаки универсальности и, представляется, компонентный состав и описанные взаимосвязи – учитывает проблемы методики преподавания русского языка как иностранного, имеет признаки универсальности и, представляется, может быть использована для формирования мотивационных моделей применительно к другим целевым группам иностранных обучающихся.

Библиографический список

1. Войтович Н.В. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении РКИ // Лингводидактика: новые технологии в обучении русскому языку как иностранному: сб. науч. ст. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. Вып. 2. С. 33–36.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 278 с.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2003. 192 с.
4. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2006. 336 с.
5. Додонов Б.И. Структура и динамика мотивов деятельности // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 126–130.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
7. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: монография / Сибир. федерал. ун-т. Красноярск, 2009. 325 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998. 848 с.
9. Леонтьев А.А. Педагогическое общение. 2-е изд., перераб. и доп. М.; Нальчик, 1996. 367 с.
10. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст». М.: Языки русской культуры, 1999. 346 с.
11. Нурмухамбетова С.А. Особенности преодоления трудностей при изучении иностранного языка в процессе формирования коммуникативной готовности студентов неязыковых специальностей // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 235–239.
12. Овчинников М.В. Динамика мотивации учения студентов педагогического вуза и ее формирование: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 26 с.
13. Оглоблин А.К. Некоторые аспекты традиционной социализации детей у яванцев // Этнография детства: традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1988. С. 5–38.
14. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
15. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с. URL: <https://textarchive.ru/c-1108711.html>
16. Шабаайти И., Гао Л. Этноориентированное обучение в системе методики преподавания РКИ // Педагогические науки. 2021. № 2 (39). С. 441–446.
17. Щербакова Е.Е. Характеристика индонезийских учащихся в контексте обучения русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2, ч. 2. С. 209–212.
18. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969.
19. Argyle M. Social interaction. N.Y., 1954.
20. Lasswell H. The structure and function of communication in society. In: Mass Communications / Ed. by W. Schramm. Urbana, 1960.
21. Revenko I.V., Osetrova E.V. Two «characters» in the Russian linguistic worldview: «we» and «they» // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2022. Vol. 15, No. 10. P. 1533–1547. URL: <http://journal.sfu-kras.ru/number/145415>

MOTIVATION OF INDONESIANS TO LEARN RUSSIAN LANGUAGE: DYNAMIC MODEL AND ITS METHODOLOGICAL POTENTIAL

E.V. Osetrova (Krasnoyarsk, Russia)

I.V. Revenko (Krasnoyarsk, Russia)

S.P. Vasilyeva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The motivation system is the engine of conscious activity and human realization in any field, including in the field of educational and training activities. Considering the phenomenon of motivation in various aspects, researchers do not abandon attempts to present it in the form of one model or another. However, well-known experiences in creating such structures show that, as motivating ones, they take into account elements of a predominantly rational nature: career, success, authority, financial and social well-being, etc. Meanwhile, both certain theoretical calculations and humanitarian practice, in particular, methods of teaching foreign languages, make us pay attention to the fact that in the formation of attitudes to activity, components of an emotional and value nature play a significant role.

The purpose of the study is to create a model of motivation of students from Indonesia to study Russian as a Foreign Language (RFL) based on motivational factors of emotional and value nature.

Methodology (materials and methods). Research methodology is based on the principles of communicative-activity-related and ethno-oriented approaches, within the boundaries of which universal methods of analysis and synthesis, as well as a comparative method, are used.

Research results. The RFL motivation model includes the following components: a motivated subject, a motivating subject, an object of motivation, a motivational assessment, motivational modus, a motivated action, which are considered in the dynamics of their development and at the same time in application to the process of teaching Russian as a foreign language to Indonesian students. This model is structured at three levels: the basic level (I) reflects the students' primary stereotypical idea of Russia, which fits into a set of well-known concepts and characteristics, defined as "exotic 'other'" and which will be "interesting to know"; the generated level (II) corresponds to the period of students' immersion in the educational process, comprehension of the Russian language and Russian culture, interethnic contacts, which are characterized as "looks like mine and good" or "doesn't look like mine, but not bad" – something interesting that one wants to "study and learn"; the resulting level (III) corresponds to the final stage of training, when foreign citizens form an integrated idea of Russia, supported by diverse experience, as well as a stable attitude of belonging to the appropriated culture and language, which have managed to become "our own" and/or "friendly" and activate motivational attitudes through the key predicates "collaborate", "study", and "learn".

Conclusions. The emotional value-related component in the general structure of motivations – taking into account the principles of communicative activity-related and ethno-cultural approaches – is significant and influences the effectiveness of the language learning processes and social adaptation of Indonesians studying RFL.

Keywords: *Indonesia, Russian language, intercultural communication, modeling, motivation, emotional and value component.*

Osetrova, Elena V. – DSc (Philology), Professor of the Department of Modern Russian Language and Methodology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: osetrova@yandex.ru

Revenko, Inna V. – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern Russian Language and Methodology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: inna.revenko@mail.ru

Vasilyeva, Svetlana P. – DSc (Philology), Professor, Professor of the Department of General Linguistics, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk); e-mail: vasileva@kspu.ru

---

References

1. Voitovich N.V. Communicative and activity-related approach in teaching RFL. In: Linguodidactics: new technologies in teaching Russian as a foreign language: collection of scientific articles. Minsk: Izd. Tsentr BGU, 2016. Is. 2. P. 33–36.
2. Volf E.M. Functional semantics of evaluation. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM", 2019. 278 p.

3. Galskova N.D. Modern methods of teaching foreign languages: A teacher's manual. Moscow: ARKTI, 2003. 192 p.
4. Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. Introduction to the theory of intercultural communication. Moscow: Izdatelskiy tsentr "Akademiya", 2006. 336 p.
5. Dodonov B.I. Structure and dynamics of motives of activity // *Voprosy psikhologii* (Questions of Psychology). 1984. No. 4. P. 126–130.
6. Ilyin E.P. Motivation and motives. St. Petersburg: Piter, 2000. 512 p.
7. Kim I.E. The personal sphere of a person: structure and linguistic embodiment: Monograph. Krasnoyarsk: SFU, 2009. 325 p.
8. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Russkiy yazyk, 1998. 848 p.
9. Leontiev A.A. Pedagogical communication. Second Edition. Moscow; Nalchik, 1996. 367 p.
10. Melchuk I.A. Experience of the theory of linguistic models "Meaning $\Leftrightarrow$ Text". Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. 346 p.
11. Nurmukhambetova S.A. Features of overcoming difficulties in learning a foreign language in the process of forming the communicative readiness of students of non-linguistic specialties // *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* (Baltic Humanitarian Journal). 2017. Vol. 6, No. 3 (20). P. 235–239.
12. Ovchinnikov M.V. Motivational dynamics of teaching pedagogical university students and its formation: PhD Thesis Summary (Psychology). Yekaterinburg, 2008. 26 p.
13. Ogloblin A. K. Some aspects of traditional socialization of Javanese children. In: *Ethnography of childhood: traditional forms of upbringing of children and adolescents among the peoples of South and Southeast Asia*. Moscow: Nauka, 1988. P. 5–38.
14. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture Moscow: Akademichesky Proyekt, 2004. 992 p.
15. Philosophy: An encyclopedic dictionary / Ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki, 2004. 1072 p. URL: <https://textarchive.ru/c-1108711.html>
16. Shabaaiti I., Gao L. Ethno-oriented learning in the system of teaching methods of RFL // *Pedagogical Sciences*. 2021. No. 2 (39). P. 441–446.
17. Shcherbakova E.E. Characteristics of Indonesian students in the context of teaching Russian as a foreign language // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Questions of Theory and Practice). 2017. No. 2. Part 2. P. 209–212.
18. Yakobson P.M. Psychological problems of motivating human behavior. Moscow: Prosveshchenie, 1969.
19. Argyle M. Social interaction. N.Y., 1954.
20. Lasswell H. The structure and function of communication in society. In: *Mass Communications* / Ed. by W. Schramm. Urbana, 1960.
21. Revenko I.V., Osetrova E.V. Two "characters" in the Russian linguistic worldview: "we" and "they" // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022. Vol. 15, No. 10. P. 1533–1547; URL: <http://journal.sfu-kras.ru/number/145415>

УДК 371.398

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАБОТНИКОВ АВИАЦИОННОГО СЕКТОРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В.В. Геращенко (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Для выполнения всех целей, возложенных на авиационный сектор промышленности, и для решения задач государственной программы Российской Федерации «Развитие авиационной промышленности» необходимо оптимизировать условия работы современных организаций в авиационном секторе промышленности для улучшения здоровья работников (физического, психического, интеллектуального) и повышения работоспособности. Разработка и серийный выпуск продукции для гражданской авиации обеспечивается производственной деятельностью работников (конструкторы, инженеры, авиатехники).

Цель исследования – разработка модели организации физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности от 25 до 35 лет на основе применения интегративного подхода.

Методология (материалы и методы) исследования. В исследовании был применен метод теоретического моделирования на основании обработанных данных, полученных в процессе социологического опроса и анкетирования по оценке уровня физкультурно-оздоровительной работы организаций по техническому обслуживанию воздушных судов.

Результаты исследования. Использование средств оздоровительной физической культуры в течение рабочего дня и в свободное от работы время с целью снижения утомляемости, профилактика профессиональных заболеваний и повышение работоспособности являются необходимыми условиями для оптимизации работы труда на производстве. В результате анализа и оценки физкультурно-оздоровительной работы организаций по техническому обслуживанию воздушных судов была разработана и предложена к внедрению модель физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности на основе интегративного подхода. Модель включает четыре блока – целевой, организационный, критериально-оценочный, результативный.

Заключение. В результате применения метода теоретического моделирования была разработана модель организации физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности от 25 до 35 лет на основе применения интегративного подхода. На следующем этапе исследования будет выполнен педагогический эксперимент с инженерно-техническим персоналом организаций по техническому обслуживанию воздушных судов и проверена эффективность представленной модели исходя из граничных условий с последующим внедрением разработанной модели на производстве и в учебные центры авиационного персонала.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, авиационный персонал, анкетирование, работа с населением, укрепление здоровья, модель, работоспособность.

Геращенко Владислав Валерьевич – аспирант, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева (Красноярск); ORCID: 0000-0002-8571-9596; e-mail: mr.vlad08@mail.ru

Постановка проблемы. Одним из ключевых высокотехнологичных секторов Российской экономики является сектор авиационной промышленности, где общая численность работников по состоянию на конец 2021 – начало 2022 г. составляет порядка 400 тыс.

человек. Разработка и серийный выпуск продукции для гражданской авиации обеспечиваются производственной деятельностью работников (конструкторы, инженеры, авиатехники). Для выполнения всех целей, возложенных на авиационный сектор промышленности, и достижения

задач в государственной программе Российской Федерации по «Развитию авиационной промышленности» необходимо оптимизировать условия работы современных организаций в авиационном секторе промышленности для улучшения здоровья работников (физического, психического, интеллектуального) и повышения работоспособности. В работах [Виноградова, Окунькова, 2015; Галкин и др., 2016; Киреева, 2017; 2019] отражена важность экономического развития страны силами населения трудоспособного возраста. Роль физической активности и мотивация к занятиям физической культурой и спортом взрослого населения в среде корпоративного спорта отражена в работах [Колтан, Конеева, 2014; Никулин и др., 2016; Пашенко, 2017; Осик и др., 2017; Aleksovska et al., 2019; Родионова, Лубышева, 2020; Farrahi et al., 2020; Kopp, Burtcher, 2021; Murphy et al., 2023; Deslippe et al., 2023]. Научные труды и исследования в области вовлечения взрослого населения в организованную физкультурно-оздоровительную деятельность [Артемьев, 2014; Проскурякова, 2016; Пашенко, 2017; Дворкин, Дворкина, 2019; Шестакова, Перевалина, 2019; Киреева, 2017; Holtermann et al., 2021; Kons et al., 2023; Bell et al., 2023] установили зависимость влияния физической активности на уровень здоровья, физическую подготовленность, психоэмоциональное состояние и работоспособность. Необходимость изучения физкультурно-оздоровительной деятельности трудоспособного взрослого населения страны с последующим моделированием и определением граничных условий для создания модели отражена в работах [Дахин, 2012; Камалетдинова и др., 2012; Киреева, 2017; 2019].

Цель исследования – разработка модели организации физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности от 25 до 35 лет на основе применения интегративного подхода.

Методология исследования. В исследовании был применен метод теоретического моделирования на основании обработанных данных [Герасценко и др., 2023], полученных в процессе социологического опроса и анкетирования по оценке уровня физкультурно-оздоровительной

работы организаций по техническому обслуживанию воздушных судов.

Результаты исследования. Использование средств оздоровительной физической культуры в течение рабочего дня и в свободное от работы время с целью снижения утомляемости, профилактики профессиональных заболеваний и повышение работоспособности являются необходимыми условиями для оптимизации работы труда на производстве. В результате анализа и оценки физкультурно-оздоровительной работы организаций по техническому обслуживанию воздушных судов была разработана и предложена к внедрению модель физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности на основе интегративного подхода [Антипенкова, Киреева, 2017]. Модель состоит из четырех блоков – целевой, организационный, критериально-оценочный и результативный.

Целевой блок включает в себя обоснование цели, которая заключается в разработке технологии формирования здорового образа жизни и оптимизации физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности, а также разработку следующих задач: обеспечение теоретической и практической подготовленности работников авиационного сектора по формированию здорового образа жизни; организация и проведение физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий с учетом уровня физической подготовленности, работоспособности и психоэмоционального состояния работников авиационного сектора промышленности; проведение тестирования ВФСК ГТО; повышение уровня экономической эффективности предприятия посредством применения модели физкультурно-оздоровительной работы с уменьшением трудовых потерь. Кроме этого, обосновывается применение следующих педагогических принципов: системности, последовательности, оптимальности и доступности в обучении.

Организационный блок: взаимосвязь физкультурно-оздоровительной деятельности в режиме рабочего дня и в свободное время,

спортивно-массовые мероприятия, сдача нормативов ВФСК ГТО с учетом психологии межличностных отношений в физкультурно-спортивной деятельности в сфере авиационной промышленности (социально ориентированное общение, лично ориентированное общение, подтекстовая ориентация) и врачебно-педагогический контроль (наблюдение за состоянием здоровья, физическим развитием и работоспособностью, разработка рациона на основе принципа рационального питания и условий работы, консультации и составление индивидуальных планов тренировок с преподавателями).

Критериально-оценочный блок необходим для определения показателей комплексной оценки эффективности модели и включает: формирование ключевых компетенций и коммуникативных способностей специалистов авиационного сектора промышленности; умение организовывать собственную деятельность из граничных условий рабочего графика; количество физкультурно-оздоровительных мероприятий в организациях по техническому обслуживанию воздушных судов; уровень физической подготовленности работников; психоэмоциональное состояние работников и зависимость экономической эффективности предприятия от результатов физкультурно-оздоровительной работы.

Для проверки эффективности предложенной модели был внедрен *результативный блок*, включающий три показателя.

1. Повышение эффективности физкультурно-оздоровительной деятельности организаций

по техническому обслуживанию воздушных судов.

2. Уменьшение трудовых потерь и повышение экономической эффективности организации.

3. Сформированные ценности работников к ведению здорового образа жизни.

Заключение. В результате применения метода теоретического моделирования была разработана модель организации физкультурно-оздоровительной деятельности работников авиационного сектора промышленности от 25 до 35 лет на основе применения интегративного подхода. В структуру разработанной модели включены четыре блока (целевой, организационный, критериально-оценочный и результативный). *Целевой блок* отвечает за обоснование цели посредством разработки технологии формирования здорового образа жизни, *организационный блок* обеспечивает взаимосвязь физкультурно-оздоровительной деятельности в различных режимах рабочего времени, *критериально-оценочный блок* позволяет определить показатели комплексной оценки эффективности модели, *результативный блок* определяет эффективность разработанной модели. На следующем этапе исследования будет выполнен педагогический эксперимент с инженерно-техническим персоналом организаций по техническому обслуживанию воздушных судов и проверена эффективность модели исходя из граничных условий с последующим внедрением разработанной модели на производстве и в учебные центры подготовки авиационного персонала.

Библиографический список

1. Антипенкова И.В., Киреева А.В. Модель физкультурно-оздоровительной работы в финансовой организации (корпорации) // Наука и спорт: современные тенденции. 2017. Т. 14, № 1 (14). С. 34–40. URL: <https://sciencesport.ru/journals/no1-tom-14-2017-god/articles/model-fizkulturno-ozdorovitelnoy-raboty-v-finansovoy>
2. Артемьев А.А. Организация физкультурно-оздоровительной работы в структуре здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2014. № 1. С. 9–30. URL: https://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/issue/view/123/2014_1
3. Виноградов П.А., Окуньков Ю.В. Физическая культура и спорт трудящихся: научно-методические, социологические и организационные аспекты. М.: Советский спорт, 2015. 172 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007936489>

4. Галкин Ю.П. и др. Особенности использования трудящимися различных форм и средств физической рекреации / Ю.П. Галкин, Д.Ф. Палецкий, Т.М. Булкова, О.А. Комачева // Культура физическая и здоровье. 2016. № 1 (56). С. 92–95. URL: http://kultura-fiz.vspu.ac.ru/fizkultura_2016_v56_N1.html
5. Геращенко В.В. и др. Оценка уровня физкультурно-оздоровительной работы организаций по техническому обслуживанию воздушных судов / В.В. Геращенко, Д.В. Геращенко, М.Д. Кудрявцев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 4 (218). С. 67–71. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.04.p67-72.
6. Дахин А.Н. Модели и цели общего образования // Школьные технологии. 2012. № 3. С. 67–77. URL: <https://narodnoe.org/journals/shkolnie-tehnologii/2012-3>
7. Дворкин Л.С., Дворкина Н.И. Теория и методика физкультурно-оздоровительных технологий / Краснодар: КГУФКСТ, 2019. 246 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37118542>
8. Камалетдинов В.Г., Попова А.Ф., Мусакаев М.Б. Моделирование в системе управления физкультурно-спортивной деятельностью // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 165–169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17865752>
9. Киреева А.В. Здоровье трудоспособного населения страны как экономическая категория // Дети. Спорт. Здоровье: межрег. сб. науч. тр. по проблемам интегративной и спортивной антропологии. Смоленск: СГАФКСТ, 2017. С. 164–167. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32678330>
10. Киреева А.В., Антипенкова И.В. Организация физкультурно-оздоровительной деятельности работающего населения на основе применения интернет-технологий // Актуальные подходы к формированию физической культуры работающего населения и использованию физкультурно-оздоровительных технологий в процессе профессиональной деятельности: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (10 декабря 2019 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2019. С. 68–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42694412>
11. Колтан С.В., Конеева Е.В. Корпоративный спорт и его миссия в развитии международной компании // Вестник Балтийского государственного университета им. И. Канта. 2014. № 5. С. 75–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21545618>
12. Никулин И.Н., Воронков А.В., Посахов А.В., Ревина Ю.А. Мониторинг уровня физической подготовленности студентов вуза при выполнении испытаний комплекса ГТО // Культура физическая и здоровье. 2016. № 5 (60). С. 88–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27714906>
13. Осик В.И., Лазарь О.Г., Ончукова Е.И. Мотивационная готовность к занятиям физическими упражнениями учителей физической культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2017. № 3 (203). С. 159–163. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30579380>
14. Пащенко Л.Г. Организация образовательно-оздоровительной деятельности взрослого населения в условиях физкультурно-оздоровительного комплекса // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 3 (20). С. 177–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30101857>
15. Пащенко Л.Г. Физическая активность и мотивы занятий физической культурой и спортом взрослого населения в России и за рубежом // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2017. № 3. С. 110–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30029461>
16. Проскурякова Н.Г. Возможности фитнес-среды в подготовке населения к сдаче норм Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» // Теория и практика физической культуры. 2016. № 12. С. 96–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27389940>
17. Родионов В.А., Родионова М.А. Роль корпоративного спорта в оздоровлении и повышении уровня физической активности трудящихся // Теория и практика физической культуры. 2020. № 1. С. 90–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42390146>
18. Родионова М.А., Родионов В.А., Лубышева Л.И. Корпоративный спорт как часть корпоративной

- культуры производственного предприятия // Теория и практика физической культуры и спорта. 2019. № 3. С. 92–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084740>
19. Шестаков М.М., Перевалина Е.А. Комплексирование разных направлений фитнеса на основе компьютерной программы // Материалы научной и научно-методической конференции ППС Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2019. Т. 48. С. 235–236. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41466520>
  20. Aleksovskaja K., Puggina A., Giraldi L. et al. Biological determinants of physical activity across the life course: a «Determinants of Diet and Physical Activity» (DEDIPAC) umbrella systematic literature review // *Sports Med Open*. 2019. Jan 8; No. 5(1). P. 2. URL: <https://doi.org/10.1186/s40798-018-0173-9>
  21. Bell O.J., Flynn D., Clifford T. et al. Identifying behavioural barriers and facilitators to engaging men in a community-based lifestyle intervention to improve physical and mental health and well-being // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 25. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01425-1>
  22. Deslippe A.L., Soanes A., Bouchaud C.C. et al. Barriers and facilitators to diet, physical activity and lifestyle behavior intervention adherence: a qualitative systematic review of the literature // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 14. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01424-2>
  23. Farrahi V., Niemelä M., Kärmeniemi M. et al. Correlates of physical activity behavior in adults: a data mining approach // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2020. Is. 17. P. 94. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-020-00996-7>
  24. Holtermann A., Rasmussen C.L., Hallman D.M. et al. 24-Hour physical behavior balance for better health for all: «The sweet-spot hypothesis» // *Sports Med Open*. 2021. Is. 7. P. 98. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-021-00394-8>
  25. Kons R.L., Orssatto L.B.R., Ache-Dias J. et al. Effects of plyometric training on physical performance: An umbrella review // *Sports Med Open*. 2023. Is. 9. P. 4. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-022-00550-8>
  26. Kopp M., Burtscher M. Aiming at optimal physical activity for longevity (OPAL) // *Sports Med Open*. 2021. Is. 7. P. 70. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-021-00360-4>
  27. Murphy J., Mansergh F., O'Donoghue G. et al. Factors related to the implementation and scale-up of physical activity interventions in Ireland: a qualitative study with policy makers, funders, researchers and practitioners // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 16. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01413-5>

MODEL OF ORGANIZATION OF PHYSICAL CULTURE AND RECREATION ACTIVITIES FOR EMPLOYEES OF THE AVIATION INDUSTRY SECTOR

V.V. Gerashchenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. In order to fulfill all the goals assigned to the aviation industry sector and to solve the tasks of the state program of the Russian Federation "Development of the Aviation Industry", it is necessary to optimize the working conditions of modern organizations in the aviation industry sector to improve the health of workers (physical, mental, intellectual) and improve working capacity. The development and serial production of products for civil aviation is provided by the production activities of employees (designers, engineers, aircraft technicians).

The purpose of the research is to develop a theoretical model of the organization of physical culture and recreation activities for employees of the aviation sector of the industry aged 25–35 on the basis of an integrative approach.

Methodology (materials and methods). The methodology of the research includes the method of theoretical modeling on the basis of the processed data obtained in the process of a sociological survey and a questionnaire to assess the level of physical culture and recreation work of aircraft maintenance organizations.

Research results. The use of health – improving physical culture during a working day and in free time in order to reduce fatigue, prevent occupational diseases and improve working capacity are necessary conditions for optimizing the work in the workplace. As a result of the analysis and evaluation of the physical culture and wellness work of aircraft maintenance organizations, a model of physical culture and wellness activities of employees of the aviation industry sector based on an integrative approach was developed and proposed for implementation. The model includes four blocks – target, organizational, criterion-evaluation, and effective.

Conclusion. As a result of the application of the method of theoretical modeling, a model was developed of the organization of physical culture and recreation activities for employees of the aviation sector of the industry aged 25-35 on the basis of an integrative approach. At the next stage of the study, a pedagogical experiment will be performed with the engineering and technical personnel of aircraft maintenance organizations and the effectiveness of the presented model will be tested based on boundary conditions, followed by the introduction of the developed model in production and in training centers of aviation personnel.

Keywords: *physical culture and sports, aviation personnel, questionnaires, work with population, health promotion, model, working capacity.*

Gerashchenko, Vladislav V. – PhD Candidate, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); ORCID: 0000-0002-8571-9596; e-mail: mr.vlad08@mail.ru

---

References

1. Antipenkova I.V., Kireeva A.V. Model of physical culture and recreation work in a financial organization (corporation) // *Nauka i sport: sovremennyye tendentsii* (Science and sports: current trends). 2017. Vol. 14, No. 1 (14). P. 34–40. URL: <https://sciencesport.ru/journals/no1-tom-14-2017-god/articles/model-fizkulturno-ozdorovitelnoy-raboty-v-finansovoy>
2. Artemyev A. A. Organization of sports and recreation activities in the structure of health care activities of educational institutions // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdavookhranenie* (Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and Health Care). 2014. No. 1. P. 9–30. URL: https://journals.csu.ru/index.php/vcsu_eh/issue/view/123/2014_1
3. Vinogradov P.A., Okunkov Yu.V. Physical culture and sports of workers: scientific, methodological, sociological, and organizational aspects. Moscow: Sovetskiy sport, 2015. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01007936489>
4. Galkin Yu.P., Paletsky D.F., Bulkova T.M., Komacheva O.A. Features of the use of various forms and means of physical recreation by workers // *Kultura fizicheskaya i zdravie* (Physical Culture and Health). 2016. No. 1 (56). P. 92–95. URL: http://kultura-fiz.vspu.ac.ru/fizkultura_2016_v56_N1.html

5. Gerashchenko V.V., Gerashchenko D.V., Kudryavtsev M.D., Petryaeva I.Yu., Samoilova G.M., Starshova N.Yu. Assessment of the level of physical culture and recreation work of aircraft maintenance organizations // *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* (Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University). 2023. No. 4 (218). P. 67–71. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.04. P. 67–72.
6. Dakhin A.N. Models and goals of general education // *Shkolnye tekhnologii* (School technologies). 2023. No. 3. P. 67–77. URL: <https://narodnoe.org/journals/shkolnie-tehnologii/2012-3>
7. Dvorkin L.S., Dvorkina N.I. Theory and methodology of physical culture and health technologies. Krasnodar: KGUFKST, 2019. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37118542>
8. Kamaletdinov V.G., Popova A.F., Musakaev M.B. Modeling in the management system of physical culture and sports activities // *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* (Siberian Pedagogical Journal). 2012. No. 2. P. 165–169. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17865752>
9. Kireeva A.V. Health of the able-bodied population of the country as an economic category. In: *Children. Sport. Health: Interregional collection of scientific papers on the problems of integrative and sports anthropology*. Smolensk: SGAFKST, 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32678330>
10. Kireeva A.V., Antipenkova I.V. Organization of physical culture and wellness activities of the working population based on the use of Internet technologies. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Actual approaches to the formation of physical culture of the working population and the use of physical culture and wellness technologies in the process of professional activity”*. December 10, 2019. Yekaterinburg. P. 68–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42694412>
11. Koltan S.V., Koneeva E.V. Corporate sports and its mission in the development of an international company // *Vestnik Baltiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* (Bulletin of I. Kant Baltic State University). 2014. No. 5. P. 75–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21545618>
12. Nikulin I.N., Voronkov A.V., Posakhov A.V., Revina Yu.A. Monitoring the level of physical fitness of university students when performing tests of the TRP complex // *Kultura fizicheskaya i zdorovie* (Physical Culture and Health). 2016. No. 5 (60). P. 88–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27714906>
13. Osik V.I., Lazar O.G., Onchukova E.I. Motivational readiness for physical exercises of physical culture teachers // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* (Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology). 2017. No. 3 (203). P. 159–163. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30579380>
14. Pashchenko L.G. Organization of educational and recreational activities of the adult population in the conditions of a physical culture and recreation complex // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* (Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology). 2017. No. 3 (20). P. 177–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30101857>
15. Pashchenko L.G. Physical activity and motives of physical culture and sports of the adult population in Russia and abroad // *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of Nizhnevartovsk State University). 2017. No. 3. P. 110–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30029461>
16. Proskuryakova N.G. The possibilities of the fitness environment in preparing the population for passing the norms of the All-Russian physical culture and sports complex “Ready for Work and Defense” // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* (Theory and Practice of Physical Culture). 2016. No. 12. P. 96–98. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27389940>
17. Rodionov V.A., Rodionova M.A. The role of corporate sports in improving health and increasing the level of physical activity of workers // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury* (Theory and Practice of Physical Culture). 2020. No. 1. P. 90–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42390146>
18. Rodionova M.A., Rodionov V.A., Lubyshva L.I. Corporate sport as part of the corporate culture of a manufacturing enterprise // *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury i sporta* (Theory and Practice of Physical Culture and Sports). 2019. No. 3. P. 92–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084740>

19. Shestakov M.M. Perevalina E.A. Integration of different directions of fitness and based on a computer program // Proceedings of the scientific and scientific-methodical conference of the Faculty of the Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism. 2019. No. 1. P. 235–236. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41466520>
20. Aleksovskaja K., Puggina A., Giraldi L. et al. Biological determinants of physical activity across the life course: a “Determinants of Diet and Physical Activity” (DEDIPAC) umbrella systematic literature review // *Sports Med Open*. 2019. Jan 8; No. 5(1). P. 2. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-018-0173-9>
21. Bell O.J., Flynn D., Clifford T. et al. Identifying behavioural barriers and facilitators to engaging men in a community-based lifestyle intervention to improve physical and mental health and well-being // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 25. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01425-1>
22. Deslippe A.L., Soanes A., Bouchaud C.C. et al. Barriers and facilitators to diet, physical activity and lifestyle behavior intervention adherence: a qualitative systematic review of the literature // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 14. URL: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01424-2>
23. Farrahi V., Niemelä M., Kärmeniemi M. et al. Correlates of physical activity behavior in adults: a data mining approach // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2020. Is. 17. P. 94. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-020-00996-7>
24. Holtermann A., Rasmussen C.L., Hallman D.M. et al. 24-Hour physical behavior balance for better health for all: “The sweet-spot hypothesis” // *Sports Med Open*. 2021. Is. 7. P. 98. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-021-00394-8>
25. Kons R.L., Orsatto L.B.R., Ache-Dias J. et al. Effects of plyometric training on physical performance: An umbrella review // *Sports Med Open*. 2023. Is. 9. P. 4. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-022-00550-8>
26. Kopp M., Burtscher M. Aiming at optimal physical activity for longevity (OPAL) // *Sports Med Open*. 2021. Is. 7. P. 70. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40798-021-00360-4>
27. Murphy J., Mansergh F., O’Donoghue G. et al. Factors related to the implementation and scale-up of physical activity interventions in Ireland: a qualitative study with policy makers, funders, researchers and practitioners // *Int J Behav Nutr Phys Act*. 2023. Is. 20. P. 16. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12966-023-01413-5>

УДК 37.1174

ЙОГА КАК ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯ ПЕДАГОГИКА: ОТ МОТИВАЦИОННЫХ АСПЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ К ФИЛОСОФСКОМУ КОНТЕКСТУ

А.Ю. Константинов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. В статье изучается проблемы реализации курсов для тренеров по йоге как многогранному социально-педагогическому феномену, предполагающему глубокую трансформацию личности и организацию особого педагогического пространства. Проанализированы данные анкет-опросников взрослых обучающихся, абитуриентов таких курсов. *Цель* статьи – выявить главные мотивы посещения курсов для тренеров по йоге, детерминанты восприятия этих курсов обучающимися и в связи с этим вскрыть глубинный социально-политический контекст их внедрения и распространения.

Методологию исследования составляют качественный тематический анализ (анкеты-заявки по В. Браун и В. Кларк), который осуществлялся более 10 лет. С помощью этого метода определялись специфические смысловые клише внутри массива данных, составленные из анкет-заявок на тренерские курсы по йоге.

Результаты. Выявлены наиболее частотные темы как выражение некоторых значимых представлений, смыслов, установок, разделяемых всеми участниками опроса. Определены цели, мотивации и причины посещения преподавательских курсов по йоге взрослыми обучающимися. Предложены пути дальнейшего исследования тренерских курсов по йоге как специфически выстроенных андрагогических пространств.

Заключение. Проведенный тематический анализ анкет посетителей курсов для тренеров по йоге позволил определить, что современная йога как многогранный социальный феномен, в частности ее педагогическая ипостась, в значительной степени конструируется на пересечении процессов колонизации, укрепления властных структур (в широком смысле слова) и трансформирования социальных субъектов. В то же время образование представляет собой сферу, в которой обучающийся может творчески и плодотворно осуществлять критическую рефлексию над своей идентичностью, а именно политико-философскими ее аспектами, оказывать сопротивление господствующим культурно-политическим императивам. В ходе дальнейших исследований предстоит рассмотреть механизмы, посредством которых йога, реализующаяся в особой иммерсивной образовательной среде курса для тренеров, может способствовать трансформации субъекта, усилить или ослабить его вовлеченность в доминирующие политические дискурсы и социокультурные парадигмы.

Ключевые слова: образование, педагогика, йога, андрагогика, власть, колониализм, преобразующее научение, идентичность, обучающийся.

Константинов Алексей Юрьевич – аспирант, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: a@ashtanga-yoga.ru

Постановка проблемы. За последние четыре десятилетия на Западе и с начала 1990-х гг. в России наблюдается быстрый рост популярности йоги.

В 2004 г. около 2,5 миллиона практикующих йогу насчитывалось только в одной Великобритании. В 1994 г. опрос Ропера (National Roper Poll Commissioned), проведенный по заказу «YogaJournal», показал, что около 6 миллионов американцев (приблизительно 3,3 % населения) практиковали йогу. В 2004 г., десять лет спустя, уже 15 миллионов американцев регулярно практикуют йогу. В 2008 г. расходы населения США

на йогу и товары, ей сопутствующие, составили 5,7 миллиарда долларов [Yoga Journal, 2012].

В 2016 г. ЮНЕСКО включила йогу в Репрезентативный список культурного нематериального наследия человечества в связи с тем, что йога повлияла «на многочисленные аспекты жизни индийского общества в сфере здравоохранения, медицины, образования и искусства». Как объясняется на официальном сайте организации, йога «ставит целью достижение гармонии тела, ума и души для улучшения физического, духовного и психического состояния, для этого используются различные позы, медитация,

управляемое дыхание, чтение наизусть и другие методы» [Пять..., 2016].

Практика и теория йоги, как они воспринимаются сейчас на Западе с точки зрения отношения к политике и структурам общественного управления, трактуются двояко [Greif et al., 2021; Madichie, Fiberesima, 2021; Friesen, Kenklies, 2023].

С одной стороны, они трактуются как вызов доминирующим культурно-политическим нормам западного мира. Апологеты этой позиции вовлечены в дискурс защиты аутентичности/чистоты йоги [Greif et al., 2021]. Как и всякое пуристское социальное движение, они считают, что существует некая неизменная предвечная традиция йоги, которая должна охраняться, дабы, во-первых, сохранить дух йоги и, во-вторых, не потерять ее протестный антивластный потенциал.

С другой стороны, сама современная йога на Западе встроена в уже существующие модели дисциплинарной власти, своими ритуалами и импликациями поддерживая и усиливая ее [Madichie, Fiberesima, 2021; Friesen, Kenklies, 2023].

В этой связи сформулируем *цель* исследования – выявить у взрослых обучающихся детерминанты (главные темы) восприятия курсов для тренеров по йоге и, таким образом, реконструировать глубинный социально-политический контекст их внедрения и распространения.

В последнее время постуральная йога постепенно становится объектом научных исследований посредством как когнитивных так и биомедицинских практик. Появился ряд исследований, рассматривающих йогу как педагогику. Большинство работ, анализирующих йогу как педагогику, рассматриваются через оптику встраивания в традиционные формальные образовательные институты [Vişcu et al., 2023]. Причем в основном речь идет об образовании неформальном. Пожалуй, самым распространенным местом проведения встреч, пространством коммуникации являются тренерские курсы по йоге. Однако литература по мотивации посещения таких тренингов часто ограничивается рамками исследований по туризму [Dillette et al., 2019; Lehto et al., 2006; Putch, 2020].

Ниже мы обратим внимание на йогу как педагогику *per se*, обратившись к конкретному воплощенному опыту посетителей курсов для инструкторов йоги, и рассмотрим одну из особенностей педагогического воздействия тренеров по йоге в нашей стране.

Что представляет собой йога как педагогика? Педагогика имеет дело с образованием, то есть обучением и воспитанием. Это теория и практика образования субъекта [Пластинин, 2018; Чернявская, 2018; Чекин, 2017]. Педагогика говорит нам о том, как задавать вопросы, в чем роль учителя, в чем роль ученика, в чем состоит содержание обучения... Заключается ли идентичность учителя в хранении знаний, или учитель выступает в роли наставника в широком смысле слова? Сводится ли идентичность ученика к пассивной рецепции знаний?

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ бразильского философа и педагога П. Фрейре, который называет такой метод банковской моделью образования. Термин введен для описания и критики существующей системы образования в его книге 1969 г. «Педагогика угнетенных». Название отсылает к метафоре студентов как контейнеров, в которые преподаватели должны помещать знания. Фрейре утверждал, что эта модель усиливает недостаток критического мышления и владения знаниями у студентов, что, в свою очередь, усиливает угнетение. В отличие от этого, Фрейре трактует знание как результат человеческого, творческого процесса [Freire, 2006]. Хотя критика модели по Фрейре в «Педагогике угнетенных» может рассматриваться как педагогическая по своему характеру. Если при этом рассматривать классную комнату как фрактал общества, то она отражает диалектические отношения угнетателя и угнетенного [Govender, 2020].

В чем роль содержания обучения, самих знаний? Является ли знание неизменной вечной истиной, которая передается субъектом, наделенным властью? Или же знание конструируется через обмен в обучающихся сообществах? Современная йога изобилует конкурирующими образовательными «эпистемологиями»,

или теориями истины, которые часто взаимно отрицают друг друга.

В 1833 г. историк педагогики из Германии А. Капп ввел в научный тезаурус термин «андрагогика» (гр. ἀνήραγος – взрослый человек, мужчина; ἄγειν ἄγεῖν – вести), который впоследствии станет трактоваться как часть теории обучения, посвященная особенностям обучения взрослых людей [Основы..., 2003]. М. Ноулс, популяризатор термина «андрагогика», определяет это понятие как науку и искусство помощи взрослому обучаться, учиться [Knowles et al., 2005]. Большинство теоретиков обучения взрослых подчеркивают фундаментальный характер личного опыта, переживания в образовательном процессе [Суйкова, 2018; Гейнце, 2022; Минеев, 2013; Mineev et al., 2018]. В контексте андрагогики и йоги как педагогики можно рассмотреть йогу как теорию и практику, помогающую обучению.

Вопросы, которые являются актуальными на текущий день в рамках такого восприятия, – это понимание того, кто эти «взрослые ученики», которые интересуются йогой в качестве образовательного института, а также что за контент разнообразные группы взрослых стремятся найти в йоге.

Нами был проведен анализ разных групп взрослых обучающихся на авторских тренерских курсах для преподавателей йоги на базе красноярской школы аштанга йоги. Школа аштанга йоги (далее – ШАЙ) существует с 2008 г. и строит свою методику преподавания на естественно-научной основе. С 2010 г. в ШАЙ регулярно проводится недельный интенсивный курс преподавания постуральной йоги. С 2012 г. курс был расширен и переработан в программу дополнительного образования профессиональной переподготовки специалистов в области тренинга, которая включает в себя 3 обучающих недельных курса, затрагивающих все аспекты работы тренера со специализацией преподавания йоги, стретчинга, пилатеса и других групповых программ. За это время курсы посетили около 1000 человек.

Многие из участников были опрошены нами как лично, так и через глубинные анкеты-

интервью о мотивациях участия, целях, ценностях, ожиданиях.

Тренерские курсы по йоге – это пример непрерывного образования взрослых в привязке к сертификации в современной постуральной йоге. Ниже будет дан краткий тематический качественный анализ 300 анкет-заявок на участие в тренерской программе, собранных за десятилетний период.

Методология и результаты исследования. В анкетах абитуриенты должны были ответить на вопросы о жизненных обстоятельствах и мотивации для посещения курса для тренеров по йоге в Красноярске.

Основные вопросы были сформулированы следующим образом.

– Расскажите о причинах и мотивах, побудивших вас посетить наш курс для преподавателей йоги именно сейчас.

– Каковы ваши ожидания от тренерского курса?

– Поделитесь вашими текущими целями в жизни.

Демографический анализ показал, что все участники были русскоговорящими, при этом жили в разных странах. Всего было представлено 15 стран, и большинство участников (90 %) были из России. Средний возраст участников 25–35 лет (интервал от 16 до 75 лет).

Для анализа анкет-заявок мы использовали подход В. Браун и В. Кларк, один из наиболее тщательно разработанных методов проведения тематического анализа (ТА) [Braun et al., 2016]. Тематический анализ – процесс идентификации закономерностей или тем в рамках качественных данных, качественный метод исследования, подходящий для описания и анализа разных эпистемологий [Braun, Clarke, 2006].

С помощью этого метода через выявление, анализ, организацию и описание основных тем были определены специфические смысловые шаблоны внутри набора данных из анкет-заявок на тренерские курсы по йоге. Самые частотные темы определялись как схемы общего, разделяемого участниками смысла, в основе которого лежит некое значимое представление.

Причины выбора данного метода качественного анализа заключаются в том, что основные вопросы в нашем исследовании относятся к концептуализации опыта и рефлексии участников, в особенности к следующим метакогнитивным вопросам.

1. Что именно данное сообщество взрослых студентов хочет узнать о йоге? Какое именно обучение йога представляет из себя?

2. Что именно данное сообщество взрослых студентов хочет узнать из тренерского курса по йоге? Какое именно обучение тренерский курс по йоге представляет из себя?

Когда участников просили определить и описать их мотивы, цели, ожидания, 251 участник обозначил йогу как практику, часто как практику познания себя. Понятие «я» определяется довольно расширенно, часто через такие понятия, как тело, ум и дух. Участница из Екатеринбурга (Алиса, 36 лет) говорит: «Йога мне очень помогает. Это больше чем просто потянуть мышцы или потренироваться, как в обычном фитнесе. Это путь к самопознанию, физическому, психическому и духовному». 234 участника описали время, отведенное для тренерского курса по йоге, как время самоуглубления, рефлексии, улучшения личной практики йоги, время коммуникации с самим собой на более глубинном, фундаментальном уровне. Участница из Санкт-Петербурга (Дарья, 32 года) указывает: «Я здесь в основном для себя, чтобы углубить свою практику йоги, побыть в присутствии самой себя и позволить себе это время для себя. Во время тренинга я хочу обрести ясность в том, какой я хочу видеть свою жизнь. И вернуться со свежим умом и новой перспективой на жизнь вокруг и внутри меня».

В 226 случаях решению пойти на курс для преподавателей йоги предшествовало какое-то важное событие в жизни, значительно ее изменившее, либо, наоборот, желание внести экзистенциальные изменения в рутину жизни. Участница из Красноярска (Анастасия, 29 лет) замечает: «Мне нужен был поворот в жизни. В последние два года у меня были сложности со многими вещами, поэтому моя мотивация – прояснить

свою жизнь, сделать ее понятнее для меня самой. Основная моя мотивация – прояснить ситуацию, что именно со мной происходит. Надеюсь, что тренинг поможет мне углубить практику и предложит глубокий опыт работы с собой, моим умом и эмоциями». Вот как описывает данную тему участница из Железногорска (Татьяна, 42 года): «После того как прошлой зимой мои близкие личные отношения закончились, моя жизнь приняла абсолютно новое направление. Я впервые попробовала йогу, и с того дня я начала внутренне меняться, чтобы сделать свою жизнь лучше. Я решила для себя, что стала йогой. Это самоопределение очень помогает мне не пропустить момент, когда еле слышно, но все же заметно говорит мой внутренний голос».

Для 224 участников помогать другим через преподавание (йоги) оказалось вторичной целью по отношению к главной, а именно углублению их личной практики йоги, желанию расширить свои знания о йоге и ее духовном воздействии на тело и душу. Вот как это описывает участница из Красноярска (Анна, 23 года): «Я хочу повысить уровень своей личной практики и, надеюсь, улучшить ее, а также провести на курсе для тренеров время, полное приятных, радостных переживаний в группе позитивных и вдохновляющих людей. Пока я еще не знаю, хочу ли я когда-нибудь преподавать йогу, но я хочу пройти этот обучающий курс в первую очередь для себя, чтобы восстановить силы после стрессов окончания обучения в моем университете... И возможно, совместить этот опыт позже с помощью другим и преподаванием моей любимой йоги».

Итак, исходная информация и первоначальный анализ показали, что большинство взрослых обучающихся воспринимали курс для тренеров по йоге через ту же самую призму, что и саму йогу: с точки зрения самопознания, в сократическом смысле. Тема познания своего «я» была проблематизирована нами как центральное упорядочивающее представление и главная тема для последующего анализа. Второй важной темой предстоящего анализа стало наличие значимого экзистенциального события

(переживания) до курса и намерение внести в жизнь изменение соответствующей высокой значимости.

Обе эти темы могут быть развиты в соответствии с теорией преобразующего научения (*transformative learning*) – педагогической концепцией, созданной американским социологом Дж. Мезиrowым, подчеркивающий экзистенциальный характер обучения, которое глубоко трансформируя субъекта, модифицирует все аспекты его бытия: психологию (новая концептуализация себя), аксиологию (новая система ценностей) и габитус (новый образ жизни) [Mezirow, 1997]. При этом переживание, личный опыт, внутренняя трансформация взрослого обучающегося субъекта являются центральными компонентами в системе андрагогики теории преобразующего научения. Те темы, которые мы обнаружили при проведении глубинных интервью и анкет-опросников у абитуриентов курсов для тренеров по йоге, в точности совпадают с понятием «дезориентирующей дилеммы» (экзистенциального кризиса) у Мезиrowа, которая меняет оптику субъекта с проблематизирующейся здесь и сейчас субъектностью приобретения знаний к обучению, которое принципиально трансформирует то, как взрослый воспринимает и ощущает мир вокруг и внутри [Mezirow, 1995].

Можно также воспользоваться таким инструментом анализа, как нарративные опросы, для того чтобы уточнить способы концептуализации процесса обучения йоге взрослыми обучающимися диахронически, а также еще глубже вскрыть экзистенциальные дилеммы, которые становятся побудительными мотивами для посещения курсов для тренеров по йоге.

Среди важных вопросов для дальнейших исследований мы видим следующие.

1. Помогают ли такие курсы студентам посмотреть на свою идентичность с новых ракурсов, возможно, не укорененных в западной парадигме, ракурсов более традиционных культур, основанных на рефрейминге идентичности в менее материалистической перспективе.

2. Закрепляет ли посещение таких курсов влияние дискурса колониализма с его акцентами

на невозможности познания себя на родине и необходимости изменения географии, на внешней эмиграции, что актуально особенно в контексте современных реалий сужения многополярности мира и текущей мировой политической повестки. Говоря словами востоковеда Э.В. Саида, не провоцирует ли восприятие курса для преподавателей йоги как особой иной топологии, где только и можно познать себя, стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада» с далеко идущими отсюда социальными последствиями [Саид, 2016].

Данный вопрос можно проблематизировать еще больше с учетом империалистической природы колониалистского дискурса: каковы последствия выбора, когда единственно возможное пространство для самотрансформации (место которого нет, личная утопия) воспринимается как то, где ты можешь быть самим собой подлинным.

Заключение. Проведенный тематический анализ анкет посетителей курсов для тренеров по йоге позволил определить, что современная йога как многогранный социальный феномен, в частности ее педагогическая ипостась, в значительной степени конструируется на пересечении процессов колонизации, укрепления властных структур (в широком смысле слова) и трансформирования социальных субъектов. В то же время образование представляет собой сферу, в которой обучающийся может творчески и плодотворно осуществлять критическую рефлексию над своей жизнью, оказывать сопротивление господствующим культурно-политическим императивам. Будущий тренер достигает такого уровня, когда не «жизнь живет его», но он живет собственной жизнью, контролирует внешние обстоятельства и внутреннее состояние. В ходе дальнейших исследований предстоит рассмотреть механизмы, посредством которых йога, реализующаяся в особой иммерсивной образовательной среде курса для тренеров, может способствовать трансформации субъекта, усиливать или ослаблять его вовлеченность в доминирующие политические дискурсы и социокультурные парадигмы.

Библиографический список

1. Гейнце Л.А. Теоретические аспекты развития понятия «непрерывное образование взрослых» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 4 (845). С. 20–27 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-razvitiya-ponyatiya-nepreryvnoe-obrazovanie-vzroslyh/viewer> (дата обращения: 01.09.2023).
2. Минеев В.В. Парная работа на семинарах по философии: учеб. пособие для студ. вузов. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2013. 132 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/twbrkf> (дата обращения: 01.09.2023).
3. Основы андрагогики / под ред. И.А. Колесниковой. М.: Академия, 2007. 240 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://obuchalka.org/2015040984001/osnovi-andragogiki-kolesnikova-i-a-2007.html> (дата обращения: 01.09.2023).
4. Пластинин В.А. К вопросу апробации андрагогической модели обучения в образовательной организации // Профессиональное образование и наука. 2018. № 2 (3). С. 8–12.
5. Пять новых элементов внесены в Репрезентативный список культурного нематериального наследия человечества / под ред. Л.И. Кунц. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.unesco.org/news/pyat-novyh-elementov-vneseny-v-representativnyy-spisok-kulturnogo-nematerialnogonaslediya-0> (дата обращения: 01.09.2023).
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. и послесл. А.В. Говорунова. Изд. 2-е, исп. и доп. СПб.: Русский Мир, 2016. 671 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.livelib.ru/book/1001679809-orientalizm-zapadnye-kontseptsii-vostoka-e-v-said> (дата обращения: 01.09.2023).
7. Суйкова О.А. Андрагогические принципы в реализации непрерывного образования взрослых // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2018. Вып. 4 (37). С. 61–67 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andragogicheskie-printsipy-v-realizatsii-nepreryvnogo-obrazovaniya-vzroslyh/viewer> (дата обращения: 01.09.2023).
8. Чекин И.А. Структурные элементы модели информационной компетентности андрагога // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6 (21). С. 235–238 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-elementy-modeli-informatsionnoy-kompetentnosti-andragoga/viewer> (дата обращения: 01.09.2023).
9. Чернявская А.Г. Андрагогика: практ. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2018. 174 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/513014> (дата обращения: 01.09.2023).
10. Alvarez V.J., Borer V.L. Breaking in the black box of pedagogical authority. Combined analysis of video and think-aloud protocols // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 134. URL: <https://clck.ru/35XwMz> (access date: 01.09.2023).
11. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // Qual. Res. Psychol. 2006. No. 3 (2). P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
12. Braun V., Clarke V., Weate P. Using thematic analysis in sport and exercise research. In: Smith B., Sparkes A.C. Routledge Handbook of Qualitative Research in Sport and Exercise. Routledge, London. 2016. P. 191–205. URL: <https://clck.ru/35Xt5T> (access date: 01.09.2023).
13. Dillette A., Douglas A., Andrzejewski C.E. Yoga tourism – a catalyst for transformation? // Annals of Leisure Research. 2019. No. 22 (1). P. 22–41. DOI: 10.1080/11745398.2018.1459195
14. Freire P. The banking model of education. In: Provenzo E.F. (ed.). Critical issues in education: an anthology of readings. Thousand Oaks. SAGE Publications. 2006. P. 105–117.
15. Friesen N., Kenkies K. Continental pedagogy & curriculum. In: International Encyclopedia of Education (Fourth Edition). 2023. P. 245–255. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.03028-1> (access date: 01.09.2023).

16. Govender N. Alienation, reification and the banking model of education: Paulo Freire's critical theory of education // *Acta Academica*. 2020. No. 52 (2). P. 204–222. DOI: 10.18820/24150479/aa52i2/11
17. Greif R., Lockey A., Breckwoldt J. European Resuscitation Council Guidelines 2021: Education for resuscitation // *Resuscitation*. 2021. Vol. 161. P. 388–407. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resuscitation.2021.02.016> (access date: 01.09.2023).
18. Knowles M., Holton E.F. III, Swanson R.A. *The adult learner: The definitive classic in adult education and human resource development*. Burlington, MA: Elsevier. 2005. 378 p. URL: <http://intrpr.info/library/books/knowles-the-adult-learner.pdf> (access date: 01.09.2023).
19. Lehto X.Y., Brown S.A., Morrison A. Yoga tourism as a niche within the wellness tourism market // *Tourism Recreation Research*. 2006. No. 31 (1). P. 25–35. DOI: 10.1080/02508281.2006.11081244
20. Madichie N.O., Fibresima O. Management education trends and gaps – A case study of a community education provision in London (UK) // *The International Journal of Management Education*. Vol. 19, is. 1. 2021. P. 112–156. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.04.004> (access date: 01.09.2023).
21. Mezirow J. Transformation theory of adult learning. In: *Defense of the Lifeworld* / Ed. by M.R. Welton. New York: SUNY Press, 1995. P. 37–70.
22. Mezirow J. Transformative Learning: Theory to practice // *New Directions for Adult and Continuing Education*. 1997. No. 74. P. 5–12. URL: <https://www.ecolas.eu/eng/wp-content/uploads/2015/10/Mezirow-Transformative-Learning.pdf> (access date: 01.09.2023).
23. Mineev V.V., Viktoruk E.N., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V., Chernyaeva A.S. Pharmaceutical ethics in the frame of bioethical knowledge: challenges for development and the potential of Foucault's key ideas // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10, No. 11. P. 2948–2951.
24. Putcha R.S. After Eat, Pray, Love: Tourism, Orientalism, and cartographies of salvation // *Tourist Studies*. 2020. No. 20 (4). P. 450–466. DOI: 10.1177/1468797620946808
25. Vişcu L-I., Cădariu I-E., Watkins C.E. Competency based training for clinical supervisors. Academic Press. 2023. 395 p. URL: <https://doi.org/10.1016/C2022-0-00378-0> (access date: 01.09.2023).
26. Yoga Journal Releases. Yoga in America Market Study // YJ EDITORS. 2012. Dec 5. URL: <https://www.yogajournal.com/press-releases/yoga-journal-releases-2012-yoga-in-america-market-study> (access date: 01.09.2023).

YOGA AS TRANSFORMATIVE PEDAGOGY: FROM MOTIVATIONAL ASPECTS OF TEACHING TO PHILOSOPHICAL CONTEXT

A.Yu. Konstantinov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the implementation of courses for yoga trainers as a multifaceted and ambiguous social and pedagogical phenomenon, which involves a deep transformation of the individual and the organization of a special pedagogical space. Data from questionnaires of adult students and applicants for such courses were analyzed.

The purpose of the article is to identify the main motives for attending courses for yoga trainers, the determinants of students' perception of these courses and, in this regard, to reveal the deep socio-political context of their implementation and dissemination.

Methodology (materials and methods). The research methodology consists of qualitative thematic analysis (questionnaires according to Brown and Clark), which has been conducted for more than 10 years. Using this method, specific semantic clichés were identified within a data array compiled from application forms for yoga coaching courses.

Research results. The most frequent themes were identified as an expression of some significant ideas, meanings, and attitudes shared by all survey participants. The goals, motivations and reasons for attending yoga teaching courses for adult students are determined. Ways for further research into yoga coaching courses as specifically constructed andragogical spaces are proposed.

Conclusion. The thematic analysis of the questionnaires of visitors to courses for yoga trainers made it possible to determine that modern yoga as a multifaceted social phenomenon, in particular, its pedagogical hypostasis, is largely constructed at the intersection of the processes of colonization, strengthening of power structures (in the broad sense of the word) and transformation of social subjects. At the same time, education is a sphere in which a student can creatively and fruitfully carry out critical reflection on their own life and resist the dominant cultural and political imperatives. Further research will examine the mechanisms by which yoga, implemented in a special immersive educational environment of a course for trainers, can contribute to the transformation of the subject, strengthening or weakening their involvement in dominant political discourses and sociocultural paradigms.

Keywords: *education, pedagogy, yoga, andragogy, power, colonialism, transformative learning, identity, student.*

Konstantinov, Aleksey Yu. – PhD Candidate (Education), Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); email: a@ashtanga-yoga.ru

---

References

1. Geyntse L.A. Theoretical aspects of the development of the concept of 'continuous adult education' // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki (Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical sciences). 2022. No. 4 (845). P. 20–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-razvitiya-ponyatiya-nepreryvnoe-obrazovanie-vzroslyh/viewer> (access date: 01.09.2023).
2. Mineev V.V. Pair work at seminars on philosophy: A textbook for university students. Krasnoyarsk: KSPU named after V.P. Astafyev, 2013. 132 p. URL: <https://elibrary.ru/twbrkf> (access date: 01.09.2023).
3. Basics of andragogy / I.A. Kolesnikova. Moscow: Akademia, 2007. 240 p. URL: <https://obuchalka.org/2015040984001/osnovi-andragogiki-kolesnikova-i-a-2007.html> (access date: 01.09.2023).
4. Platinin V.A. On the issue of approbation of the andragogical model of education in an educational organization // Professionalnoe obrazovanie i nauka (Vocational Education and Science). 2018. No. 2 (3). P. 8–12.
5. Five new elements are included in the Representative List of the Cultural Intangible Heritage of Mankind / Ed. by L.I. Kuntz. 2016. URL: <https://ru.unesco.org/news/pyat-novykh-elementov-vneseny-v-reprezentativnyy-spisok-kulturnogo-nematerialnogo-naslediya-0> (access date: 01.09.2023).
6. Said E.V. Orientalism. Western concepts of the East. Saint-Petersburg, 2016. 671 p. URL: <https://www.livlib.ru/book/1001679809-orientalizm-zapadnye-kontseptsii-vostoka-e-v-said> (access date: 01.09.2023).
7. Suykova O.A. Andragogical principles in the implementation of continuous adult education // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov (Scientific Support of the System of Advanced Training of Personnel). 2018. No. 4 (37). P. 61–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/andragogicheskie-principy-v-realizatsii-nepreryvno-obrazovaniya-vzroslyh/viewer> (access date: 01.09.2023).

8. Chekin I.A. Structural elements of andragog's information competence model // *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* (Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology). 2017. Vol. 6 (21). P. 235–238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-elementy-modeli-informatsionnoy-kompetentnosti-andragoga/viewer> (access date: 01.09.2023).
9. Chernyavskaya A.G. *Androgogy: a practical guide for universities*. Moscow: Yurayt, 2018. 174 p. URL: <https://urait.ru/bcode/513014> (access date: 01.09.2023).
10. Alvarez V.J., Borer V.L. Breaking in the black box of pedagogical authority. Combined analysis of video and think-aloud protocols // *Teaching and Teacher Education*. 2023. Vol. 134. URL: <https://clck.ru/35XwMz> (access date: 01.09.2023).
11. Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qual. Res. Psychol.* 2006. No. 3 (2). P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
12. Braun V., Clarke V., Weate P. Using thematic analysis in sport and exercise research. In: Smith B., Sparkes A.C. *Routledge Handbook of Qualitative Research in Sport and Exercise*. Routledge, London. 2016. P. 191–205. URL: <https://clck.ru/35Xt5T> (access date: 01.09.2023).
13. Dillette A., Douglas A., Andrzejewski C.E. Yoga tourism – a catalyst for transformation? // *Annals of Leisure Research*. 2019. No. 22 (1). P. 22–41. DOI:10.1080/11745398.2018.1459195
14. Freire P. The banking model of education. In: Provenzo E.F. (ed.). *Critical issues in education: an anthology of readings*. Thousand Oaks. SAGE Publications. 2006. P. 105–117.
15. Friesen N., Kenkies K. Continental pedagogy & curriculum. In: *International Encyclopedia of Education* (Fourth Edition). 2023. P. 245–255. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.03028-1> (access date: 01.09.2023).
16. Govender N. Alienation, reification and the banking model of education: Paulo Freire's critical theory of education // *Acta Academica*. 2020. No. 52 (2). P. 204–222. DOI: 10.18820/24150479/aa52i2/11
17. Greif R., Lockey A., Breckwolfdt J. European Resuscitation Council Guidelines 2021: Education for resuscitation // *Resuscitation*. Vol. 161. 2021. P. 388–407. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resuscitation.2021.02.016> (access date: 01.09.2023).
18. Knowles M., Holton E.F. III, Swanson R.A. *The adult learner: The definitive classic in adult education and human resource development*. Burlington, MA: Elsevier. 2005. 378 p. URL: <http://intrpr.info/library/books/knowles-the-adult-learner.pdf> (access date: 01.09.2023).
19. Lehto X.Y., Brown S.A., Morrison A. Yoga tourism as a niche within the wellness tourism market // *Tourism Recreation Research*. 2006. No. 31 (1). P. 25–35. DOI: 10.1080/02508281.2006.11081244
20. Madichie N.O., Fibresima O. Management education trends and gaps – A case study of a community education provision in London (UK) // *The International Journal of Management Education*. Vol. 19, is. 1. 2021. P. 112–156. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2019.04.004> (access date: 01.09.2023).
21. Mezirow J. Transformation theory of adult learning. In: *Defense of the Lifeworld* / Ed. by M.R. Welton. New York: SUNY Press, 1995. P. 37–70.
22. Mezirow J. Transformative Learning: Theory to practice // *New Directions for Adult and Continuing Education*. 1997. No. 74. P. 5–12. URL: <https://www.ecolas.eu/eng/wp-content/uploads/2015/10/Mezirow-Transformative-Learning.pdf> (access date: 01.09.2023).
23. Mineev V.V., Viktoruk E.N., Shtumpf S.P., Rakhinsky D.V., Chernyaeva A.S. Pharmaceutical ethics in the frame of bioethical knowledge: challenges for development and the potential of Foucault's key ideas // *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*. 2018. Vol. 10, No. 11. P. 2948–2951.
24. Putcha R.S. After Eat, Pray, Love: Tourism, Orientalism, and cartographies of salvation // *Tourist Studies*. 2020. No. 20 (4). P. 450–466. DOI: 10.1177/1468797620946808
25. Vișcu L-I., Cădariu I-E., Watkins C.E. Competency based training for clinical supervisors. Academic Press. 2023. 395 p. URL: <https://doi.org/10.1016/C2022-0-00378-0> (access date: 01.09.2023).
26. Yoga Journal Releases. 2012. Yoga in America Market Study // YJ EDITORS. Dec 5, 2012. URL: <https://www.yogajournal.com/press-releases/yoga-journal-releases-2012-yoga-in-america-market-study> (access date: 01.09.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

В «Вестнике КГПУ им. В.П. Астафьева» публикуются основные научные результаты исследований научных школ, диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, статьи преподавателей и аспирантов, которые ведут активные научные поиски в области педагогических и психологических наук. Полнотекстовая электронная версия статей публикуется в Научной электронной библиотеке *eLibrary*, выставляется в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» и во все-российской электронно-библиотечной системе издательства «Лань».

Журнал размещен на платформе публикаций *Readera*. Проект предоставляет комплекс бесплатных инструментов для мобильного чтения, создания заметок и цитат, эффективного продвижения публикаций на международную аудиторию.

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объем не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Текст рукописи статьи должен иметь следующую *структуру*: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

При цитировании обязательно указание ссылок на все источники из списка литературы: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

Названия таблиц, рисунков обязательно сопровождаются *переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

Bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev publishes the main scientific results of research of scientific schools, doctoral or PhD theses, articles of teachers and graduate students who do active scientific research in the field of pedagogical and philological sciences. A full-text electronic version of the articles is published in the Scientific Electronic Library *eLibrary*, is exhibited in the system of the scientific electronic library “KiberLeninka” and in the all-Russian electronic library system “Lan”.

The journal is published on the *Readera* publishing platform. The project provides a set of free tools for mobile reading, creating notes and quotations, and effectively promoting publications to an international audience.

Only manuscripts that meet the following requirements are allowed for consideration (review).

Manuscripts of the articles must be made in accordance with international professional requirements for a scientific article with a volume of at least 0.5 of printed sheet (20,000 characters), Times New Roman font, size 14, interval 1.5.

The text of the manuscript of the article must have the following *structure*: statement of the problem, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions (conclusions in accordance with the purpose of the article, author’s contribution).

When citing, it is necessary to provide references to *all* sources from the list of references, “...” [Ivanov, 2017, p. 119].

The names of tables and figures are necessarily accompanied by a *translation into English*, which makes it possible to increase the readability of articles for foreign authors.

К рукописи статьи прилагаются публикуемые сведения на русском и английском языках:

- *заглавие* – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;
- сведения об авторе – указывается фамилия, имя и отчество, занимаемая должность, ученая степень, звание, место работы, почтовый рабочий адрес с указанием индекса города, страна, адрес электронной почты, контактный телефон; Scopus Author ID, ORCID ID; научная специальность согласно новой номенклатуре научных специальностей (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*).
- *аннотация статьи* – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не менее 200 слов / 1 500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи: постановка проблемы, цель статьи, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад; ключевые слова (5). Соответственно на английском языке: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution, keywords (5).

Пристатейный список литературы (не менее 25 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии), из них не менее 30 % зарубежных (*Scopus, Web Of Science*), за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии) оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 и международными стандартами, принятыми редакцией (References); данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным переводом названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерацией фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

The manuscript is accompanied by the published information in Russian and English:

- *title* – contains the title of the article, initials and surname of the author/authors, UDC;
- *address information about the author* – the place of work, position, academic degree, postal work address with a city index, country, e-mail address (*all information is provided in full without abbreviations*);
- *abstract of the article* – a brief summary of the main content of the article and its summarizing results (no less than 200 words / 1 500 characters).

Requirements for the content and structure of the abstract

The structure of the article is preserved in the abstract: statement of the problem, purpose of the article, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution; keywords (5).

A reference list (at least 25 scientific research sources such as scientific articles, monographs), of which at least 30 % are foreign ones (*Scopus, Web Of Science*) for the last 3 to 5 years, indicating DOI for all sources if available), is made in alphabetical order in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008 and in accordance with international standards adopted by the editors (References); data for each source are provided in accordance with the original translation of the title of the article, the name of the journal, including transliteration of the names of authors; Links in the text are made in square brackets, contain the author's surname, year of publication and pages of the work cited. References to other types of sources (archival, normative, publicistic, reference, educational and methodical literature, dictionaries, abstracts of theses...) are made inside the text of the article by subscript links.

Accompanying information to the article

Author's summary is a summary of the main information about the author and the content of the article being published, which is a summary of the publication.

Сопроводительные сведения к статье

Авторское резюме – изложение основных сведений об авторе и содержании публикуемой статьи, являющееся рефератом публикации.

Структура авторского резюме

1. На русском языке

УДК

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

2. На английском языке

Ф.И.О. автора

Сведения об авторе

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

Требования, предъявляемые к авторским резюме:

– ясность/понятность, полнота, лаконичность отражения сведений об авторе и статье;

– соответствие требованиям структурных элементов;

– полнота изложения аннотации (наличие проблемы и цели, методологии, результатов, заключения);

– наличие и качество авторского резюме на английском языке (качество перевода).

Рецензирование статей

Редакцией журнала приняты международные стандарты *одностороннего слепого и двустороннего слепого рецензирования*.

Срок рецензирования – 1 месяц со дня представления статьи. В случае отрицательной экспертизы назначается второй рецензент. Вопрос о публикации статей решается на заседании редколлегии. На основании экспертизы специалистов статьи могут быть отклонены. Результаты экспертизы доводятся до сведения авторов. Отклоненные статьи предлагается доработать и представить в очередной номер журнала.

Общий *срок редакционной подготовки* статьи составляет **2 месяца**.

Structure of the author's resume

1. In Russian

UDC

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

2. In English

Full name of the author

Information about the author

Article title

Abstract

Keywords

Requirements for author's resumes:

– clarity/clearness, completeness, brevity of reflection of information about the author and the article;

– compliance with the requirements of structural elements;

– completeness of the presentation of the abstract (the presence of a problem and purpose, methodology, results, conclusions);

– availability and quality of the author's resume in English (quality of translation).

Reviewing Articles

The editorial board adopted the international standards of one-sided blind and two-way blind peer review.

The review period is **1 month** from the day of submission of the article. In case of negative expertise, a second reviewer is appointed. The issue of the publication of articles is decided at a meeting of the editorial board. Based on the examination of experts, articles can be rejected. The results of the expertise are brought to the attention of the authors. The rejected articles are proposed to be finalized and submitted to the next issue of the journal.

The general term of the editorial preparation of the article is 2 months.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О КОНКУРСНОМ ОТБОРЕ В ДОКТОРАНТУРУ

КГПУ им. В.П. Астафьева объявляет конкурсный отбор в докторантуру для проведения научных исследований в рамках следующих **научных специальностей**:

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки) – 1 человек.

Прием документов в докторантуру осуществляется с **01 по 31 ноября 2023 г.**

Конкурс проводится с **01 по 30 декабря 2023 г.**

Требования к кандидату для поступления в докторантуру

Работник должен иметь:

– ученую степень кандидата наук или ученую степень, полученную в иностранном государстве и признаваемую в Российской Федерации, обладателю которой предоставлены те же академические и (или) профессиональные права, что и кандидату наук в Российской Федерации;

– стаж педагогической и (или) научной работы не менее 5 лет;

– трудовой стаж в направляющей организации не менее 1 года;

– научные достижения, подтвержденные списком работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, и (или) патентов

на изобретения, патентов (свидетельств) на полезную модель, патентов на промышленный образец, патентов на селекционные достижения, свидетельств о государственной регистрации программ для электронных вычислительных машин, баз данных, топологий интегральных микросхем, зарегистрированных в установленном порядке;

– план подготовки диссертации.

Порядок приема документов для конкурсного отбора в докторантуру

Направляющая организация – организация, осуществляющая образовательную и научную деятельность, работники которой направляются в КГПУ им. В.П. Астафьева для подготовки докторской диссертации, – подает в университет письмо-ходатайство, подписанное руководителем направляющей организации и заверенное печатью направляющей организации, об участии работника, направляемого в докторантуру, в конкурсном отборе.

К указанному письму-ходатайству прилагаются документы, подтверждающие соответствие работника требованиям.

Подробная информация размещена на официальном сайте университета <http://www.kspu.ru/page-26184.html>

Научное периодическое издание

**ВЕСТНИК КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.П. АСТАФЬЕВА
(ВЕСТНИК КГПУ)**

2023 № 3 (65)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Бондарева
Верстка Н.С. Хасаншина

Адрес редакции и издателя: 660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Отдел научных исследований и грантовой деятельности КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Сайт журнала: <http://www.kspu.ru/division/vestnik/>
E-mail: vestnik_kspu@kspu.ru

Подписано в печать 23.10.23. Формат 60x84 1/8.

Дата выхода в свет 30.10.2023.

Усл. печ. л. 22,0. Бумага офсетная.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 10-001

Свободная цена
Подписной индекс 66001

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
в типографии «Литера-принт», Красноярск, ул. Гладкова, д. 6,
т. +7 904-895-03-40

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+